

ТАКЪ ХОЗЯЙНИЧАЮТЪ БОЛЬШЕВИКИ ВЪ КАЗАЧЬИХЪ СТАНИЦАХЪ
 Все годы советской власти - это беспрестанная череда гонений и уничтожения казачества. Пожалуй, нагляднее всего предстает она со страниц личных воспоминаний...

“Черные доски”

75 лет назад советские власти организовали страшный Голодомор. Украина чтит память его жертв. А Россия?..

стр. 26 - 27

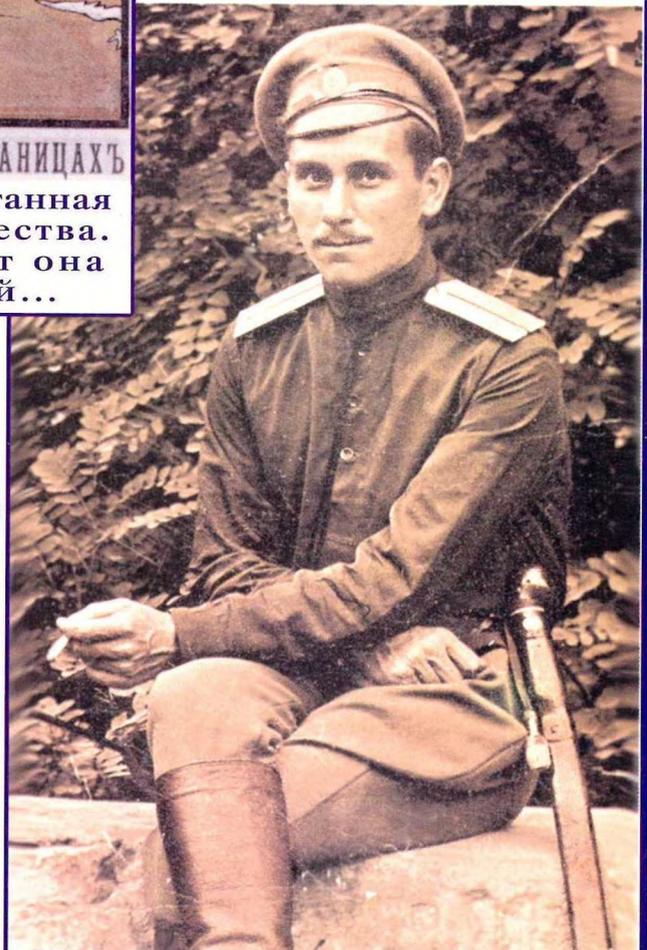
Луцкий прорыв

90 лет назад казаки сыграли важную роль в разгроме австрийской армии

стр. 12 - 15

В номере:

- * *Памяти “Горыныча”*
 умер главный редактор “Станицы” Валерий Шуков
- * *Невероятные приключения атамана*
 продолжаем рассказывать о “сиятельных проходимцах” в нынешнем казачьем движении
- * *Разгон Кубанской Рады*
 трагические события сентября 1919 года во многом предопределили поражение Белого движения
- * *“Не виновны!..”*
 60 лет назад Международный Военный Трибунал четко указал на полную невиновность казаков
- * *“Байки деда Игната”*
 продолжаем печатать удивительные истории, рассказанные кубанским казаком Радченко
- * *А был ли мальчик?..*
 легенды и мифы о “встрече” известного советского писателя и не менее известного грозного атамана

1-го Линейного полка ККВ хорунжий **Аполлон Николаевич Иодковский**
 Один из последних известных нам офицеров - участников Луцкого прорыва; умер в Москве в 1981 году.

Памяти Горыныча

В ночь на 23-е октября скоропостижно скончался главный редактор газеты "Станица" яицкий казак Валерий Александрович Шуков, уроженец поселка Лебяжинского Уральской области. Совсем немного не дожил он до 66 лет...

В 30-х годах - в Болгарии, а затем во Франции - выходил журнал "Станица". Ориентирован он был в основном на казачью интеллигенцию. На тех, кто знает и любит историю. Кто верил в будущее возрождение и готов был бороться за него - опираясь на традиционные ценности, на знание, на умение, с ясным пониманием, чего и какими средствами хочет добиться в итоге.

Бесценный редактор той "Станицы" П.В. Гусев объединил вокруг журнала лучших авторов и казачью молодежь, особенно студентов. "Станичникам" 30-х годов, при всей их безусловной и неоспоримой приверженности идеалам Белого движения, не нужен был реванш ради самого реванша, не нужно было слепое восстановление распавшегося прошлого - им нужно было будущее! Будущее - которое бы органично включало в себя и всё самое лучшее из недавно потерянного прошлого, и все доселе нереализованные чаяния многих поколений казаков, и все ценное, что можно было вынести из минувшего смутного времени и первых лет советской власти.

Та "Станица" умерла с началом мировой войны, а главный редактор был выдан в 1945 году в Лиенце и сгинул в сталинских лагерях. Но пожелтевшие номера журнала остались в архивах - и напоминанием о той эпохе борьбы и верности, и замечательным источником знаний о казачестве, его культуре и традициях. "Станичники" верили, что знания эти еще пригодятся. Пусть не завтра, не через год - но пригодятся. Собственно, они и издавали свой журнал для будущих поколений. Для нас с вами!

15 лет мы с Валерием Александровичем Шуковым вместе делали газету. Когда в 1991 году выбирали название для органа Союза Казачьих войск России (только что учрежденному в противовес красному "Союзу казаков") - собственно, и колебаний не было. За этим коротким ясным названием виделись и глубинный смысл казачьей жизни, с ее общиной, землей, традициями, и возможность стать наследниками издателей прежней "Станицы".

Валерий Александрович всегда считал, что нам всем *"надо поднять свой исторический опыт и попытаться применить его к реалиям XXI века - иначе долго еще России топтаться на месте, потерянно оглядываясь на другие страны"*.

Он и был во многом продолжателем дела П.В. Гусева. Ни разу у него и мысли не возникло - не бросить ли газету, не напрасный ли это труд? Спокойно доставалось непонимания и неприязни - и со стороны оголтелых "записных патриотов", и со стороны "демократов" нерусской закваски. Особенно усердствовали последователи "красных казаков" и всевозможные проходчики, заполонившие буквально в определенный период казачье движение в поисках личной выгоды. И, конечно, особенно негодующе звучало в их устах обвинение нашего главного редактора в приверженности демократии. Тут уж совсем бесполезно было объясняться, что историческая казачья демократия, традиции самоуправления никакого отношения к вакханалии вседозволенности не имеет, как бы это не тщились доказать любители партсобраний под видом "казачьих кругов"!

В чем только вообще не обвиняли нас все эти годы! И в фашизме, и в сионизме... Порой кажется, что не все из нынешних наших "атаманов" и читать-то умеют... А кто умеет - так те кое-где просто запрещали читать "Станицу" - за излишнее свободолюбие и независимость позиции.

Немалому числу нынешних "казаков", выросших в годы советского безвременья, никакая история и подлинные традиции вообще не нужны. Их же изучать надо, заставляя при том себе в чем-то отказывать, что-то в себе самом переделывать - а это не всегда приятно и легко. Вот и выходило: то, о чем чаще всего писал Шуков - о традиционном казачьем самоуправлении, народоправстве, необходимости воссоздания, в первую очередь, казачьей общины, с ее традициями и культурой, а уж потом только - военной службы - либо отвергалось, либо перевиралось.

"Высшими ценностями казака изначально были воля, вера и народоправствие (самоуправление), - писал В. Шуков. - А

военная служба - это не ценность, а суровая необходимость по защите своей воли-свободы, веры, жизни своей общины, своей земли... Казачья Идея - это жизненные нормы личной свободы, вольности и равноправия, воспитанные у казака образом жизни и всей системой общественного самоуправления".

Валерий Александрович неизменно воевал со всевозможными фальсификаторами казачьей истории, выдумщиками псевдоказачьих "обычаев". Нелепые придумки всяческие - вроде поветрия сидеть в папахах в помещениях, хоть бы и при иконах, преувеличенную роль священников на сходе, привычку по случаю и без оного кричать во все горло "любо!" - именовал "алмазовщиной". Был всегда непримирим к идеям насаждавшегося в России большевизма и всевозможным продолжателям оных в наши дни. И спорить здесь с Шуковым было очень трудно - он опирался в разговоре и на собственный, семейный трагический опыт, на собранные многочисленными свидетельствами большевизмских преступлений, и на свой профессиональный опыт, знания истории и философии.

Это потом уже многие из тех, кто сначала воевал со "Станицей", начинали повторять многое из того, о чем мы писали в начале 90-х годов. Как, например, получилось в случае с трагедией Лиенца. Мы стали первым казачьим органом печати, рассказавшим о том, что привело казаков в ряды немецкой армии, как и за что они воевали, какая участь ждала их после окончания той войны - за что немедленно заслужили кучу обвинений в предательстве. Причем нередко от тех же людей, что спустя недолгое время стали охотно позировать на фоне памятников казачьей кладбища в Тироле. Другие же постепенно стали принимать нашу позицию, даже сами того не замечая. Как было это и в раскритике страшной правды "черных досок" и массового истребления казачества в начале 30-х годов прошлого века. Но все равно - оставалось понимание, что и мы пишем и издаем, подобно Гусеву - снова для будущих поколений. Передавая дальше эстафету, принятую у тех, настоящих казаков.

Хотя, это значит "настоящих"? Шуков (как упорно называл он себя на традиционный манер) и был казаком, а не неким абстрактным "потомком"! Жил болью и верой казачества, любые события преломляя в свете его истории и интересов, возможности подлинного возрождения. Потому и не мог не делать того, в чем нашел себя - издания газеты.

Он был настоящим Горынычем - яицким казаком. Упертым в своей правоте, своих взглядах, консервативным. И среди всех казаков выделял, прежде всего, своих земляков-уральцев. Искренне и постоянно гордился как раз их упертостью - "стоянием в вере", как говорили прежде старожилы, коих немало было на мятежном Яике.

И больше всего переживал о трагической участи своей родины. Еще до распада СССР на Дону и на первом круге "Союза казаков" он пытался убедить собравшихся принять резолюцию в поддержку оказавшихся за искусственно вычерченными большевиками границами уральцев и семиречков, выступить с требованиями воссоединения земель Уральских и Семиреченских казаков с Россией. Зная не понаслышке о том, что происходит там, уверенно предсказывал исход русского населения, исчезновение, если Россией не будут предприняты срочные меры, очагов русской культуры и самого русского населения. Пока же государство наше об том не думает - значит, казачество должно стать гарантом защиты прав своих позабытых собратьев...

Скажете, я тут все больше о казаках и совсем мало о главном редакторе казачьей газеты? Может быть... Да только что тут сказать, если человек сам всю свою жизнь, все свои мысли связал со своим народом. Который, если хотел похвалить кого-нибудь, говорил - "настоящий казак!"

Порядочный, искренний, боевой, принципиальный, энергичный, много знающий (все-таки кандидат философских наук!) - это все так... Но, прежде всего - казак. Порой горячий, вспыльчивый. Не какой-то пережиток минувшей эпохи - а живой и очень настоящий. И именно что - Горыныч!..

В одной из своих статей он увлеченно и с любовью рассказывал о земляках-уральцах, отправившихся в 60-х годах XIX века искать правды и "лучшее царство", "Беловодье". Искали его казаки в разных странах, в том числе и далеко на юге (где-то там, где современные мистики ищут мифическую "Шамбалу"). Вот так и сам Валерий Александрович все искал свое царство казачьей правды. Нашел ли он его теперь? Будем верить!..

Г. Кокунько

Два материала ниже – две точки зрения на сегодняшнее казачество. Причем первая – из журнала “Огонек” за август 1991 года. Да – из того самого времени, когда в стране такие пошли перемены, что не до казаков стало как бы. И прошла статья эта совсем незамеченной – а жаль, многое в ней верно подмечено, предугадано на ближайшее казачье будущее. Не во всем я бы тогда согласился с автором – ну да что с него возьмешь, с иногороднего-то!? Но главное у него все-же и после всей критики казаков выскользнуло – надежда на них. Может, в очередной раз – спасут Россию?.. Что вышло в итоге – это материал другой. С Сахалина, 15 лет спустя. Попытка анализа всего случившегося за эти годы. Не спасли, одним словом...

Письма иногороднего о казаках

Страна ль ты, да вот, моя прежняя сторонка.

Страна да ты, вот, все чужая, вот да ты чужая.

Да никто ж то про нее, да про эту сторонку,

Ой да никто ж не тает, вот и да не знает.

Россия похожа на провинциала, приехавшего в столицу. Пугают соблазны. Окраины кипят – отделяясь, определяясь, хмелея от перевода “Родины” на национальный язык. Гуляют радостные карнавалы с пороховой гарью, безбожники разбегаются по религиям, русским отовсюду машут: пора домой! А над отчими полями мертво витают склеившиеся крестом социализм да капитализм, и по-прежнему хочется разнимать материнской матерой рукой соседские драки, сплотить и придавить всех крылами. Только не возвращаться к собственной пустоте.

А в этой пустоте вдруг закричали: “Казаки!”

Ох, этот крик тревожит душу еще с нашего Рождества Христова – с первых маев: вот под флагом народ, а вот машут нагайками, хищно скалясь, усатые мордвороты – казаки, казаки, тикайте, товарищи, сюда – огородами! И все с очень неуверенной усмешкой, обмирая сердцем, косятся на русские рубежи, где зашевелились потомки казачества, коего было одиннадцать миллионов, перед тем как пошла косить коса – донские, кубанские, терские, астраханские, уральские, сибирские, семиреченские, забайкальские, енисейские, уссурийские и амурские.

По сценам запрыгали кубанки и лампасы.

Возрождается воспитательная мера – наказание плетью. Порют малолетних и прочих правонарушителей. На улицы отправились казачьи патрули.

Призывники целуют шашки и прячут в котомки кисеты с родной землей, на зависть комсомолу, который “работаем, как дети – пьем, как взрослые”. Вернулись казачьи звания, и казачий круг “хорош-пригож” выбирает себе атаманов: хutorского, станичного, юртового, окружного, областного.

Только в Волгоградской области миллион сказал: “Я казак!” Уже спорят: кого считать? Не черепа ли мерить? Умеренные хоперцы пишут так: “Членом организации может стать гражданин, родом интересов, увлечений и конкретной деятельностью связанный с хоперским казачеством и его историей...”

И, конечно, будет очень по-разному.

Кроме старинных рецептов: “Крупную щуку очистить, посыпать, покрыть ее тонкими пластинами свиного сала, обвязав его нитками. Жарить на вертеле, поливая при этом стекающим соком”.

Кроме забытых словечек: “Анчутка, анчибил, анчихрист – брань, как бы черт”. “Байдюже – безразлично, “а ему и байдюже”. “Кильдим – место для гулянок с пьянством и развратом”.

Кроме газет, “Казачий вестник” – спецвыпуск новониколаевской газеты “За коммунизм”.

Кроме плясок шашек и кручения усов, будет завтрашний день, дойдет до дела, до попыток подняться на ноги...

Россия больше не пуста: плохо это или хорошо – появились казаки. И всем сразу очень хочется запряхать, облапать, соблазнить, определить их роста и привычно. Правые любовно оглаживают казачество с военно-патриотического боку – ах, как прекрасен Кремль, когда в него въезжаешь на белом коне! Буржуи манят свободой – вы только отдайте нам свои голоса. Парализованная компартия одна лишь бессильно вращает глазами, местами дряхло пытается задавить, местами скромно просясь в казаки.

От судьбы и чистоты казачьего шляха станет понятно: последняя ли это судорога русского народа, обреченного уйти, или это начало, и мы с такой надеждой смотрим вслед казакам, первым русским людям, выделившимся из пресного советского народа и просто сказавшим: что мы – не такие, как все! И будем жить сами по-своему! Счастливы вам тут – и отпраздновали в родные пределы, о

которых еще Пушкин написал с известной завистью: “Совершенное равенство прав; атамань и старшины, избираемые временные исполнители народных становлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; в куль да вводу – за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего правления”.

Казаки московские, рязанские, украинские небогато всплывали в русских летописях, подносили на Куликовом поле князю Дмитрию икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской, а в середине 16-го века вдруг ввалились в историю в атласных кафтанах, темно-гвоздичных зипунах с золотыми турецкими пуговками, шелковыми кушаками и булатными ножами, в сафьяновых сапогах – Иван Грозный признал их грамотой, и Ермак понес волю государеву на Иртыш, потом, когда горячка первого знакомства прошла и казаки наворочали за пару веков кучу славных дел, стали возникать неловкости относительно их корешков: откуда? Карамзин деликатно намекал, что “происхождение их не весьма благородно”.

Историки вдарилась работать. Кто помельче – вывел казаков напрямиком от амазонок. Кто покруче – соединил их со скифами-сарматами, саками, аланами, и в итоге вышло, что казаки на 30 кораблях ходили на защиту Трои. Основали Рим. Наводили страх на персов, мидян, греков, арабов. Проникли в Индию. Наплодили там сословие, из которого вышел Будда. Дали Израилю письменность и земледелие, и институт пророков, и даже Соломона. Добрались до Западной Африки. А под именем норманнов – до Италии, Испании. Входили в Темзу. И Лондон значит “Широкий Дон”. Неоднократно нападали на Египет при фараонах. Владели дельтой Нила. Принимали участие в строительстве Иерусалима. А фараон Рамзес III имел жену наших кровей. И даже грозный Аттила, владетель полмира, упившийся до смерти на собственной свадьбе, тоже был казак! Ура-а! Здорова! Жалко только, что брехня.

А, скорее всего, были русские люди, которым хотелось воли. “Отбегаем мы из того государства Московского, из работы вечная”. “Кормит нас, молодец, небесный царь...” И они строили Русь, кормили ее, славили, ставили под сомнение, они были несчастной, несбыточной любовью России – Волей.

И Годунов начал уже эту волю придушивать, закрутил вольную торговлю, двигал крепости на юг, и благодарные донцы первыми признали Лжедмитрия как “долгожданное утешение”, “воскресшего как Лазарь из мертвых” – стоило тому пообещать полные вольные годы. Потом сами двигали из своих рядов “царевича Петра”, терзали боярскую Русь, превзойдя в жестокости татар и поляков. Царские войска в ответ тоже истребляли от “человека до скота”. Самозванец воли не дал и закончил свое царствование на прилавке с двадцатью колотыми ранами, маскарадной “хареи” на распоротом брюхе и дудкой, воткнутой в рот. Казаки, образуясь, гнали поляков и выбирали царя Михаила.

Они жили весело – венчались на майдане, и от живых жен, и по четвертому разу, царь слал им четверти сухарей, пуды пороха, ведра водки, сукна, рубли, а они атаковали Казань и Астрахань, брали Азов, терзали турок и крымчан, Ливонию и Польшу, стонал даже султан Сулейман Великолепный. Из казачьих спин резали ремни, но они не прельщались на “бусурманские прелести”. Дипломаты плакали царю, тот делал круглыми глаза: “Те разбойники... живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один

Страница "Огонька"

...Старые фотографии - прежние лица. Откуда в нас холодная, уверенная жалость, когда мы перелистываем их? Это только нам кажется, что их протянутые руки - это попытка прорваться к нам, зацепиться, спастись, мольба. На самом деле они пытаются спасти нас, взять с собой, принять в вечную семью, дать память и силу. За ними большинство, и правда - за ними.

раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут", - и писал, кусая губы, казакам: "Мы удивляемся, каким образом вы все это делаете без нашего указа". А те опять загорались "итти на Куру-реку, на море громить турецких людей", крушили Синоп, Трапезунд, царь кряхтел: "вы сделали это не гораздо", "не наводите на себя нашего царского гнева". Отчаявшиеся турки засыпали один рукав Дона, второй перегнули цепями, казаки быстро выкопали третий, и царь уже притворно сетовал крымскому хану: "Хоть бы вы их и всех побили, нам стоять за них не за что".

А казаки двигали границы, за сто лет до Беринга открыли пролив, прятали беглых и старообрядцев, на все царевы укоризны отвечая, что "таковых на Дону не разыскано".

Родился в Зимовейской станице Степан Разин. "Пойдемте со мной на сине море зипуны добывать", повоевали с царем, а потом Степан Разин крестился перед четвертованием на Василия Блаженного и говорил "прости" православному народу и добавил брату "Молчи, собака", когда тот что-то вскрикнул не по делу. Внутренности Разина бросили собакам.

Пришлось казакам присягать Федору Алексеевичу, а затем и первый указ прислать выдавать беглых с Дона, и народ стали вслед переписывать. Казаки верно воевали с Петром, а станица Зимовейская, по слухам, родила Кондратия Афанасьевича Булавина, и тот опять начал искать воли, а когда его зажали жажоточные, пустил пулю в висок, только и сказав: "Погибла наша воля". Труп отправили в Азов и без головы повесили за ноги у протоки. Игнатий Некрасов, сподвижник Булавина, увел сколько мог народу в Турцию, подальше от царевых неправд, и есть такая грустная песня, как он пишет царю "скорый липорт" о зверствах царевых воевод, и царь, узнав правду, мчится следом и машет пуховой шляпой: вернитесь, - а они все дальше и поют ему: прощай, прощай нас...

Петр разрешил казакам сеять хлеб и разводить сады, что раньше каралось смертью, перевел их под власть сената и начал атаманом назначать сам, на Дон пошли селиться иногородние крестьяне, а казаки все служили верой и правдой. "Казаки - глаза и уши армии" - А.В. Суворов,

Станица Зимовейская, отдохнув, родила Пугачева. Тот обещал народу - "будете яко звери в поле жить", кидал в толпу медные деньги, о нем императрица переписывалась с Вольтером. Восстание Пугачева задавили, так как "отсутствовал передовой революционный класс - пролетариат". Пугачева четвертовали, он тоже крестился, клал земные поклоны, народу говорил: "Отпусти мне, в чем я согрешил перед тобой". Палач по милости Императрицы первым делом отрубил голову. Войска вешали повешенных за ребра, плыли плоты с виселицами, но и пугачевцы были хороши: с коменданта Татищевской крепости содрали с живого кожу, жену изрубили на куски, дочь изнасиловали на глазах младшего брата, а потом закололи обоих, да всякого в те времена хватало.

Курень Пугачева сожгли. Пепел развеяли, место огородили. Станицу перенесли от греха подальше на другой берег и назвали Потемкинской в честь Григория, который и стал ведать казаками.

Павел, вдохновляемый Наполеоном, задумал бросить казаков на Индию, но не успел: ушел из жизни. Гремели на поле брани лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Атаманский полк наследника цесаревича. 86 казачьих полков за-

щищало Россию в 1812 году - европейцам надолго запали в душу казаки, поившие лошадей в их реках.

Воевали казаки славно и жили богато, свободно, больше воли им позволялось за способность быстро выставить сотни тысяч сабель, синих мундиров, алых выпушек, знаменитых кавалеристов - общий вес со снаряжением 6 пудов 34 фунта 61 золотник.

Но тут станица Зимовейская, уже Потемкинская, поднадужилась опять и дала России Василия Денисовича Генералова, единственного сына в зажиточной семье. Василий женился даже не успел, как уже пристал к серьезной компании в Петербурге, готовящей невеселую участь царю, - его и повесили первым (замыкал Александр Ульянов), начались новые времена.

В революцию казаки очень поверили. Войсковой атаман, герой брусилковского прорыва генерал Каледин признал, что народ - против, сопротивляться смысла не имеет, за него только сто сорок семь казаков конвоя и группа офицеров. Он сложил с себя полномочия и застрелился.

Чуть позже хлынувшие с Украины красноармейские мародеры и ретивые ревкомовцы немного прояснили казакам представление о грядущих днях, но даже тогда генерал Краснов, проводивший мобилизацию под пулеметами, всех поголовно, с 18 до 60, смог собрать только шестьдесят тысяч вместо возможных полмиллиона. Казаки сидели по домам, еще верили и ждали. И дождались.

В январе 1919-го вышла "бамага" Свердлова, и поехало: массовым террором истребить поголовно, конфисковать хлеб, переселить, уравнивать в правах с иногородними, разоружить под угрозой смерти. Станицы переименовывались в волости, хутора - в деревни, запрещались фуражки, лампасы, зарывали залпами чудовищные расстрелы.

А в мае Ленин, любивший петь "Есть на Волге утес...", я думаю, очень искренне говорил на открытии временного памятника Степану Разину: "Нам нужна свобода действительная".

Глупо лезть в те деньки, смело шмыгая носом, отбивать башку Свердлову, пенять коммунистам - все вроде хотели как лучше, только как же у нас все не так выходит, в нашей стороне...

А Филипп Кузьмич Миронов, знаменитый командарм Второй конной армии, про которого у писателя Знаменского прекрасный роман "Красные дни", писал и посылал Ленину отчаянные письма, за чтение которых потом расстреливали без хлопот, а в ответ получил пулю от часового на прогулке по тюремному дворику.

Казаков скосили в три приема - война, расказачивание, коллективизация. Самый черный русский самодержец - Сталин мудро выбрал первым округом сплошной коллективизации Хоперский. Чтобы все просекли - уж если казачков согнули... Кроме того, Сталин решил не испытывать судьбу: при строительстве канала Волга - Дон станица Зимовейская-Потемкинская ушла на дно.

Так погибло русское казачество. Ничего, в общем, особенного, как и весь русский народ, чаша одна. И выходит, что никто вроде не виноват, будто сами виноваты - было что-то такое не так закручено в веках и за что-то нас судьба отметелила.

И совсем безвозвратно казачество может погибнуть сейчас. Когда настало время призраков. Когда нами играют тени, беспокойные души когда-то непогребенных людей.

Есть такие боли - фантомные. Отхватили у товарища ногу, и теперь на ее месте под простыней - ничего. Гладкое место. А товарищу ночью не спится. Эта нога болит. До последнего, до мизинца. Хоть ее нету. Фантомные боли.

А сейчас время фантомных людей. Которых в реальности нет. Которые давно уже "проехали" все на свете. Которые куклы. Кажется: проберешься к трибуне, толкнешь - упадет же, кукла! Это время счетоводов, которые сорок лет стучали костяшками в заготконторах, а теперь, размазывая соплю по лицу, вопят, как они всю жизнь ненавидели эту страну. Время политиканов, которым некогда сунуть в рот корочку хлеба в бегах о народной доле, и об этом они написали уже целые книжки. Которые лезут в церкви поперек тихих старушек, отцепляя, как репей, от задницы партийный многодесятилетний стаж, и потеют со свечечкой перед фотокамерами, ведь такое сокровенное дело, с такими грехами и к Богу вернулся!

Время призраков. Всем почему-то очень захотелось в другую жизнь. Хотя бы в форму. Чтобы стать посторон-

ним на собственных похоронах. И спросить: а кого, собственно, хоронят?

И казачество может сгинуть именно сейчас, в эту пору призраков. Ну, сделают красивый фольклорный маскарад. Ну, наденут депутаты португези, ну, снесут подчистую монументы Свердлову и Ленину. Ну, подерутся по пьяни казаки с базарными обитателями, и только. Прощай, последний вздох. Утонет кораблик.

Он и сейчас уязвим. Да, народ ждет от возрождения прежде всего честной власти - этим легко поманить. Да, в казачьи начальники полезут прежние чиновники и писарчуки партийных и советских контор, и опять начнется: охватить поголовно! Все - на выборы! Даешь суверенитет! Долой иногородних! Коммунистов к ответу! Да, в казачество полезут грязные руки, чтобы делать дела под шумок.

И мы видим все это, но мы будем молчать. У нас нет другой надежды, только эта. До человека никому нет дела. Он

один на солнцепеке. Он вне народа, общества, племени. Убивают наших братьев - мы молчим. Людям не на чем объединиться. А нелюди имеют очень твердую почву под ногами, они на ней все тесней и властней. А что мы можем сказать семнадцатилетним? Люби Родину? Какую там Родину... Качай мускулы для армии? Для какой там армии... Трудись, будь честным, добрым... А зачем?

Мы не помним себя как народ - нам нечего сказать. Пусть говорят хоть казаки.

Как просто оказаться одним посреди Дикого поля, без роду, без племени и старательно веселиться, жалко оглядываясь по сторонам.

Толстой писал: "Казаки создали Россию". Быть может, они сделают это еще раз?

Александр Терехов (журнал "Огонёк")
июль 1991 г.

...Начнем сначала?..

Отдельному Сахалинскому казачьему округу
"Союза Казаков" России - 15 лет

Откуда на Сахалине или Курилах казаки? Каторжане - да! А казаки?..

Богатый открытиями XIX век вошел в историю России под знаком закрепления дальневосточных рубежей. Были образованы по восточным границам Империи Амурское и Уссурийское казачьи войска.

Границы постоянно нарушались бандами хунхузов, грабивших туземное население Приамурья. Казаки несли дозорную службу, вели разведку, отражали набеги, пресекали контрабанду - вместе с тем обустривались на пройденных ими же землях, умело и с большим радением хозяйствовались. Поглядывали и в сторону Сахалина и Курил, которые давно еще посещали казачьи ватаги атаманов Москвина и Черного.

Практичные японцы, кстати, оценив роль казаков в освоении и охране новых земель, тоже пытались создавать на Хоккайдо поселения по образу казачьих станиц, даже приглашали для этого казаков. Специальные чиновники наезжали в Приамурье - "набраться казачьего духа", дабы привить его потом своим военным поселенцам, создавая для них "казачьи" условия. Но вскоре убедились в невозможности административными мерами создать новый этнос.

Но угроза создания японских военных поселений на юге Сахалина все равно оставалась. Поэтому генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков выдвинул план создания форпостов по побережью заливов Анива, Терпения и Татарского пролива. Предлагалось заселять казаками удобья южной и средней части острова. К сожалению, переселение не состоялось - надо было укреплять протяженную беспокойную границу с Китаем. А при Александре II остров стал каторжным: возможность ускорить освоение острова появлялась за счет ссыльных.

Во время революционных событий начала XX века был разжалован и сослан на Сахалин войсковой старшина Василий Иванович Болотников - за отказ усмирять крестьянский бунт. Невеста его Агафья упростила в Одессе капитана арестантского судна взять на борт и ее. Путешествие во круг всей Азии было тягостным, зато молодые после него обвенчались, поставили избу, завели хозяйство в Онорах.

Счастье было недолговечным - поселенцы избрали Болотникова старостой. Бывший казачий штаб-офицер остался верен себе: судил и рядил по справедливости, с чиновниками держался независимо, вот и подослали к нему наемных убийц.

Сын его, Федор, при большевиках стал в Онорах первым председателем сельсовета. В 30-х годах его объявили врагом народа и расстреляли; а вот сын его Анатолий уцелел по малолетству, воевал потом с японцами за освобождение Южного Сахалина в разведке. После войны Анатолий Болотников также стал старостой в Онорах. Ныне Анатолий Федорович пенсионер и атаман онорской казачьей общины. А его сын Алексей Болотников - депутат Сахалинской областной Думы.

Большой приток казаков на Сахалин пришелся на период коллективизации - пароходами доставляли на "остров смерти" раскулаченных уссурийских, амурских и сибирских казаков. Вторая волна казачьего "нашествия" - после победы над Японией: многие солдаты и офицеры каза-

чьего происхождения "оседали" на островах, чтобы строить новую жизнь. Затем молодые специалисты по на-

правлениям учебных заведений из мест традиционного проживания казаков. И пошло - поехало! Теперь вот у нас и получается: брось палку - в казака попадешь!

Через год после создания первого российского объединения трудами потомственного донского казака, геолога по профессии Олега Ивановича Гусева в Южно-Сахалинске была создана инициативная группа по созданию местной организации потомков казаков. На первые публикации откликнулось более 150 человек. Они писали о заветной мечте возродить обычаи предков, демократию круга, о готовности ставить на островных землях казачьи станицы и хутора, предлагали организоваться в казачью общину.

12 января 1991 года в Южно-Сахалинском гарнизонном Доме Офицеров собрались на сход свыше ста казаков. Все были равны, все откровенно гордились принадлежностью к "казачьему племени"... Так хорошо все начиналось!

Сход учредил Сахалинский Казачий Округ, выбрал правление. Так как большинство сахалинских казаков выходцы с Дона, были приняты за основу программа и устав ассоциации "Дон" с исторической формой одежды донцов.

Для сахалинской общественности все это было столь неожиданно, что в редакции газет посыпались вопросы: кто такие казаки, что с собой несут, какую политическую силу представляют? Казаки отвечали, что мы не партия и не сословие, а поднимающиеся из-под гнета забвения представители народа, который революционные фанатики разметали по всему свету. Наши дедов и отцов шельмовали, убивали, раскулачивали, гоняли по лагерям и ссылкам, нас сгибали, но не согнули. Мы возрождаемся с новой Россией и хотим служить ей своей силой, верой и правдой.

Да не тут-то было: нашлись и недруги, поднявшие вселенский крик о "нагаечной опасности". Газета "Свободный Сахалин" напечатала обращение какого-то общества "Земляне": "Вторжение этих казаков на Южные Курилы означает конец нашей мирной жизни!" Каково?! А чего стоила паническая телеграмма Ельцину за подписью 1614 жителей Кунашира - с требованием "защитить наши права и территорию от казачьих притязаний, во избежание кровопролития, и ввести на островах президентское правление". Заметим - не от японских притязаний защитить!..

Потом, слава Богу, разобрались. Когда исподтишка готовилась сдача Южных Курил японцам, именно казаки заявили: "Курилы - русская земля!" Сахалинские казаки собрали тогда свыше 60 тысяч подписей в защиту Южных Курил. Эстафету подхватили в Уссурийском и Амурском казачьих войсках - всего дальневосточные казаки собрали более полумиллиона подписей.

Сахалинская администрация признала в казаках действенную силу. Губернатор В. Федоров вынес постановление "О содействии возрождению казачества". Городским, районным властям предлагалось поддержать казачьи инициативы и содействовать всем формам хозяйствования, в том числе и обещанного землепользования. Обустривались первые казачьи фермы, появились первые предприятия.

Указы Президента РФ, постановления Федерального правительства образовали правовое поле для становления казачьих общин с выходом их на государственную службу. Но готово ли к этому было казачество - в частности, в нашем восточном регионе?

Испытание пришлось держать в дни катастрофического землетрясения на севере острова. Казаки Андреевской станицы вышли как по боевой тревоге. Приходилось пробиваться к Нефтегорску в невероятных условиях, перевозить пострадавших, продукты и медикаменты, врачей и спасателей. Казаки проявили стойкость и волю к самоорганизации. Многие нефтегорцы никогда не забудут своих спасителей - казаков Михаила и Александра Дегтевых, подьесаула В.Киселева, В.Терентьева. Атаман станицы Н.Лебедев с первого дня трагедии организовал спасательные работы. Его группа извлекла из развалин 30 человек. Пострадавшие были накормлены и направлены в Оху. Действия казаков в экстремальных условиях подтвердили одну из самых характерных особенностей казачества: способность к самоорганизации и инициативе, что немало важно для приграничья. Вспомним: первые пограничные посты на Сахалине были казачьими или смешанными. Таковыми могут быть они и теперь на законном основании - в силу п.3 ст.5 Федерального Закона "О государственной службе Российского казачества" от 05.12.2005 г.

Но полагаться лишь на призывную молодежь да контррактников - мало толку. Заставы необходимо подпирать хуторами и станицами, готовить профессиональных стражей. Только неверно полагать, что стоит свистнуть - и казаки побегут охранять границу. Прежде всего, надо достичь взаимопонимания командования с казачьими общинами. Пока же к казакам присматриваются потребительски: вы нам дайте людей, а дальше мы сами с усами.

А г-н генерал-советник Г.Трошев в связи с принятием закона о казачьей службе совсем казаков принизил, отводя им роль информаторов погранзастав от подозрительных лиц по телефону. Такой подход, без учета истории и традиций, обречен на неудачу. В итоге к 1998 году более 40 объявленных по стране казачьих пограничных застав остались лишь на бумаге. Не удалось реализовать свой потенциал в традиционных видах военной службы и казачьей призывной молодежи. Из ряда призывов тех лет ни один из наших призывных казаков не попал в военные части с казачьими наименованиями!

Второй приоритет казачьей службы, продекларированный тем же законом - охрана общественного порядка. На Сахалине у нее своя история - с самого начала возрождения казаки предложили сотрудничество милиции. Немало их служило в подразделениях МВД. Первые казаки - дружинники появились в августе 1995 года (по постановлению губернатора Фархутдинова "Об участии казачества в обеспечении общественного порядка и борьбе с преступностью в Сахалинской области") на улицах Южно-Сахалинска, Долинска, Анивы, Холмска, Поранайска, Томари. Днем и ночью, в любую погоду патрулировали улицы и дороги, утихомиривали скандалистов в квартирах, задерживали воров, воспитывали подростков... Но энтузиазм, проявленный казаками, и тут не нашел поддержки - в системе МВД слишком принципиальные казаки-дружинники далеко не всех устраивают. Казачьи дружины правопорядка, или СДКД (Специальная Добровольная Казачья Дружина), созданные в 9 районах области на энтузиазме, послужили около трех лет. Но, не поддержанные властями ни морально, ни материально, не имея законодательной базы и социальной защиты, постепенно приостановили свою деятельность.

Третье направление деятельности казачьих общин - экологическая служба. На Сахалине мы планировали проводить природоохранные рейды, участвовать в тушении пожаров. Однако - "блажен, кто верует"! Экологи не подпустили казаков к охране природы, усмотрев в них конкурентов. Попытки создать собственную хозяйственно-экологическую структуру на базе местных природных ресурсов (рыбный промысел, сельское хозяйство, деревообработка) натолкнулись на непробиваемое противодействие рыбачиновников, вмешательство своекорыстных олококазачьих предпринимателей и полное отсутствие поддержки властей.

Разработанная несколько лет назад нашим казачьим обществом "Программа поэтапного экономического и культурного возрождения казачества", направленная на освоение Южных Курил, забыта. Деньги, как всегда, улетучились.

Таким образом, все волнообразное казачье "возрождение" число проблем не только не уменьшило, но и породило новые. Давно было ясно, что без законодательного решения, определяющего, прежде всего, статус казака, его место в обществе, государственную нишу, ни о каком становлении и развитии казачества не может быть и речи. Поэтому трудно передать, с какой надеждой были встречены президентские указы по казачеству - о создании Главного управления казачьих войск, о государственном реестре, привлечении казаков к несению государственной службы. Сахалинские казаки вступили в реестр поголовно!

Только вот на деле никакой службы реестр не предоставил, казаков государство ни в одном из декларируемых видов служб не востребовало. И начались среди казаков разброд и шатание, раскол вплоть до станичных и хуторских образований. Не избежали того и на Сахалине.

Как грибы, повывезли атаманы и атаманчики, не знающие традиций, мечущиеся меж партий и криминальных авторитетов, лишь бы не прогадать. Сегодня казачество по многим направлениям даже позади тех позиций, что имело в начале 90-х годов! В целом казаки, как репрессированный народ, не получили ничего, кроме раскола. Ни земли, ни службы, ни льгот. Все на общих основаниях. Вокруг одни унижения и пренебрежение. Даже в книжных магазинах нельзя найти открытку с казаком, не говоря уж о портрете Ермака, атамана Ерорея Хабарова, Ивана Москвитина, Черного. Одни медведи. Берлога какая-то!.. Куда казаку податься?

Законодательство по непонятным соображениям делит казаков на своего рода касты, причем общественные казачьи организации оказались в статусе "неприкасаемых". Принятый год назад закон о казачьей службе - это вообще своего рода приговор всему движению. Провозглашенная им "государственная казачья служба" определена на деле на общих основаниях, а "иная служба" ограничивается лишь "участием" да "содействием", без определения статуса казака. Закон тем самым изначально лишен основного смысла, став неработающим, как и ельцинские указы.

Более 10 лет Госдума обсуждала несколько вариантов казачьих законов. Основными были два: проект закона "О казачестве", предлагаемый "Союзом Казаков", и "О Российском Казачестве" от бывшего Управления по вопросам казачества. Они имели принципиальные различия. В первом проекте реестровые общества - составная часть казачьей общины. Во втором - каждая часть сама по себе, а государство работает только с реестровыми. Казачьи общины и их объединения, по первому варианту, создаются и регистрируются в установленном порядке по решению казаков. В принятом законе они регистрируются только после того, как местные главы администраций и губернаторы признают эти объединения и ставят на их уставах свои печати. Членами реестровых обществ, согласно проекту отвергнутому, могли бы стать только казаки - члены общины. В принятом варианте - членом реестровых обществ может стать любой гражданин, достигший 18 лет и взявший на себя обязательство по несению госслужбы...

Разницу чувствуете? Но - закон принят. К кому он относится, должны его теперь выполнять, хоть и в качестве информаторов в трошевском понимании. А как быть тем казакам, на кого он не распространяется? Горе горевать - или радоваться? Конеч пятнадцатилетним трудом и ожиданиями?..

Между тем и мы еще можем кое-что. Ст.5 Закона "О государственной службе российского казачества" указывает, что казаки проходят государственную гражданскую, военную, правоохранительную и иные службы в соответствии с законодательством РФ. Если взглянуть на другие действующие законодательные акты, можно увидеть, что они, по существу, не ущемляют прав казаков, входящих в общественные объединения. Мы все имеем по Конституции право на равный доступ к государственной, военной, правоохранительной службе в соответствии с законодательством РФ. Как общественные объединения, во взаимоотношениях с государством мы опираемся на ст.17 Закона "Об общественных объединениях" - не допускающую, в частности, вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных организаций. Напротив, на деле местные власти нередко оказывают работе казачьих организаций немалую помощь.

Дай нам Бог терпения, силы и воли. Начнем сначала!..

Атаман Сахалинского округа В. Бондарев

О разных "героях нашего времени" писала "Станица" - некоторые нынешние "атаманы" уж такие... смешные, что просто оторопь берет: как же это еще их кто-то слушает?.. На фоне того же "государя-императора" Коваленки или "царя ордынского" Олега Попова - "герой" очередной статьи из серии "Сиятельные проходимцы" - очень даже приличный человек. Кажется, без ерошиков в голове даже. Так что мы еще подумали - и стоит ли его беспокоить? Но потом все же решились - все-таки это Дон, а человек вроде как - атаман всего Войска, с реальными организациями и казаками. Неужто Войско Донское не заслужило, наконец, достойного лидера?..

Невероятные приключения атамана Козицына

Говорят, история любой страны наполовину состоит из биографий героев, наполовину - из биографий проходимцев. Прочно вошедший в историю Донского края Николай Козицын, атаман Международного общественного объединения "Всевеликое войско донское", впечатление производит куда как геройское.

Решивший ознакомиться с историей его жизни, скорее всего, впадет в ступор от обилия чинов, медалей, орденов и званий, полученных лихим казаком. "Генерал", "доктор экономических наук", "академик", "юрист", "Георгиевский кавалер", "мальтийский рыцарь", "лауреат премии им. Г.К. Жукова", "князь", "член творческого Союза писателей Дона" - список можно продолжать еще долго... Однако к середине перечня читающего начинают одолевать здоровые сомнения: чтобы обзавестись таким количеством наград за неполные 50 лет, нужно быть как минимум суперменом!

Впрочем, Николай Иванович - человек действительно выдающийся, даже неповторимый: до него ни одному голому королю не удавалось властвовать так долго. А членство в Союзе писателей он заслужил по праву: сочинить себе столь богатую и яркую биографию сможет далеко не всякий инженер человеческого духа!

Этапы большого пути

Изобретательности и живости воображения "казачьего генерала" можно только завидовать. Даже место рождения его переписывалось минимум дважды. Послужной лист сержанта Козицына за 1979 год гласит, что будущий герой появился на свет в г. Дзержинске Донецкой области. Позже, когда "светлейший князь" очередной раз пытался избраться в органы власти, Дзержинск был заменен на Донецк - кандидат, очевидно, вообразил, что большим людям не пристало рождаться в крохотных городках...

После непродолжительных метаний честь называться родной человека-легенды досталась знаменитой Кривянке: где, как не в славной своей трехсотлетней историей станице, мог родиться бравый атаман и потомственный казак?

Кстати, о потомственности. Хотя Козицын объявляет себя едва ли не единственным преемником дореволюционного казачества, о его родословной неизвестно почти ничего. На заре атаманства пару раз он обмолвился, что по материнской линии род восходит к дворянам Турчаниновым, но в скором будущем тема наследного дворянства была закрыта раз и навсегда. Скромность похвальная, но для нашего героя совершенно нетипичная. Можно не сомневаться: будь в истории о дворянском роде хоть пара слов правды, предводитель общественников разукрасил бы этой информацией все газеты...

Вообще, несмотря на изрядный талант к сочинительству, в лакированном жизнеописании г-на атамана немало досадных пробелов. Скажем, о деятельности до 1990 года - до начала карьеры во Всевеликом войске - известно крайне мало. Создается впечатление, будто до 34 лет Николай Иванович практически не жил - в лучшем случае существовал, как инфузория-туфелька или простейшая амеба. "Служба в вооруженных силах" да "работа в "Ростов-энерго" мастером" - вот и вся информация, которой он делится с миром. При каких обстоятельствах он успел-таки занять за это время кучку медалей СССР, ордена Красной звезды и Красного знамени - загадка!

Между тем замалчивает свою "доатаманскую" жизнь Козицын напрасно: иные факты ее удачи настолько, что их влору не скрывать, а расписывать в романах и повестях. Скажем, за шесть лет службы надзирателем-контролером в зоне УЧ-398/14 будущий "генерал" успел отличиться по полной - тут тебе и прогулы, и злоупотребление спиртным, и неслужебные контакты с заключенными...

В 1980 году сержант Козицын был привлечен к дисциплинарной ответственности за грубое нарушение общественного порядка: 24-летний конвоир задержан дружинниками за неудачную попытку завладеть сумочкой незнакомой ему дамы. Впрочем, сам дебошир вину, как водится, отрицал - и, надо сказать, весьма убедительно (имена и фамилии да-

ем в сокращении, зато стиль и фотография автора сохранены):

"Командиру 10-й роты, капитану Кречкевичу от контролера сержанта Козицына. Объяснительная.

5.04.80 г., сменившись с работы, пришел в роту. Здав проверку по ТСП, поехал домой. Возле столовой "Дон" встретил одного своего товарища В.К. Постояли, поговорили, он предложил пойти посмотреть машину к нему в гараж. После чего, зайдя домой, переодевшись, я пошел к нему в гараж. У В.Б. заняли 10 рублей, купили бутылку водки. Выпив содержимое, посидев немного в гараже, мы пошли домой. К. пошел домой, я остался посидеть на площади, потом зашел в Ресторан поговорил с мл. с-нтом О. Потом пошел в Ресторан отдать долг официантке. Прийдя в ресторан, отдав долг, я встретил В.В.: он предложил пойти к нему за столик, мы еще там выпили. После чего, уже перед закрытием, пошел хотел сходить к одним знакомым, но их дома не было. Подойдя к ресторану там стояла толпа и милиция, сказали, что я оскорбил и ударил женщину. Меня забрали и отправили в милицию. Козицын 16.04.80 г."

В 85-м цвет донского казачества был уволен по статье 46, п. "ж" - "за проступки, дискредитирующие звание военнослужащего". Что это было, боюсь и предположить. Наверняка что-нибудь героическое. Все-таки из тюрьмы выгоняют далеко не каждого!..

Плоды просвещения

Образование атамана - тема, достойная отдельной статьи. Хотя в 79-м в личном деле "свеглейшего" значились скромные 10 классов, к 2002 году он исхитрился получить два высших образования, специальности юриста и экономиста, степень доктора наук и звания академика двух неизвестных в научных кругах академий... Правда, дипломов (не говоря уж о диссертациях) толком никто не видел, но это обстоятельство ничуть не мешает талантливому казаку гордиться собой. И то правда: если льва узнают по когтям, то образованного человека - по манере мыслить и изъясняться. А уж стиль и логика атамана выдают интеллектуала за версту!

- Если бы я был люмпен или дурак в этом направлении, ко мне не ездили бы Рохлин, Зюганов... И Лебедь не встречался бы со мной в моем кабинете. Почему все едут к Козицыну? Потому что у Козицына два высших образования... ("Донские войсковые ведомости", № 1 - октябрь 1997 г.)

Не менее головокружительна карьера предводителя казачества и на воинском поприще. Всего за 15 лет тюремный прапорщик стал казачьим генерал-полковником (даром, что такого чина у донских казаков не было никогда). На вопрос, откуда столь высокое звание, атаман как-то ответил, что присвоением чинов занимается одна из академий, при коей он числится. И вправду, удобно: ни тебе длительной службы, ни командования реальными частями - знай себе, пришивай очередные звездочки... Впрочем, выдающиеся люди тем и отличаются от толпы, что играют по собственным правилам. Так и хочется перефразировать знаменитое прутковское: "Хочешь быть генералом - будь им!"

"Я согласен на медаль!"

Количеству козицынских наград позавидовал бы не только атаман Платов, но и генсек Брежнев: 28 медалей СССР, РФ и зарубежных государств, 9 видов холодного и 3 вида огнестрельного наградного оружия, награды РПЦ, ООН, президента Грузии, Георгиевские кресты... Только вот при ближайшем рассмотрении выясняется, что большая часть солидного перечня существует исключительно в воображении нашего члена Союза писателей. Одних из этих наград (например, "русский православный орден Иоанна Иерусалимского"), вовсе не существует, другие - не имеют к заслуженному орденосцу отношения. О непричастности к награждению Козицына официально заявляют ФСБ,

Русская Православная Церковь (по крайней мере, Ростовская епархия), Минобороны...

Вот письмо из последнего ведомства на имя губернатора Ростовской области В.Ф. Чуба:

“В газете “Казачья вольница” от 24 февраля 2005 г. под рубрикой “Поздравляем!” сообщается, что приказом министра обороны Российской Федерации № 123 от 15 февраля 2005 года атаман Международного Союза общественных объединений Всевеликого войска Донского генерал-полковник Козицын Николай Иванович награжден медалью Минобороны России “За воинскую доблесть” I степени.

Проверкой по учетным данным главного управления кадров МО РФ установлено, что Козицын Н.И. ни среди высших офицеров, ни среди награжденных медалями Минобороны России не значится. По докладу начальника управления кадров Северо-Кавказского военного округа, Козицын Н.И. к награждению наградами Минобороны не представлялся.

Приказом министра обороны Российской Федерации № 123 от 14 февраля (а не 15 февраля) 2005 года военнослужащие и лица гражданского персонала Северо-Кавказского военного округа не награждались.

Сообщаю в порядке информации. С уважением, Начальник 3 управления главного управления кадров Минобороны России А.Ильин”.

Что в остатке? Несколько юбилейных медалек да звание “Георгиевского кавалера”. Что Козицын действительно располагает всеми Георгиевскими крестами, охотно верю. С единственной оговоркой: вряд ли они характеризуют личную воинскую доблесть “генерала”. В голодные 30-е годы истинные обладатели крестов (выдача коих после 1-й Мировой войны не производилась) порой продавали изготовленные из серебра награды, чтобы хоть как-то выжить...

Мальтийский сокол, или мещанин во дворянстве

“Князем” Николай Козицын стал в 1996 году благодаря покровительству экстрасенса Евгении Давиташвили - “королевы ассирийского народа” и “княгини Джуньи Бит-Сарду из рода Рюриковичей”. В целом ситуация порядком напомнила гайдаевского “Ивана Васильевича”: “Не признал тебя! А ты князь?” - “Пожалуй, что и князь!”. Откуда берутся дворянские титулы в отсутствие жалующего их монарха, новоиспеченный “князь” и не задумывался: как и в случае с учеными и воинскими званиями, пошлые подробности интересовали его менее всего.

Впрочем, только “княжества” (даром, что основатель Новочеркаска Матвей Платов не продвинулся дальше титула графа - жалованного Императором за бои с неприятелем) предводителю МСОО ВВД показалось мало. Для лучшей респектабельности он подался в “рыцари Мальтийского ордена”. Времена строжайшего отбора давно минули, и умирающая организация вынуждена жаловать рыцарством лиц любого сословия и вероисповедания. Что до особых заслуг, то их можно и не иметь. До Козицына регалии мальтийского сокола получил, кстати, Б. Березовский...

Генерал и его армия

Политическими метаниями нас не удивить: добрая половина государственных мужей успевает за 365 дней сменить позицию на 180 градусов. Не исключение и Козицын. Правда, по его собственным словам, на политическую панель его толкнула исключительно любовь к казачеству. В общем, “не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены...”

- Для достижения цели все средства хороши. Мы в свое время помогли демократии... И что получили в ответ? Власть повернулась к казакам спиной. Нас использовали как дешевую девку и бросили... (“Донские областные ведомости”, № 3 (452) от 20-26 января 1999 г.)

Судя по развитию ситуации, обиженная властями “девка” оказалась не только дешевой, но и не особо разборчивой в связях. С кем только не миловался Козицын ради светлого будущего своих подопечных: с Джохаром Дудаевым и Львом Рохлиным, Виктором Илюхиным и Альбертом Макашовым, Геннадием Зюгановым и Леонидом Иванченко... Каким образом трепетные чувства к казакам ужились с поддержкой коммунистов, всеми силами этих самых казаков изводивших - известно, наверное, только самому атаману. Немало вопросов вызвало и нежнейшее отношение князя-генерала к скандально известному Российскому национальному единству ...

“Шумим, братец, шумим!”

Впрочем, это дела давно минувших дней. Делом дня сегодняшнего стал очередной призыв атамана к “совести и ра-

зуму” новочеркасцев. Повод - имущественный спор между общественниками и администрацией города. Как сообщали в комитете по управлению муниципальным имуществом, суть его заключается в попытках “козицынцев” захватить бывшее здание казачьего войскового правления (ул. Московская, 70). МСОО ВВД арендует у муниципалитета часть второго этажа здания, а остальную площадь - тоже по договору аренды - занимали различные организации...

Сам Николай Иванович, как водится, переворачивает ситуацию с ног на голову, представляя захватчиком муниципалитет: раз до революции здание принадлежало казачьему войсковому правлению, значит, казакам оно должно и достаться. При этом дипломированный юрист, случайно или по недоразумению, упускает важное обстоятельство. Под действие Закона о реституции (возвращении изъятого в результате репрессий имущества), даже если бы он существовал, “общественники”, не будучи непосредственными жертвами конфискации или прямыми их наследниками, не подпали бы.

Подвело г-на Козицына и незнание истории родного края: здание правления поступило в ведение городских властей не в результате революции, а до нее.

- С введением в 1913 году законов о городском положении и самоуправлении казачье и неказачье население фактически выравнивались в отношении к собственности в городе, так как управлять Новочеркасском стал не атаман или Комитет по управлению городом, а городская Дума, городская Управа и городской голова, представлявшие население в целом, - поясняет историк Евгений Кирсанов. - У казаков, как и у иногородних собственников, осталась только обязанность содержать в исправном состоянии находящееся в их владении имущество. А в целом все постройки, мостовые, храмы, построенные за счет средств войсковой (т. е. казачьей) казны, стали общегородскими - как и городская казна. Поэтому здания, построенные на войсковые средства, считались таковыми только до проведения городской реформы 1913 года... Так что исторически называть и признавать некоторые здания войсковыми (казачьими) можно, но не более, как в память о тех, кто их построил.

Тут издало обращение и Донское Войсковое общество:

“В последнее время активизировал свою разрушительную деятельность так называемый атаман “Международного Союза общественных объединений “Всевеликое Войско Донское” (МСОО ВВД), “казачий генерал армии” (прочие “титулы” типа “светлейший князь”, “кавалер мальтийского ордена” и т.п. для краткости опускаем) Н.И.Козицын. Его безответственные заявления от имени Донского казачества, клеветнические выпады в сторону реестровых казачьих войск России, а также незаконно избранного всеми жителями мэра и атамана города Новочеркаска А.П.Волкова, требуют адекватной оценки и ответа.

Совет Атаманов Войскового казачьего общества “Всевеликое Войско Донское” считает, что необоснованные претензии господина Н.И.Козицына на здание по ул. Московской № 70, в котором в досоветский период располагалось правление станицы Новочеркасская, ничем юридически не подкреплены, кроме желания лишней раз покрасоваться в роли “мученика” и “борца” за казачье возрождение... Да, это здание построено за счет станичной казны и строили его казаки. Но при чем здесь “международная” организация Н.И.Козицына?..”

Интересно, что МСОО ВВД уже 7 лет не платит за аренду помещения. После многократных попыток договориться с нерадивыми арендаторами, было решено искорючить сумму (на декабрь 2005 года - 1 577 030,14 руб.) изъять через суд. Если суд примет решение в пользу города, то по вине собственного атамана МСОО ВВД рискует натурально остаться без крыши над головой.

Думает ли об этом Козицын, угрожавший отстаивать здание едва ли не с оружием в руках? Вряд ли. Атаман неудачник, человек с выдуманной биографией и дутыми чинами слишком занят собой и собственным репутацией. Непримиримость его связана не с твердостью принципов (отсутствующих), а с нездоровой потребностью в постоянном внимании общественности.

Наблюдающие за ним со стороны поняли это уже давно. Сколько времени на осознание сей нехитрой истины требуется рядовым членам МСОО, бездумно поддерживающим своего атамана, покажет будущее.

О. Дорохов (“People’s History” - www.peoples.ru)

В прошлом номере "Станицы" В.И. Лихоносов рассказал, как уродуются исторический облик и природный ландшафт Тамани. Уже после того, как вышла статья Виктора Ивановича, я был на полуострове. Жил в Волне, где с прекрасного песчаного пляжа, около которого - прямо среди людей - еще плавают дельфины, открывается вид на грандиозную стройку промышленного порта. Никто толком не может теперь сказать, будет отсюда отгружаться - аммиак, или дело ограничится "только" нефтью?.. В любом случае - ясно, что такого чистого моря и дельфинов здесь скоро не будет...

А чего ждать людям? Что принесет им превращение курортной зоны - в промышленную? Неужели статья о печальных буднях жителей соседней косы Чушка - это завтрашний день Волны?.. ГК

От чего чушане чешутся?..

Репортаж из преисподней

Данте уверял - в аду пахнет серой. Жители косы Чушка в сере буквально купаются. С наступлением первых теплых дней у людей началась повальная аллергия. Местные доктора уверяют, что это чесотка. Вот уже и медицина становится частью политики и бизнеса, пораженных "болезнью грязных рук".

* * *

В начале 90-х порт Кавказ начал открытую перевалку серы и минеральных удобрений. Уверения властей, что людей переселят в специально построенные для них дома в другом поселке, оказались пустыми обещаниями. Успокоив общественное мнение, выиграв тем самым время, власть о людях забыла, предоставив инвестору оперативный простор для действий. Так люди остались за скобками договора.

Порт Кавказ, как и полагается стратегическому объекту, закрытая территория. Постороннему проникнуть сюда почти невозможно: путь преграждает слагбаум, охраняемый воензированной охраной. Уточним, второй слагбаум и вторая охрана: первый кордон - в районе паромной переправы на Украину. Вокзал переживает первую стадию упадка: на перроне пусто, в зале ожидания - с десятком желающих попасть в Керчь. Удобства - за углом "по 10 руб. с ж..." Именно так мелом начертано на будочке-нужнике. Рядом - единственный на весь терминал продавец знаменитой азовской рыбки, 130 р. за хвост.

- Почему так дорого?

- Рыбы-то в море нет. Азов посолонел, отравлен серой и сульфатом аммония. Если когда и поймают, сначала должны убедиться, съедобна ли? Вы видели здесь десятиграммовую кефаль? И не увидите! А чтобы мясо у свежей рыбы на куски разваливалось? Тогда не удивляйтесь цене! - словно вымещает на нас, случайно зашедших покупателей, свою накопившуюся горечь продавец продовольственного магазинчика. - А до того, как порт построили, какая рыба была, а торговля! Поездов, пассажиров, отдыхающих было не пересчитать...

Назвавшись родственниками реально существующих жителей Чушки и получив свои документы от придиричивого охранника границы, движемся дальше. Справа Азов, слева - Черное море. Коса узкая, в некоторых местах до сотни метров. За окнами машины коричневый "марсианский" пейзаж. Корявые обожженные деревья без малейшего признака почек, выгоревшая трава, заболоченная разбитая дорога. Со стороны Черного моря высятся баки нефтебазы "СВЛ-Кавказ" (ООО "СТЛ-Трейддинг"). Со стороны Азовского - тянутся подъездные пути и забор: территория ОАО "Порт-Кавказ". На земле ярко-желтые и розоватые пятна - сера и удобрения. Дома к центральной улице повернуты задом, двери и окна с этой стороны заколочены.

- А как иначе? - поясняет нам жительница поселка, Светлана Лазаревна Бражниченко. - Когда ветер со стороны "химиков" дует, дышать нечем. Вы на меня посмотрите: ожоги на лице, руках, на всем теле. И у всех наших такое. Врачи в Темрюке ставят диагноз "чесотка". Представляете? Выходит, у всех чушкинцев чесотка. Выживают нас эти инвесторы. Но как бросить дом, построенный своими руками, уйти с родной земли? Жить здесь нельзя, а идти некуда.

На вопрос о домах, которые руководство терминала минудобрений обещало построить, Светлана Лазаревна отвечает: "Зеленские Виктор и Евгений, хозяева этого порта и его директора, сами-то здесь не живут, а нас, видно, за людей не считают. Никто ведь нас не спрашивал, когда порт открывали. Потом уже сказали, что будут грузить лес и зерно. Через некоторое время - смотрим, а они серу и какой-то белый порошок грузят. Что, как - ничего не говорят. Нефтебаза хоть какую-то информацию дает. Знаем, что надумали расширяться, сносить наши дома, предлагают деньги, сначала по 100 тысяч рублей, потом по 300. Да

разве дом столько стоит? У кого не было жилья, согласились на комнаты в общежитии в Темрюке, а нам-то как, хозяевам? Да и дают комнаты и деньги только тем, кто поднос попадает. Нам не дадут: мы в стороне. Как будто мы не одним воздухом дышим, не по одной земле ходим. А море?.. Эта ж дрянь и в Анапу, и в Керчь плывет!

- Да мы уже и сами не знаем, кто здесь хозяин, - говорит Петр Олегович Гридин, - я вот, из-за этих захватчиков, работу потерял, теперь к семье только на выходные приезжаю, работаю в другом месте.

Раньше все мы хорошо жили: работали в рыбколхозе, на вокзале, на переправе, принимали отдыхающих. Деньги были: на выходные каждый раз отправлялись в Керчь. Все спектакли в театрах смотрели, в ресторанах гуляли. Нас там уже ждали: рыбаки едут. Рыбы было столько, что мы перерабатывать не успевали - фермы брали на корм скоту, на удобрения. Тогда мы у себя дома хозяевами были, а теперь?! Колхоз продали за смешную цену - 25 миллионов рублей, нас собрали в клубе, представили нефтяников. Они обещали всем райскую жизнь: работу каждому с хорошей зарплатой, поселок привести в порядок. Построились - ничего не делают, дорога - и то вся разбита. Никого из местных на работу не берут. Разве что двоих приняли водовозами. Зарплату задерживают на три и больше месяцев.

- Загубили косу Чушку, - перебивает его Светлана Лазаревна. - Выдавливают нас отсюда, а точнее, вытравливают.

На территорию за забором нас не пустили: человек за окном конторы начальственно махнул рукой, мол, гони отсюда!.. Но процесс перевалки можно наблюдать прямо с главной улицы. Из вагонов серу перегружают ковшем на площадку под открытым небом, бульдозер утюжит курганы химикатов, затем их ссыпают на баржи, которые следуют из Азовского моря в Черное, к стоящим на рейде балкерам, где содержимое перегружают в трюмы. Таким образом, каждая партия экологически опасного сырья переваливается минимум 4 раза. И все - 4 раза открытым способом. Оба моря и вся территория косы Чушка регулярно получают дозу ядов. На требования общественности и экологических организаций выполнить элементарные меры безопасности никто не реагирует. В 2004 году, правда, генеральный директор порта, Виктор Зеленский, был отстранен от должности, порт оштрафован на \$1000 "за складирование в прибрежной зоне минеральных удобрений и других химических веществ".

Сегодня предприятием руководит сын бывшего директора, ставшего советником Совета директоров порта Кавказ. Горы удобрений и серы никуда не исчезли, никакого хранилища, спецтерминала так и не построено.

- Если бы мы знали, что нам готовят, - говорит Ольга Николаевна Моторина, - с вилами бы вышли, на рельсы легли. Я концлагерь прошла, ребенком попала туда, столько повидала за свою жизнь! Но чтобы живых людей ради этих инвесторов опускали в ад, такого и подумать не могла! Сулила нефтебаза золотые горы, на работу всех взять, а кого взяли? - никого! Возят рабочих вахтовым методом, а внуки мои работать ездят в Темрюк. За взятку можно только сюда устроиться. Да откуда ж деньги?.. А на химии работники и не задерживаются долго, болеют. Да и зарплату задерживают. Рыбы в море не стало, в огородах все серело, пусто. Раньше ко мне отдыхающие приезжали из Ленинграда, а в прошлом году приехали, посмотрели на все это, и бегом обратно. А нам куда бежать из этого ада?!

А. Володин ("Новая газета Кубани")

PS: Ответ прокуратуры на статью подтвердил почти полную правоту автора. Все плохо, все неправильно. Жаль вот только, что ничего от этого признания не изменится на Тамани. Никто не привлечен всерьез - и, конечно же, не будет привлечен к ответственности. Чушане так и будут чесаться - и, боюсь, скоро черед волноваться жителям Волны!..

из истории Терских станиц:

Тарская

Интересна история каждого населенного пункта. Но если летописи больших городов уже давно написаны, то села и станицы обделены вниманием историков. Между тем история той же станицы Тарской (ныне селение) связана со многими страницами кавказской истории.

Основание ее связано с возникновением Сунженской казачьей линии. В 1845 году из переселенцев с разных станиц Кавказского линейного казачьего войска и донских казаков был сформирован Сунженский казачий полк. Сунженская линия отделяла горную территорию от равнины, куда переселяли так называемых "мирных" горцев. На реке Сунже были построены станицы Сунженская (позднее Слепцовская), Троицкая, Михайловская, Ассинская. В 1859 году к ним добавились Карабулакская, Ново-Сунженская (позднее Сунженская) и Тарская. Последними на Сунженской линии появились станицы Фельдмаршальская, Воронцово-Дашковская и Нестеровская. Тарская - самая крайняя на линии, остальные станицы протянулись цепью до Грозного.

К 1917 году в Тарской было 2600 жителей, большинство казаков: из 400 дворов лишь 11 принадлежали иногородним. При станице имелся основанный в 1867 году хутор Тарский - 74 двора из 200 жителей. На хуторе имелись отдельные хозяйства Александра Караулова, Кирилла Караулова и Григория Мартакова.

В станице имелась церковь, сначала деревянная. Затем общими усилиями станичников был сооружен каменный храм иконы Казанской Божьей Матери. Его освящение состоялось в присутствии областного начальства 22 октября 1890 года. Здание храма сохранилось, но в нем сейчас Дом культуры.

В Тарской было одноклассное станичное училище - расходы по его содержанию несли станичное общество и Войско. В течение ряда лет заведующим был Андрей Яковлевич Семин, попечителем урядник Федор Иванович Чмыхов, а преподавал в нем священник Иосиф Мачавариани.

Для развития станичных хозяйств было образовано Тарское кредитное товарищество. Его председателем был избран подесаул Михаил Караулов, а членами священник Алексей Стефанов, урядники Тимофей Бекетов, Григорий Малышев, Семен Костенко, Александр Наумов, Константин Столбовский, Роман Камынин, Константин Захарченко и учитель Андрей Живолукин. Имелись в станице одна мельница, хлебопекарня, пять известных заводов.

Станица была основана в конце Кавказской войны, и эта война ее не коснулась. Но станичники участвовали во всех следующих войнах Российской Империи. Они отличились в русско-турецкой и русско-японской войнах. Многие вернулись домой с наградами. В 1913 году медаль в память 300-летия Дома Романовых была вручена станичному атаману Александру Наумову и тем станичникам, которые имели Георгиевские кресты. Таких в Тарской оказалось 17 человек - среди них урядники Михаил Филатов, Матвей Бондаренко, Аким Черкашин, Гавриил Безин, Иван Лобасса, Семен Иордин, Максим Иванеев, Кирилл Вирюгин и другие.

Самым большим испытанием для тарцев стала мировая война. К январю 1917 года на фронте находилось более 10 офицеров и 212 урядников и казаков - в основном в 1-м, 2-м и 3-м Сунженско-Владикавказских полках. Самые большие потери станичники понесли во 2-м полку. Здесь погибли кавалеры Георгиевских крестов 4-й, 3-й и 2-й степеней младшие урядники Семен Субботин и Дмитрий Моргачев, а также казаки Владимир Карагичев, Степан Панфилов, Иван Подгорский, Иван Бондаренко, Федор Игнатьев, Михаил Моргачев. В этом же полку служил старший урядник Федор Чавычалов, заслуживший четыре Георгиевских креста и ставший единственным в станице полным Георгиевским кавалером. Не раз отличались в боях с противником на полях Галиции и Карпатских горах казаки Андрей и Даниил Севостьяновы, Захар Коняхин, Куприян Туников, Александр Гусаков, Иван Поздняк, Михаил Маренко, Николай Дашков, Афанасий и Константин Михайловы...

Тарская была молодой станицей, и в ней не появились офицерские династии, да и самих офицеров было мало. Но и тарцам было, кем гордиться. Уроженцами станицы были

полковник Дмитрий Тянгинский, подесаул Николай Голыховский, сотник Михаил Сазонов, поручик Иван Казаков. Не все станичники служили в Терском войске - например, Михаил Вакуленко был в 81-м пехотном Апшеронском полку. В нем он служил и во время Гражданской войны, став полковником. Умер во Франции в 1937 году...

В списках станицы числился известный в Терской области общественный деятель сенатор граф Федор Уваров. Когда началась 1-я мировая война, граф Уваров в чине хорунжего добровольно поступил во 2-й Сунженско-Владикавказский полк.

К 1917 году атаманом станицы Тарской был В.Н. Халин.

Но больше всего прославила Тарскую семья Карауловых. Основателем этой фамилии в станице был войсковой старшина Григорий Семенович Караулов. У него были сыновья Кирилл, ставший в 1917 году есаулом, и Александр. Александр Караулов дал всем своим детям - Николаю, Михаилу, Владимиру, Павлу и Варваре - высшее образование. Николай окончил Академию Генерального штаба (таких во всем Войске были единицы), стал полковником. За отвагу в боях на Кавказском и Германском фронтах получил орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие.

Самым выдающимся представителем этой фамилии стал Михаил Александрович Караулов. Он прожил всего 39 лет, но в этот срок вместилось несколько эпох и как бы несколько судеб. М.А. Караулов был заметной политической фигурой России начала XX века - депутатом 2-й и 4-й Государственных Дум, первым выборным атаманом Терского казачьего войска. Его интересы были очень разносторонними: филолог по образованию, журналист, этнограф, историк, автор нескольких книг и десятков статей, археолог, директор Владикавказского исправительного приюта для несовершеннолетних, член различных обществ и организаций...

Свою землю, около 74 десятин в Тарской, Александр Караулов оставил сыну Михаилу. Из-за большой общественной занятости тот поручил распоряжаться имуществом своему соседу Александру Гусакову, который прекрасно занимался вверенным хозяйством, добившись его процветания.

Когда весной 1917 года Михаил Караулов был избран Войсковым Атаманом, в станице был всеобщий восторг. Но этот же год принес станичникам и первые несчастья. Атаман Караулов вместе с братом был убит на станции Прокладной. С его смертью для Тарской начались черные дни. Начиная с конца года, станичники уже не ходили без оружия, грабежи, разбой и убийства стали регулярными явлениями. С ослаблением государственной власти казаки остались один на один со своими соседями - ингушами, которые все активнее стали пытаться занять казачьи земли.

Первое сильное наступление ингушей на Тарскую случилось 5 июня 1918 года. В этот день станичники потеряли только убитыми 15 человек, среди которых хорунжий Михаил Архангельский, казаки Иван и Игнат Безины, отец и сын Филатовы, Григорий Сагайдаков и другие. Но главная трагедия случилась в августе, когда ингуши заняли станицу и выселили всех ее жителей. При этом были убиты 40 станичников. Только из фамилии Маренко погибло 8 человек. Был убит и полковник Иван Борисов, прибывший из Владикавказа, чтобы остановить кровопролитие. Кроме того, из обоза жителей станицы, ехавшего во Владикавказ, было ограблено 248 лошадей и много имущества. Многие беженцы нашли приют в ближайших осетинских селениях, жители которых не могли не отозваться на страдания братьев-казаков.

В родную станицу тарцы вернулись лишь весной 1919 года, когда Терскую область заняли войска Добровольческой армии. Стали восстанавливать разрушенное хозяйство, вновь налаживать жизнь. Атаманом станицы был избран Федор Дашков, затем его сменил вахмистр Иван Михайлов. Но мирная жизнь продлилась лишь год. Весной 1920 года с приходом на Терек Красной Армии ингуши вновь заняли станицу, назвав ее селение Ангушт. Производил был законен приказом ЦИК Горской АССР от 25 марта 1922 года. На этом история станицы Тарской заканчивается...

Ф. Куреев

М.А. Караулов

Командный состав терских казачьих частей в Первой мировой войне

Воюют не полки и дивизии, а, в первую очередь - люди! Причем успех боя нередко зависит от действий командиров частей и соединений. Так кто же вел в атаке терских казаков в 1-й мировой войне?..

В мирное время Терское войско выставляло на службу: две лейб-гвардии Терские сотни Собственного Его Величества Конвоя, четыре конных полка 6-ти сотенного состава первой очереди (1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова, 1-й Горско-Моздокский генерала Круковского, 1-й Волгский и 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова), две конные батареи 4-х орудийного состава (1-я и 2-я Терские казачьи) и 4-е местные команды (Грозненская, Горячеводская, Прохладненская и Владикавказская).

Ниже мы остановимся на командном составе первоочередных полков и батарей, а так же частей, сформированных в ходе войны (2-й и 3-й Кизляро-Гребенские, Горско-Моздокские, Волгские и Сунженско-Владикавказские полки, 3-я Терская казачья конно-горная и 4-я Терская казачья пластунская батареи, 1-й и 2-й Терские пластунские батальоны и управление 1-й Терской льготной казачьей дивизии).

Управление 1-й Терской льготной казачьей дивизии (полки второй очереди) было сформировано с началом мобилизации в июле 1914 года. Возглавить ее должен был командир 1-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Заурбек Тургиев, но он находился в госпитале. Наказной Атаман ТКВ предложил кандидатуру начальника Войскового Штаба генерал-майора Федора Чернозубова, но на нем лежала работа по проведению мобилизации. Тогда командующим Терской дивизии был утвержден командир 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Тигран Данилович Арютинов (1858 г.р., уроженец Тифлисской губернии). Со дня выпуска из военного училища он служил в Терском войске, участвовал в русско-турецкой войне и боевых действиях в Персии в 1909-12 гг. Показал себя опытным, храбрым командиром, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием.

В январе 1916 года генерал Арютинов простудился и скоропостижно скончался. Новым командующим дивизией стал командир 2-й Донской казачьей бригады генерал-майор Георгий Логгинович Пономарев (1857 г.р.) - ветеран турецкой войны, награжденный орденом Св. Георгия 4-й ст. В апреле 1916 года генерал Пономарев получил в командование 6-ю Донскую казачью дивизию, а Терскую дивизию принял генерал-майор Василий Иванович Голощапов. Г.И. Пономарев в дальнейшем был в рядах Белого движения; скончался во Франции в 1934 году.

Генерал Голощапов (1865 г.р.) - кубанский казак, участник русско-японской войны. 1-ю мировую начал полковником, командуя 1-м Хоперским полком. В августе 1914 года назначен командиром бригады в Терскую дивизию. Произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием. В конце войны, вернувшись с дивизией на Терек, остался в Терской области и был убит большевиками на улице с. Алагир осенью 1918 года.

После назначения генерала Голощапова командующим дивизией, новым бригадным командиром стал генерал-майор Созрыко Дзанхотвич (Иосиф Захарович) Хоранов (1842 г.р.) - участник турецкой и японской войн. Он пробыл в дивизии до августа 1917 года, когда был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником формируемой 2-й Кавказской Туземной конной дивизии. В июне 1917 года за боевые отличия генерал Хоранов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Скончался в Осетии в 1935 году.

С декабря 1916 года в дивизии стало два бригадных командира - командиром 2-й бригады был назначен произведенный в генерал-майоры командир 2-го Волгского полка Николай Скляров (1875 г.р.).

Итак, за всю войну через управление Терской дивизии прошло 5 генералов, из них лишь один терец (Скляров).

* * *

В 1-й мировой войне приняли участие 12 конных полков,

4 батареи и 2 батальона Терского войска. С июля 1914 по октябрь 1917 года терскими полками командовали 32 офицера - в основном полковники или войсковые старшины, как исключение есаул (затем войсковой старшина) Георгий Кротов. Из них 8 были кубанскими казаками (Александр Рыбальченко, Яков Пацапай, Сергей Земцов, Василий Бобрышев, Николай Корсун, Сергей Аландер, Владимир Стопчанский и Александр Найденов), 1 донской казак (Александр Туроверов), 1 - не войскового сословия (Василий Хетагуров); остальные - терцы.

Командный состав довольно часто менялся. За три года войны четыре командира сменились во 2-м Сунженско-Владикавказском, 1-м Кизляро-Гребенском, 1-м Волгском, 1-м Горско-Моздокском и 3-м Кизляро-Гребенском полках. Но в то же время Александр Гладилин командовал 3-м Сунженско-Владикавказским полком от дня мобилизации до расформирования. Первая с начала войны смена командира произошла в 1-м Волгском полку, когда погиб полковник Пацапай, последняя в 1-м Сунженско-Владикавказском полку - 3 сентября 1917 г. полк принял полковник Николай Кошелев.

Самым пожилым командиром полка был Хетагуров, он же единственный участвовал в турецкой войне и так же единственный имел солдатский Георгиевский крест 4-й ст. Больше всего командиров было 1870 года рождения - 5, а самыми молодыми (1883 г.р.) стали Амос Негоднов и Алексей Данильченко. Данильченко также принадлежит своеобразный рекорд: начал войну сотником, он закончил ее полковником.

Терские командиры были родом из 16 станций терского войска. Из них из Ишерской трое (Иван Колесников, Иван Лепилкин и А. Негоднов), по двое из Червленной (Александр Кулебякин и Иван Федюшкин), Слепцовской (Николай Долгов и Н. Скляров), Екатериноградской (Павел Луценко и Николай Морозов) и Ессентукской (Семен Бочаров и Петр Токарев). Больше всего (9) командиров дал Моздокский отдел, по 5 - Сунженский и Кизлярский, 3 - Пятигорский.

Кроме Хетагурова, все командиры полков имели хорошее военное образование. 13 - выпускники Ставропольского казачьего юнкерского училища, 7 - Николаевского кавалерийского училища, двое - Оренбургского казачьего училища, двое - артиллерийского училища, один - военно-топографического училища. Четверо окончили Академию Генерального Штаба (С. Земцов, Михаил Солнышкин, С. Бочаров и Н. Корсун). До назначения на командную должность почти все несли службу в строевых конных частях Кубанского или Терского казачьих войск. Четверо служили в Терских сотнях Императорского Конвоя (А. Кулебякин, Александр Тускаев, П. Токарев и Н. Долгов), двое были артиллеристами (Флегонт Урчукин и В. Стопчанский), двое долгое время работали в военных училищах (Н. Скляров и С. Бочаров), а один (Дмитрий Сехин) в 1906-07 гг. был Владикавказским полицмейстером.

Чин полковника ранее всех (в январе 1910 г.) получил А. Кулебякин. Семь офицеров стали генерал-майорами в течение войны (А. Рыбальченко, А. Кулебякин, Н. Скляров, И. Колесников, Н. Корсун, Эльмурза Мистулов и М. Солнышкин), и шесть - участвуя в Белом движении (Ф. Урчукин, Александр Блазнов, А. Негоднов, Герасим Вдовенко и В. Стопчанский). Из них Вдовенко стал генерал-лейтенантом, а Корсун получил звание генерал-лейтенанта Красной армии (1940 г.).

В течение мировой войны четверо получили орден Св. Георгия 4-й ст. - Н. Скляров, И. Колесников, Я. Пацапай (посмертно) и А. Негоднов. Георгиевским оружием были награждены Н. Скляров, А. Туроверов, П. Токарев, В. Хетагуров, И. Колесников, В. Стопчанский.

В боях погибли двое - Я. Пацапай (1-й Волгский) и А. Тускаев (2-й Сунженско-Владикавказский). Уже командуя Осетинским конным полком, погиб Хетагуров.

Из оставшихся в живых к концу 1917 года 29 человек, в Белом движении участвовали 27. Двое - Солнышкин и Корсун - вступили в Красную Армию в 1918 году. В 1920 году поа-

Командир 1-го Волгского полка войсковой старшина Г. А. Вдовенко (сидит справа) с офицерами полка.

ли в плен и были зачислены в РККА Земцов и Кротов.

Известно, что в течение Гражданской войны были убиты, погибли в боях или умерли 9 человек. Четверо остались в СССР. Семеро оказались в эмиграции. Судьба девяти достоверно не известна. В 1945 году в Югославии коммунистами был убит Василий Бобрышев. Тогда же был вывезен в СССР и умер в тюрьме Г. Вдовенко.

Из всех командиров терских полков дольше всех прожили А.Негоднов (умер в Аргентине в 1965 году) и Н. Корсун (в СССР, 1958 год).

* * *

К июлю 1914 года в строю были две терские батареи: 1-я под командованием кубанского казака, войскового старшины Петра Кочергина (находилась в Закавказье, в составе 2-й Кавказской казачьей дивизии), и 2-я, которой командовал тоже кубанец, войсковой старшина Александр Савицкий (в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии на Западном фронте). В ходе войны оба были произведены в полковники и в 1916 году получили новые назначения. Кочергин стал командиром 2-го, а Савицкий 4-го Кавказских казачьих конно-артиллерийских дивизионов. Новым командиром 1-й батареи стал войсковой старшина 2-й батареи терец Владимир Скороходов. 2-ю батарею возглавил опять кубанец - войсковой старшина Георгий Шелест.

В ходе войны осенью 1916 года была сформирована 3-я Терская казачья конно-горная батарея. Ее командиром стал кубанский казак есаул Яков Безладнов. Год спустя, в августе 1917 года, сформировали 4-ю Терскую казачью пластунскую батарею - ее командиром стал есаул 1-й батареи терский казак Борис Скляр.

Всего за войну во главе терских артиллерийских частей было 6 офицеров. Преобладание кубанцев связано с тем, что кубанских батарей было больше, и в них было больше старших офицеров, претендующих на должность командира.

* * *

В апреле 1915 года в Терском войске были сформированы два пластунских батальона. Строевых терских офицеров к этому времени уже не хватало, и в этих частях было немало офицеров, принятых из отставки или служивших в военно-учебных заведениях и административных учреждениях.

Командиром 1-го батальона был назначен есаул Войскового штаба ТКВ Степан Федотов, а 2-й возглавил принятый из отставки с началом войны и служивший во 2-м Волгском полку войсковой старшина Гавриил Вербицкий. Оба командира были опытными офицерами, участниками японской войны. Вербицкий окончил Академию Генштаба, некоторое время был атаманом Кизлярского отдела ТКВ.

В августе 1916 года войсковой старшина Федотов был тяжело ранен и скончался. Посмертно произведен в полковники, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В должности командира его сменил войсковой старшина Василий Цугулиев, с началом войны принятый из отставки и служивший во 2-м Терском пластунском батальоне.

Смена командира произошла и во 2-м Терском батальоне. В феврале 1917 года полковник Вербицкий был назначен командиром 16-го Кавказского стрелкового полка. Его место занял войсковой старшина Александр Морозов. До войны он был офицером-воспитателем Владикавказского кадетского корпуса, а с июля 1915 года служил в 1-м Терском батальоне. В мае 1917 года А. Морозова направили в распоряжение атамана Моздокского отдела ТКВ, а новым командиром батальона стал войсковой старшина Лука Черников, в течение нескольких лет офицер-воспитатель в Варшавском кадетском корпусе (был зачислен во 2-й батальон в январе 1917 года).

Хорошо виден недостаток опытных строевых офицеров для пластунских батальонов войска. Все казаки в пеших частях воевать не любили, а терцы особенно!..

* * *

В целом за войну во главе терских частей побывало 47 генералов и офицеров. Из них 29 терских казаков, 13 кубанцев, 3 не войскового сословия и 2 донца - достаточно образованные, хорошо знающие дело офицеры, многие ветераны японской войны, а некоторые - и турецкой. 9 человек имели орден Св. Георгия 4-й ст., 1 - Георгиевский крест 4-й ст., 12 - Георгиевское оружие. Никто из названных командиров не был отмечен как неумелый военачальник. Почти все, если не выбывали из строя убитыми или по ранению, получали повышения.

Ф. К.

Портреты офицеров - героев статьи - см. на стр. 44.

Кубанские офицеры в Луцком прорыве и летнем наступлении Юго-Западного фронта 1916 года

“Мировым событием войны стал наш прорыв австрийского фронта, - писал 4 июня 1916 года журнал “Летопись войны”. - ...Наше наступление идет всей левой половиной фронта, всем нашим левым брусиловским крылом, начавшись с 22 мая. Пока его результаты стали восстанавливать прежние картины наших массовых столкновений с австрийцами, т.е. состоящие в крупных цифрах плененных австрийцев и в обилии военного материала, доставшегося в добычу. Одними пленными мы к 27 мая откололи от австрийской массы свыше корпуса (считая австрийский корпус в 50 тысяч, примерно). Для этого, конечно, надобно было помять основательно несколько корпусов противника.

...Мы прорвали австрийцев у Луцка, и прорвали начисто: “полным прорывом неприятельского фронта”. Наши войска стремились в направлении на Ровно и Ковель, то есть в пределы северной Волыни, к Холмщине. Это был порыв центра нашего крыла, а фланги его пока демонстрировали: на севере мы подвинулись к рекам Стыри и Икве, а на юге к Стрыпе, перешагнув у ее устья и дальше за нее...

Сокрушительный удар войск генерал-адъютанта Брусилова на Волыни, в Галиции и Буковине угрожает Австрии полным разгромом... К 31 мая, то есть за 8 дней наступления, нами взято в плен австро-германцев: 1 генерал, 1700 офицеров, 113 тысяч нижних чинов и захвачено 124 орудия, 180 пулеметов, 58 бомбометов, огромные склады огнестрельных припасов, громадное количество оружия, снаряжения и разного имущества. В районе Добровоце (20 верст северо-восточнее Черновца) отличились войска генерала Лечицкого, взявшие в плен 21 тысячу нижних чинов, 1 генерала и 347 офицеров и захватившие 10 крупных орудий...”

Наступление Юго-Западного фронта по месяцам выглядит так: сам прорыв - май-середина июня; развитие наступления - к июню-июлю; дальнейшие действия - до конца сентября. Две армии - 8-я, под командованием генерал-лейтенанта А.М.Каледина, и 9-я, генерала от инфантерии П.А.Лечицкого - имели самый большой успех. И

именно после ошеломляющего для противника прорыва армии Каледина, окончившегося взятием Луцка 25 мая, он стал, по иронии судьбы, называться - “брусиловским”!.. Наступление началось на рассвете 22 мая грохотом двух тысяч орудий. Четыре армии, атакуя одновременно застигнутого врасплох противника, прорвали фронт и двинулись в направлении Львова и Ковеля.

Кубанские и терские казачьи части входили в состав IV-го (8-й армии) и III-го (9-й армии) кавалерийских корпусов. Ниже мы остановимся на вехах биографий кубанских офицеров, выполнявших боевую работу в рядах своих полков или командовавших терскими частями.

* * *

На 22 мая конные соединения IV-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Я.Ф.Гилленшмидта (15 тыс. пик и сабель) состояли из 16-й и 7-й кавалерийских, 2-й Сводно-казачьей и 3-й Кавказкой казачьей дивизий и занимали фронт Островск - Чарторийск с приказанием охранять правый фланг армии.

Резерв корпуса составляла 1-я Кубанская казачья дивизия. Во 2-ю Сводно-казачью дивизию генерал-майора П.Н.Краснова входили 16-й и 17-й Донские казачьи полки, 1-й Линеинный полк Кубанского Войска (ККВ), 1-й Волгский полк Терского Войска (ТКВ) и 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 3-я батареи).

Это был “букет войсковых цветов”, формы одежды, казачьих чубов Донцов и Оренбуржцев, бритых голов Кавказского казачества - гармония красоты и удали, соревнования казачьей строевой жизни полков и батарей.

В мае Кавказская бригада перешла в с. Рудка-Бельска-Вольская. Полки пополнились, приоделись после двух без малого лет войны, почти приняли вид мирного времени.

25 мая IV-й кавалерийский корпус получил задачу - набег на Ковель. 2-й Сводно-казачьей дивизии приказано было прорвать позиции противника у гати Вулька Галузийская. Хотя дивизия генерала Краснова располагалась на самом

неудобном для кавалерии направлении - в болотах по реке Стоход, ей удалось отличиться в первые дни наступления. В течение дня 26 мая Линейцы и Волгцы накапливались в окопах. Вечером, как только смолкла артиллерийская подготовка, терские сотни начали спускаться с бугра и цепями подходить к окопам противника, расползаясь в лесу по другую сторону болота. В полной тишине казацкие цепи подползли к проволочным заграждениям и начали ручными ножницами, укрепленными на винтовках, резать проволоку. В это время сзади цепей послышался крик "ура" и открылся бешеный огонь со стороны противника: ружейный, пулеметный и артиллерийский. Как потом выяснилось, в конную атаку по гати был брошен 1-й Линейный полк в расчете на то, что Волгцы уже взяли австрийские окопы...

1-му Линейному полку было приказано увлечь за собой пехоту и своим примером заставить ее переправиться через реку. Под общей командой войскового старшины С.Г. Улагая две сотни Линейцев с пулеметной командой подьесаула П. Тутова в черных шапках с красными верхами и в красных башлыках бросились в конном строю лавами в реку. Под яростным огнем противника, по брюхо лошадей в воде, сотни переправились на противоположный берег. П.Н. Краснов писал: *"Германцы ошалели от этого зрелища; наша пехота, прочно залегшая, встала и пошла за казаками. Казаки под обрывом спешились, все такую же яркую, пеструю цепью пехотой подошли на триста шагов к германским окопам и пулеметным и ружейным огнем очистили дорогу кинувшейся в штыки зачарованной их алыми башлыками пехоте"*. Плацдарм на левом берегу Стохода был захвачен.

Действия 2-й Сводно-казачьей дивизии во время Луцкого прорыва были отмечены в приказе по корпусу: *"Славные Донцы, Волгцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26 мая у Вульки-Галузинской - новый ореол Славы в Истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, оказав чудеса порыва. Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия под руководством железной воли генерала Петра Краснова"*. Сам Краснов был ранен ружейной пулей в ногу.

1-й Линейный генерала Вельяминова полк О боевых возможностях его казаков генерал В.М. Драгомиров, начальник штаба Киевского военного округа, где полк дислоцировался перед войной, говорил: *"Линейцы способны не только рубить, но и изрубить"*. Рубили лозу по верхкам!

Войсковой старшина Улагай, представленный за отличие в лихой атаке у с. Кухощко-Воля (сентябрь 1915-го) к Георгиевскому оружию, был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени. Отметим, что в Первом Кубанском (Ледяном) походе 1918 года в отряде Улагая большинство офицеров было 1-го Линейного полка. В конце Гражданской один из самых блестящих командиров конных корпусов генерал-лейтенант Улагай стал командующим Кубанской армией; умер в Марселе 29 апреля 1944 году.

6 офицеров 1-го Линейного полка ККВ из наличного состава на декабрь 1916 года являлись кавалерами Георгиевского оружия. Среди них командир полковник Г.Г. Евсеев. Есаул А.К. Мурзаев - в первом бою Великой войны в конной атаке на венгерских гусар был ранен, его 1-я сотня считалась лучшей в полку; первоходник и командир взвода в отряде Улагая, тяжело ранен при штурме Екатеринодара (последствием у него высохла рука), командир родного полка в гражданскую, погиб в бою у с. Спицевка Ставропольской губернии в ноябре 1918 года.

Подьесаул К.Г. Непокупной - кавалер Георгиевского оружия за захват батареи противника в 1914 году, начальник партизанского отряда в 1916-м, награжден английским военным крестом М.С., умер в эмиграции.

Сотник Л.В. Акулов - на имеющемся его фотоснимке надпись "Каменец-Подольск 1914 г." (стоянка полка в мирное время), участник Белого Движения, расстрелян красными в Пятигорске в 1921 году.

Подьесаул А.И. Шляхов - командир 3-й сотни, первоходник, командир 1-го Пластунского батальона в 1918 году, командир 1-го Хоперского полка ККВ в 1919-м, временно командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией и генерал-майор в 1920-м; эмигрировал, умер в Югозападной

Сотник Н.Л. Кисиль - в 1960-м в США, с генералом

В.Г. Науменко составил весьма ценную, подробную карту Кубанского Войска по состоянию на 1920 год с пояснительной запиской, содержащей массу интересных сведений; на ней показано, как выглядели и чем были казачьи земли в последний период своего свободного существования.

Судьба хорунжего А.Н. Иодковский, казака ст. Лабинской, по-своему любопытна. Студент Императорского Московского университета, он и не помышлял о карьере офицера - мало того, едва не был принят в 1914 году в Московскую консерваторию (обладал прекрасным голосом). Но началась война, и Иодковский, окончив сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел в 1-й Линейный полк. С офицерами полка проделал Ледяной поход в Пластунском отряде Улагая, получил тяжелую контузию под Екатеринодаром в марте 1918-го. Умер в Москве в 1981 году - это был последний офицер-Линеец - участник Луцкого прорыва! Он вспоминал, что Линейцев называли "красными шапками": в сырую погоду или зимой они закрывали плечи и голову красными башлыками и издали конная полковая колонна на общем темном фоне череском выглядела именно так.

Однобрядниками Линейцев, 1-м Волгским полком, с началом войны командовал кубанский казак полковник Я.Ф. Пацапай. Он погиб одним из первых полковых командиров 11 декабря 1914 года в Карпатских предгорьях в конной атаке, находясь на правом фланге головной сотни - убит в висок навывлет в нескольких шагах от австрийского окопа. Награжден посмертно белым офицерским крестом.

В наступлении 1916 года Волгцы понесли большие потери: только 26 мая было ранено 17 офицеров полка.

Об убитых во время Луцкого прорыва писал П.Н. Краснов: *"За селом Бельская Воля, в Польше, между реками Стырью и Стоходом, южнее Пинска, севернее Луцка, на песчаном бугре конно-саперы под руководством есаула Зимина (1-го Волгского полка) построили ограду. Резанные из цветных - темных еловых и белых березовых сучьев - красивые ворота аркой ведут за ограду. Там в стройном порядке выровненные, в затылок и рядами, лежат солдаты Нижне-Днепровского полка, Донские, Кубанские и Терские казаки 2-ой Сводной казачьей дивизии, убитые в боях под Вулькой Галузинской 26-30 мая 1916 года..."*

На воротах надпись из сучьев: *"Воины благочестивые, славы и честию венчанные". Тогда думали об этом. Тогда можно было об этом думать. Был Бог... Был Царь... Была Россия..."* ("Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии").

1 июня 8-й армии генерала Каледина приказано было продолжить наступление на фронте Ковель-Милятин.

В ночь на 24 июня пехотный корпус прорвал позицию противника около с. Костюхновка и утром 2-я Сводно-казачья дивизия бросилась преследовать отступающего противника, ведя бои с его арьергардом, забирая пленных и обозы. После этой операции Кавказская бригада расположилась в с. Лишневка, на позициях по берегу Стохода.

6 августа дивизия получила задачу захватить обратно и удержать Рудка-Черевиченский плацдарм, только что оставленный пехотой.

Полки 2-й Казачьей Сводной дивизии, в порядке номеров полков, втянулись в лес по дороге на переправу через Стоход. Полки ресью шли на сближенных дистанциях. При выезде из леса в долину реки полки подверглись атаке неприятельских аэропланов. На казаков полетели бомбы, застрочили пулеметы. Самолеты снижаются так низко, что можно было различить лицо летчика. Было много раненых лошадей.

Донские полки переправились через Стоход в конном строю и восстановили положение. Казаки удерживали позиции у Рудки-Черевичи до 9 августа, когда подошли сибирские стрелки. 2-я Казачья Сводная дивизия была отведена в тыл на отдых.

Вновь сошлемся на П.Н. Краснова, описывающего Кавказскую бригаду своей дивизии: *"Характер казаков отдельных войск особенно сказывается на войне, где напряженнее нервы, душа на распаху и - тайное становится явным. Полюбили кануны больших боев, прорывов, сражений, непрерывная канонада немецких орудий - и близок час работы конницы"*.

сотник Л.В. Акулов, 1914 г.

подьесаул К.Г. Непокупной

На биваке же Кавказской бригады - дым коромыслом. До зари не смолкает труба. Поют песни, поет зурна, бьет бубен - идет "лезгинка" с хлопаньем в ладоши, с дикими гортанными выкрикиваниями, с револьверной пальбой. Реют алые башлыки Кубанцев, развеваются голубые - Терцев. Пир - а не война..."

Старший адъютант штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии капитан В.Г. Науменко (слева) и 2-го Уманского полка сотник П.С. Галушкин (справа)

3-я Кавказская казачья дивизия (состоящая в IV-м кавалерийском корпусе) включала: 1-й Екатеринодарский полк ККВ, 1-й Кизляро-Гребенский полк ТКВ, Дагестанский и Осетинский конные полки и 3-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион (3-я Кубанская и 2-я Терская казачьи батареи).

1-й Екатеринодарский Кошевого Атамана Чепеги полк
Все время Луцкого прорыва полком командовал генерал-майор Г.Ф. Бабиев-старший, награжденный Георгиевским оружием; убыл на бригаду в 1-ю Кубанскую казачью дивизию в конце июня того года; вместе со всей Русской Армией в 1920-м ушел в исход и умер на о. Лемнос в 1921 году. Помощником командира полка в наступлении состоял полковник К. Корсун - с декабря 1916-го командир Екатеринодарцев (в чине генерал-майора умер в эмиграции).

Серьезные потери в офицерском составе несли Екатеринодарцы в летнем наступлении; только 25-26 июня у села Череваха и местечка Трояновка бомбами, брошенными с неприятельских аэропланов, тяжело ранены 2 офицера.

На реке Сан в 1915-м ранен был и командир сотни, кавалер Георгиевского оружия подесаул О.И. Лебедев. В гражданской войне - командир родного полка, генерал-майор, начальник Кубанского Алексеевского военного училища на Лемносе и в Болгарии. Остался в этой стране с кадром и молодыми офицерами училища, сделавшего последний выпуск в 1922 году; офицер-воспитатель и директор Калетского корпуса имени Императора Николая II в Версале, хранитель Кубанских Войсковых регалий. Умер этот последний офицер-Екатеринодарец в Нью-Йорке в 1973 году.

Есаул В.И. Удовенко - полковой адъютант еще мирного времени; в Добровольческой армии адъютант Корниловского конного полка ККВ, погиб в бою во время прорыва 1-й Конной дивизии у ст. Курганной в сентябре 1918 года.

На вторую половину 1916 года в полку из наличного состава офицеров состояло 7 человек, произведенных из нижних чинов Георгиевских кавалеров, удостоенных затем следующих офицерских чинов и имевших от одного до четырех боевых орденов.

В августе 1916 года 1-й Екатеринодарский полк воевал в Карпатах, наступая с дивизией уже в составе 9-й армии от Кирлибабы до румынской границы.

Однбригадниками Екатеринодарцев - 1-м Кизляро-Гребенским генерала Ермолова полком - к началу войны командовал кубанский казак полковник А.Г. Рыбальченко. В "мирное время" во главе Гребенцов он прошел Персидский поход 1911-14 гг., в Великую войну заслужил чин генерал-майора и в мае 1918-го получил орден Св. Георгия 4-й степени (за отличие в должности командующего 4-й Кавказской казачьей дивизией в 1916 году).

В середине ноября 1915 года полк принял другой кубанец - полковник В.М. Бобрышев, ранее командовавший 2-м Черноморским полком ККВ. Ровно год он водил в атаке 1-й Кизляро-Гребенской полк. Отличившись в летнем наступлении Юго-Западного фронта, 25 августа 1916 года в день своего Войскового праздника Гребенцы получили телеграмму Государя Императора: "Сердечно благодарю славное Терское войско за молитвы и пожелания и поздравляю с Войсковым праздником. В ознаменовании моего особого благоволения к Терским казакам я 23 августа принял шефство 1-го Кизляро-Гребенского полка". Отныне эта старейшая терская часть стала именоваться 1-м Кизляро-Гребенским Его Величества полком ТКВ. Иметь шефом Государя Императора большая честь, подобного удостоились немногие полки.

В ноябре 1916 года по состоянию здоровья полковник Бобрышев был зачислен в резерв. В 1918-м - участник Первого Кубанского похода, генерал-майор; в эмиграции он жил в Югославии (где был убит коммунистами в ин-

валидном доме в 1945 году).

1-я Кубанская казачья дивизия составляла резерв IV-го конного корпуса и с 17 июля 1916-го по январь 1917 года участвовала в обороне укрепленных позиций западнее оз. Нобель на Стоходе.

В штабе дивизии проходил службу старшим адъютантом Генерального Штаба капитан В.Г. Науменко - кавалер Георгиевского оружия; в гражданской войне командовал Корниловским конным полком при взятии Екатеринодара 2 августа 1918 года, затем бригадой 1-й Конной дивизии; член Кубанского правительства по военным делам. Атаман ККВ с 1920 по 1958 годы, во 2-й Мировой войне член ГУКВ, это он спас Войсковые регалии в конце войны и вывез их в Америку; умер генерал-майор Науменко в Нью-Йорке на 97-м году жизни.

В 1-ю Кубанскую казачью дивизию входили: 2-й Таманский, 2-й Полтавский, 2-й Запорожский и 2-й Уманский полки ККВ.

2-й Таманский полк

Командир - полковник М. Феськов, погиб на Кубани в борьбе с большевиками после 1920 года.

Помощники командира полка войсковой старшина И. Евсев и есаул И. Дударь - награждены Георгиевским оружием. В полку состояло 7 офицеров, произведенных из нижних чинов Георгиевских кавалеров, удостоенных затем следующих офицерских чинов и имевших по три-четыре боевых ордена (из наличного состава на конец 1916 года).

2-й Полтавский полк

Помощник командира полка войсковой старшина В.В. Крыжановский - первоходник, в гражданской войне генерал-лейтенант, командир Кубанского пластунского корпуса, погиб вместе со всем штабом под Белой Глиной в феврале 1920 года.

Войсковой старшина В.В. Муравьев - в гражданской войне генерал-майор, начальник 1-й Конной, 1-й Кавказской казачьей дивизий, в 1920 году в восстании казаков против красных на Северном Кавказе помощник командующего "Армией возрождения России" генерала М.А. Фостикова, в эмиграции погиб в Болгарии в 1921 году.

Хорунжий А.И. Клерже - первоходник, в гражданскую - войсковой старшина Корниловского конного полка; в 1920 году при капитуляции Кубанской армии под Адлером-Сочи бежал из плена, в эмиграции в Румынии.

Из наличного состава офицеров на конец 1916 года, в полку состояло 8 человек, произведенных из нижних чинов Георгиевских кавалеров, удостоенных затем следующих офицерских чинов и имевших до пяти боевых орденов.

2-й Запорожский полк

Командир - полковник П. Ярошевич, в 1918 году в станице Уманской отстреливался в своем доме, подожженном красными и погиб вместе с семьей. Четверо офицеров полка на декабрь 1916 года являлись кавалерами ордена Св. Георгия 4-й степени или Георгиевского оружия.

Полковник Л.В. Шимкевич - помощник командира полка, награжденный Георгиевским оружием, весной 1917 года назначен командиром 1-го Линейного полка; в Добровольческой армии и ВСЮР командовал 2-м Уманским, затем 2-м Лабинским полками.

Есаул Е.С. Тихоцкий - начинал войну в 1-м Линейном полку, где заслужил орден Св. Георгия 4-й степени за атаку в августе 1914-го сотней неприятельской батареи, захватил 4 орудия; в эмиграции генерал-майор, в Войсковом Штабе ККВ, в Русском Корпусе командир сотни 1-го Казачьего полка, вывезен в СССР, умер в лагерях в 1953 году.

В списках офицерам полка на конец 1916 года состояло 7 человек, произведенных из нижних чинов Георгиевских кавалеров, удостоенных затем следующих офицерских чинов и орденов.

Летом 1916-го в полк поступил хорунжий Д. Мистулов, сдавший экзамен при Николаевском кавалерийском училище - младший брат известного полковника Э.А. Мистулова, командира 1-го Кавказского полка ККВ на то время.

2-й Уманский полк

Помощник командира полка войсковой старшина Жар-

полковник Е.С. Тихоцкий

ков, расстрелян красными в станице Уманской в 1918 году.

Сотник Галушкин 2-й - воевал на фронте в Особом конном отряде есаула Шкуры. На конец 1916 года, из наличного состава офицеров в полку состояло 8 человек, произведенных из нижних чинов Георгиевских кавалеров, удостоенных затем следующих офицерских чинов и имевших боевые ордена.

К наступлению 21 июня IV-й кавалерийский корпус (3-я кавалерийская, 1-я Кубанская и 2-я Сводно-казачья дивизии) должен был упорно оборонять фронт Островск-оз. Белое. 3-я Кавказская казачья дивизия прочно удерживала фронт Вараш-Новоселый, в 5 км западнее Чарторыйска.

26 июня Ставка отдала директиву, предписав Юго-Западному фронту овладеть Ковелем и зайти в тыл Пинской группе неприятеля; 8-я армия нацеливалась на Владимир Волынский.

К маю 1916 года 9-я армия генерала Лечицкого (штаб в Каменец-Подольском) располагалась на позиции от Латач на Днестре до Бойан на Пруте, на фронте протяжением около 90 километров, соприкасаясь на севере с позициями 7-й русской армии, а на юге с румынской границей.

Конница 9-й армии состояла из четырех кавалерийских дивизий: 1-й Донской казачьей (состоящей в армейском резерве), 10-й кавалерийской, Кавказской Туземной и 1-й Терской казачьей и четырех отдельных полков корпусной конницы (из них 2-й Екатеринодарский полк ККВ и Текинский конный полк были приданы XI-му корпусу, 2-й Линейный полк ККВ - XII-му корпусу). До конца мая конница занимала второстепенные участки или находилась в резерве, кони были в отличном состоянии.

В состав III-го конного корпуса генерал-лейтенанта графа Ф.А.Келлера входили 10-я кавалерийская и 1-я Терская казачья дивизии (с прикомандированными к ней попеременно сотнями Собственного Его Императорского Величества Конвоя). В наступлении корпусу ставилась задача обеспечивать левый фланг армии и всего Юго-Западного фронта.

1-ю Терскую казачью дивизию составляли четыре второстепенных полка: 2-й Кизляро-Гребенской, 2-й Волгский, 2-й Сунженско-Владикавказский и 2-й Горско-Моздокский, артиллерия - 1-й Заамурский конно-горный артиллерийский дивизион. Дивизией командовал генерал-майор В.И.Голощاپов - кубанский казак, участник похода в Китай и русско-японской войны. На Великую войну он вышел полковником, командиром 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ. В августе 1914 года Голощاپов получил назначение на бригаду в 1-ю Терскую казачью дивизию и с тех пор оставался с Терцами до конца жизни. Награжденный в войне орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, раненый в Луцком прорыве, по возвращении дивизии осенью 17-го на Терек генерал Голощاپов был командующим войсками Терской области и заместителем Войскового Атамана. В 1918 году убит большевиками.

Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня Собственного Е.И.В. Конвоя со времени прибытия на фронт в декабре 1915 года взяла на себя всю разведку (главным образом, ночную) перед укрепленными позициями дивизии до реки Прут.

Весной 1916 года завершался срок пребывания гвардейцев-кубанцев на фронте. Командир Конвоя, зная о предстоящем наступлении русских войск и идя навстречу настойчивым просьбам есаула Жукова, разрешил 1-й сотне остаться в составе Терской казачьей дивизии до конца июня.

"Русское левое крыло чувствовало свое скорое наступление и буквально томилось в окопах горячим стремлением вперед, сбедаемое мыслью, что австрийская армия вовсе не заслуживает столь долгого бережного отношения с нею" ("Летопись войны 1914-15-16 гг.", № 94).

9-я армия наступала на Буковину против 7-й австро-венгерской армии и нанесла ей поражение в Доброноуцком сражении 28-31 мая, взяв в плен 760 офицеров, более 37000 нижних чинов и захватив 37 орудий.

В начале прорыва 22 мая, 6-й сотней 2-го Екатеринодарского полка, засакававшей в тыл австро-венграм, было взято 500 пленных. Командиром сотни являлся подесаул Н.Г.Журавель, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия; в чине войскового старшины возвращаясь с фронта весной 1918 года в Екатеринодар, зарублен красными на Кубани.

29 мая 2-й Кизляро-Гребенский полк и Л.-Гв. 1-я Кубанская

сотня отличились при прикрытии переправы через реку Прут у села Вам. Благодаря мужеству терцев и конвойцев была сорвана попытка выхода противника во фланг главным силам Терской дивизии. В этом бою генерал-майор Голощاپов был ранен пулей в плечо и отбыл в госпиталь.

31 мая 1-я Терская казачья дивизия вышла (временно) из состава III-го конного корпуса. В прощальном приказе генерал граф Келлер писал: *"С 24 ноября 1915 года Терская дивизия работала в составе вверенного мне корпуса и всегда производила самое отрадное впечатление. Ее боевые действия были выше всякой похвалы. С искренним сожалением расставаясь теперь с дивизией сердечно благодарю ее лихого начальника дивизии генерала Голощاپова, генерала Хоранова, командиров полков, гостод штаб- и обер-офицеров и удалых казаков"*.

9-я армия получила приказание с 1 июня продолжать наступление на Станиславов. Генерал Лечицкий решил форсировать Прут с целью отбросить укрывшихся за ним австро-венгров за реку Серет.

В ночь на 5 июня, под артиллерийским и пулеметным огнем, а где и под светом прожекторов, русские дивизии форсируют реку, закрепляясь на высокоом южном берегу Прута. Бригада 1-й Терской казачьей дивизии, Текинский конный полк и сотня 2-го Екатеринодарского полка преследовали противника. Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня у Сторожинец настигла части 10-й австро-венгерской бригады, взяв в плен 2 офицеров и 85 солдат.

Из дневника Государя: *"7-го июня. ...1-я Кубанская сотня Конвоя совместно с 1-й Терской казачьей дивизией преследует австрийские войска на юг от Черновцов"*.

Действовавший всегда активно граф Келлер 10 июня одержал победу у Кымполунга, взяв в плен 60 офицеров, 3500 нижних чинов и 11 пулеметов противника; при этом сам был ранен пулей в ногу.

11 июня Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня отбыла в Могилев в Ставку Верховного Главнокомандующего. За полгода пребывания на фронте конвойцы сроднились с Терской дивизией, особенно с офицерами и казаками 2-го Кизляро-Гребенского полка. Братскою теплотою проникнуты строки приказа по полку командира Гребенцов полковника Хетагурова: *"Конвойцы! По чистой совести должен преклониться перед вашей доблестью, мужеством и храбростью. Я наблюдал и удивлялся тому спокойствию, той выдержке, самоотверженности и непоколебимой уверенности, с которыми вы шли в атаку, безразлично - в конном или пешем строю..."*

В этой статье мы не останавливались подробно на совместной боевой работе с Терцами сотен Собственного Е.И.В. Конвоя - она показана в книге по истории этой гвардейской части. Вместе с тем, именно за 29 мая 1916 года - начало наступления, подесаул М.А.Скворцов получил Георгиевское оружие. С взводом Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни, несмотря на ружейный и пулеметный огонь противника, он остановил австрийцев, переправлявшихся через реку Прут на лодках своим сильным огнем, противник бежал; командир был ранен.

В своей книге "Рождены для службы царской" Т.М.Лобова рассказала - у живущего в США сына генерал-майора Скворцова сохранилась копия "Краткой записки" о прохождении службы его отцом, составленной в 1923 году. В записке перечислены продвижение по службе, ранения, награды. Случайно сын узнал об одном факте из жизни отца. 11 казаков под его командой захватили батарею из 4-х пушек с командой и пехотным прикрытием. За этот статутный подвиг подесаул Скворцов был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени - но Георгиевская Дума не поверила в саму возможность подвига, отклонив представление!

Через много лет отец рассказал сыну, что был с разездом казаков в разведке. Выскочив на бугор, они вдруг оказались прямо перед австрийской батареей. Считая, что живыми им уже не выбраться, сняв папаху и перекрестившись, командир повел казаков в атаку: *"Айда, хлопцы, в Царство Небесное!"*

Сколько лозунгов мы знаем, но такой... Только это не призыв. Кубанский офицер Михаил Алексеевич Скворцов назвал точный адрес война - *Царство Небесное!*

П. Стрелянов (Кулабухов)

(фрагмент из новой работы автора статьи и Ф. Киреева об участии Кубанцев и Терцев в летнем наступлении 1916 года Юго-Западного фронта).

Они не хотели восставать...

Николай Ильич Великанов - агроном, всю жизнь проработал на полях хозяйства, носящего имя М.А.Шолохова. Слышет он в районе и как активный селькор местной газеты, правдивый краевед и историк.

Николай Ильич рассказал нам в феврале 2003 года:

- Полыхало восстание на Дону. Однако Хоперские станицы Слещевская, Букановская, Федосеевская, казаки которых составляли 14-й полк, жили спокойной жизнью.

В разгар восстания в наш хутор Калинин приехал с ординарцем сотник. Атаман собрал сходку, сотник представился:

- Я - Павел Чумаков, командир Гороховской повстанческой сотни (хутор Гороховский расположен в шести километрах от ст. Вешенской - авт.), прибыл к вам для связи.

Вахмистр Платон Ермаков с усмешкой бросил:

- А мы думаем, как с вами развязаться.

Сотник рассердился:

- Ну и вас, тихони, жареный петух клюнет!

Однако другие казаки во главе с вахмистром Петром Селивановым спросили у сотника:

- А что нам делать?

Сотник предложил создать боевую дружину, пообещав прислать офицеров для создания боевых сотен и дружин.

Так была создана боевая дружина во главе с вахмистром Петром Михайловичем Селивановым. В состав дружины вошли казаки хуторов Калинина, Травинского, Краснополовского, Дубовского, Реутовского, Панкратовского (эти хутора теперь входят сейчас в состав Волгоградской обл., расположены к северу от Вешенской на расстоянии, примерно в 45-50 км).

Мой дедушка, малограмотный казак в звании вахмистра, всю германскую войну командовал взводом разведки Букановской сотни 14-го полка (ст. Букановская расположена ниже по течению Дона, родина М.П. Громославской, в замужестве Шолоховой). Командовал успешно, за что пользовался уважением сослуживцев. Его взвод частично составляли казаки Букановской станицы, частично его земляки белогорцы (хутор Белогорский, ныне Волгоградской обл. граничит с Шолоховским районом), любищенцы (хутор Любищенский неоднократно упоминается Шолоховым в "Тихом Доне", также граничит с Шолоховским районом).

По совету грамотного казака Никандра Дронова, взвод разведчиков решил устраниваться от участия в восстании и спрятаться в Войсковой Дубраве между хуторами Шакиным и Ожоговым (35-40 км к северу от Вешек). По субботам взвод делился: букановцы к себе домой, белогорцы к себе. Надо было пополнять запасы продовольствия и менять белье.

В это время в хуторе Рябовском квартировался карательный батальон Красной Армии, предназначенный для борьбы с восставшими. У тестя, Ивана Нестеровича Великанова, стояли на квартире командир и комиссар батальона. Бабушкины братья Куприян, Федор, Михаил служили уже у красных. Они слышали, как командир и комиссар говорили между собой:

- В хуторе Белогорском нужно арестовать двух вахмистров: Ивана Великанова и Никандра Дронова. Оба пользу-

ются большим авторитетом у казаков и могут поднять их на восстание. А вот кого послать, кто их знает?

Братья бабушки назвались для ареста. Красные не знали, что они шурины Ивану Великанову. Они и явились в Белогорский. Застали обоих вахмистров дома, предупредили об опасности. С тем и уехали домой. Но кто-то донес красным, что они родственники. Было выделено семь отчаянных красноармейцев. Те явились, но ни Ивана, ни Никандра не застали. Они ушли в Войсковую дубраву (кстати, и хутор Рябовский, и Войсковая дубрава неоднократно упоминаются Шолоховым в его произведениях, места реальные).

Красноармейцы пристали к отцу Ивана Нестеровича:

- Где сын?

- А Бог его знает. Время смутное...

- Ну, старый хрыч, прощайся с семьей!

Внуки и женщины заголосили. Детей заперли в коридоре. Деда раздели и повели на расстрел. Но его жена забежала наперед и затараторила:

- Ребятюшки, а, может, договоримся? На что он вам сдался, дед. Я ведь вам поставлю бутылку самогона - первача, табачку, мешочек салтыца...

Это подействовало. Пошептавшись, они деда отпустили:

- Живи, хрыч, а Ваньку твоего шлепнем...

Забрав магарыч, красноармейцы удалились. Но, поскольку это была суббота, то тут же появились разведчики из дубравы.

- Здоров, батя, - произнес Иван.

Дед молчал.

- Да ты что, оглох что ли?

Выбежала старуха:

- Он испуган. Его красные чуть не расстреляли.

- Какие красные? Где они?

Пастух, пригнавший скотину с пастбища, сказал:

- Да вон они в Ермиловской балке пьянствуют. Лошадей спутали, винтовки в козла поставили...

Бывшие разведчики без труда окружили красноармейцев, забрали лошадей и оружие. Привели их на майдан. Быстро собралась сходка. Старики настаивали казнить красноармейцев. Но Великанов и Дронов не согласились, сказав:

- Лошадей и оружие им не вернем. Их начальство не помилует...

Ограничились поркой плетьюми.

Вот тут на сходке и сказали:

- Хватит прятаться. Надо организоваться, иначе перебьют по одиночке.

На второй день служилые казаки отправились в хутор Калинин и влились в Калининскую боевую дружину. Приехали командиры из Вешенской. Привезли оружие, боеприпасы. Вскоре дружина пополнилась казаками хуторов Глухой, Попов, Шакин, Евсеев. Заняли позицию в районе хутора Глухой у Лохматого кургана. Курган служил хорошим наблюдательным пунктом, лесистые овраги служили хорошим прикрытием.

Однако каратели тоже не дремали. Они решили уничтожить полк, сформированный офицерами из боевых дружин. В районе хутора Евсеев произошел бой. Повстанцы сражались отчаянно. Каратели были разбиты. Их преследовали до хутора Холомкин.

Вскоре к красным пришло пополнение. Полк повстанцев вынужден был отступить в Букановскую и слиться с Вешенскими повстанцами...

Казаки не хотели восставать. Ведь действительная служба, четыре года Германской войны, Гражданская война. А тут - восстание. И все война, кровь и смерть, смерть и кровь! А жить хотелось мирной жизнью, растить детей, внуков...

Николай Ильич Великанов живет сейчас в хуторе Колундаевском. Он и дал нам фотографию: на ней сидят и стоят десять казаков, молодых, удивительно красивых, в казачьей форме, при оружии. В центре - в папахе, с погонами вахмистра - его дедушка, Иван Нестерович; по левую руку от него - Артамонов Иван, по правую руку Пристансков Игнат, с шашкой наголо - Великанов Афанасий.

- А рассказ мой, - заключил Николай Ильич, - со слов родственников, участников тех событий.

А. и М. Жбанниковы

илась к ним кухаркой. Пыталась, но не смогла. Ее схватили с поличным и казнили на сутки раньше братьев.

Ночью, а иногда и днем, выставив оцепление, казаков водили рыть себе могилу - громадную яму, более двадцати метров длины, три-четыре ширины, глубиной до двух метров.

Место для казни было выбрано по тем временам и понятиям глухое, на отшибе за рекой Тухой. Был здесь мелкий кустарник, густые заросли колючей ажины, да обилие дикого орешника. Угол нежилой, мрачноватый. "Ореховый кут" - именовали станичники то место.

На казнь вели ночью, в окружении конного отряда. Связаны казаки были по пять-шесть человек общей веревкой. Так убежать труднее, почти невозможно. Но попытки были. Один все-таки метнулся в черноту ночи, но хлесткий выстрел в спину из короткоствольного кавалерийского карабина уложил казака на месте. Проходя мимо своего родового подворья, казачка Ширенкина потеряла сознание. Ее заставили тащить под руки до самой свежевырытой могилы.

Мимо своего дома в колонне той шел связанный и Иван Михайлович Тарасов. Что творилось в душе старика казака, когда он проходил мимо, одному Богу известно. Наверняка мысленно прощался с женой, дочерью и восьмилетним внуком.

Тайком, поодаль, шли несколько казачек. Они издали видели своих мужей, чувствовали опасность, но не могли оторваться от колонны. Некоторые были с детьми на руках, хотели разжалобить палачей. Их заметили и, как невольных свидетелей, забрали и присоединили к мужьям. Общая смерть соединила их навеки: детей, матерей, отцов.

У могилы отряд спешился, кольцом окружив обреченных на смерть. Тем, кто пытался кричать, молча совали клинком в рот или глушили тупым концом шашки по голове.

Невольным свидетелем казни были несколько молодых парней, мобилизованных местным ЧОНОм на засыпку могилы. Напуганные зрелищем, они стояли поодаль.

- Гавкните где... также зарубим! - пообещал Петров. И они почти до конца дней своих боялись говорить об этом. Время шло, ЧК стало именоваться ОГПУ, затем НКВД, КГБ, но ничего не менялось. Впервые заговорили о произошедшем в 20-м году, лишь в хрущевскую "оттепель".

Так родные зарубленных вахмистра Тихона Митрофановича Маротченко и его двоюродного брата Алексея Маротченко узнали подробности о гибели близких людей от казака Герасимова, умершего в 1987 году. Тогда, в семнадцатилетнем возрасте, он все видел и сам засыпал зарубленных казаков могильной землей.

Близкие урядника Максима Гордиенко узнали о его последних минутах жизни от Михаила Теревца, которому в 1920 году было восемнадцать.

Рубили казаков у края могилы. Стакливали вниз, подвдвали следующего. Рубили по разному. С плеча, разваливая до пояса, другим просто отсекали голову. Спротивляющимся выкручивали назад руки, давали под ноги подсежку, валили наземь, наступая сапогами на спину, между лопаток, удерживая у края свежевырытой могилы. Отъевшиеся на дармовых казачьих харчах красные конники, многие с КИМовскими значками на груди, убивали казаков по одиночке. Принятый для "дела" самогон придавал решимости, на трезвую голову такое делать не так-то просто...

Безголовое туловище с бьющей фонтаном кровью из обрученных шейных артерий ставливали в яму, пьяно куражась и матерясь. Иногда это сразу не получалось, настолько были сильны предсмертные конвульсии в казачьих телах, только что полных жизни.

Половина из зарубленных были живы. Тяжело раненные, они лежали под мертвыми телами, захлебываясь

их кровью. Убивали так совсем не случайно. Куражились, чтобы было больше.

Более двадцати казаков зарубили изуверским способом. Говорят, сам командир карательного отряда Петров сказал арестованным:

- Ну что, казачки, может, кто сам побежит к яме? А, может, кишка тонка?

Храбрые и гордые нашлись. Побежали. Шагах в пятнадцать от ямы палач с клинком на ходу рубит бегущему голову, казак без головы продолжает бег и сваливается в могилу. Голова катится следом, ее футбоят сапогами. Первым победил казак Семен Васильевич Гриценко. Богатырь, редкой силы человек, он принял мученическую смерть добровольно.

Край ямы осклиз от горячего, парящего кровавого месива. Лопатами периодически счищали в темный могильный зев эту красную теплую слизь, смешанную с недавно выброшенной из ямы землей. Подводили следующего. И если прежними приемами с ними справиться было трудно, то ударом приклада короткого кавалерийского карабина в голову глушили казака, потом уже ослабленного рубили клинком. Так погиб мой прадед, казак Иван Михайлович Тарасов, человек степенный и хозяйственный.

Рассказывают, его рубили первым. Был он самый старший среди арестованных, как мог, поддерживал у казаков бодрость духа. И смерть принял раньше других. Ночь, говорят, была теплая, лунная, ясная, безветренная, и от места казни через реку Туху была видна улица Проезжая (ныне Ворошилова), на которой четко вырисовывался

дом прадеда.

- Вон моя хата, вот он я, рубите меня первым! - были его последние слова.

- А за что, за что же его убили, бабушка? - спрашиваем мы с братом Генкой. Вопрос надолго зависал в густой тишине полутемной комнаты, слабо освещенной бледно-желтым светом керосиновой лампы.

- Зато, что казак, за это. Казаков начали убивать с 19-го года. Врагами считали. Расказачивание это. Там, за Тухой, кроме могилы, где ваш прадед лежит, есть еще две такие же.

Там расстрелянные. Их стреляли год спустя, в 21-м. Может, им было легче умирать... А в "нашу" могилу бросали только зарубленных. Там их сто восемнадцать лежит. Но один казак остался жив. Перед рассветом, под утро, вылез из могилы...

Рассказ об этом недорубленном казаке я помню с детства. Тяжело раненный, он остался жив. Его рубили в числе последних. Палачи нервничали, торопились, ночь была на исходе, а казаки не хотели умирать и ставались с жизнью тяжело... И у палачей руки опускались от усталости - более сотни убить не так просто... А потому удар шашкой - скользкий, неточный - пришелся на шею и нижнюю часть лица. Брызнула кровь, и казак без сознания упал в могилу.

Яма уже была полна трупов, до ее краев оставалось не более метра. Очнулся он быстро и старался жаться к стене у самого верха, обжав руками рану. Слой земли был невелик, крупные твердые комья земли пропускали воздух. В предутренней серой мгле казак смог выбраться из могилы.

Работал он конюхом, да все помалкивал. Выбравшись оттуда, не очень-то разговорись! Потом кое-что рассказывал, но с оглядкой. Надо знать, какие то были годы. Отец мой два-три раза видел его в станице, еще до войны.

- Смотри, смотри. Вон тот, который с твоим дедом в одной могиле лежал, - шептала бабушка Наталья, показывая отцу на базаре среднего роста пожилого казака со следом сабельного удара на шее и нижней части лица.

От него, а также тех, кто закапывал порубленных, и узнали подробности гибели прадеда.

Утром следующего дня станичников не пустили к братской могиле. Взять никого не разрешили. Лишь маль-

У памятника в Апшеронске - панихида по убитым казакам

чишки-казачата, вездесущие и проворные, побывали у громадного свеженабросанного холма, возвышавшегося над могилой. Земля у ямы и подступы к ней были истоптаны, четко обозначались следы босых ног и красноармейских сапог с глубокими вмятинами каблучков. Край могилы обильно пропитан забуревшей кровью. Среди этих казачат был и мой будущий отец. Все это он помнил до самой своей смерти.

Яма была слегка прикрыта глыбами земли с кусками дерна. До конца дня, до захода солнца в иных местах она слабо шевелилась, чуть вздрагивала, на поверхность выступала и пузырилась кровь. Прогнав казачат, оцепление красноармейцев из карательного отряда отгоняло родных и близких от могилы. В места, где наблюдалось слабое шевеление, периодически стреляли из карабинов. Патронов не жалели. К концу дня оцепление было снято. Но три красных конника остались наблюдать, чтобы никто не вздумал разрыть могилу и забирать убитых казаков. Крики, плач были слышны далеко. Одна из казачек, у которой в ту ночь зарубили мужа и двоих сыновей, несколько раз вырывалась из рук державших ее людей и бросалась на глыбы могильной земли, пока не лишилась сознания. Так ее и унесли отсюда.

Дети казненных, которым было в 90-е годы по 85-90 лет, плакали, рассказывая обо всем этом. Они в три раза переросли своих тридцатилетних молодых отцов. Некоторые до сих пор боятся давать показания.

Память сердца

Начальные сведения о трагедии апшеронских казаков узнал я в далеком довоенном детстве от своих бабушек-казачек Натальи Ивановны Михайлец и Евдокии Марковны Должиковой. С 1990 года, с начала возрождения казачества мои знания пополнились при опросе свидетелей того злодеяния или их прямых потомков. Благодаря им восстановлено 99 имен из 118 зарубленных. Очень много рассказала Евдокия Евсеевна Гуленко, 1900 года рождения (ныне покойная). В 1920 году ей было 20 лет, и она многое помнила про ту кровавую осень 1920-го года. Вследствии Евдокии Евсеевны уехала из Апшеронской и жила в станице Абадзеховской Майкопского района. Встречи со старой, мудрой казачкой и ее письма помогли мне во многом. Из своих помощников хочу отметить также казака-апшеронца Михаила Тихоновича Маротченко, 1915 года рождения, участника Великой Отечественной войны, сына зарубленного в 1920 году вахмистра Тихона Митрофановича Маротченко.

Екатерина Николаевна Зражевская из Нефтегорска, 1908 года рождения, помнит, как арестовали ее отца - 36-летнего казака Николая Александровича Татузова. Она видела командира карательного отряда Петрова, говорила с ним, просила за отца.

Анна Дмитриевна Моисеенко, 1911 года рождения, из Апшеронска, рассказывала о своем 30-летнем казненном отце казаке Дмитрие Васильевиче Моисеенко (участнике 1-й Мировой войны): "Ой, да снимите ж с себя казачью форму, неровен час, вас всех так же заарестуют и порубят там, за Тухой..." - сказала она мне на прощанье, беспокойно поглядывая за калитку. Страх за казаков жил в ней с 9-летнего возраста...

Нине Павловне Платоновой, 1906 года рождения, особой признательность. Всю жизнь она прожила в Апшеронской. В 14-летнем возрасте видела, как карательный отряд въезжал в станицу, помнит, что они цели и во что были одеты. Она много рассказала о моем зарубленном прадеде Иване Михайловиче Тарасове, лечившем ее, делавшем ей прививку от оспы.

Я благодарен всем добровольным помощникам, с которыми беседовал, получал письма в течение прошедших 15 лет. Храню эти ценные показания как реликвии.

Е.Н. Зражевская вспоминала, как красный командир, арестовавший ее отца, заставил его надеть новую кожаную куртку, которую они с матерью на другой день увидели на нем. Отца ее зарубили той же ночью, и узелок с едой, принесенный ему, оказался не нужным. Командир в отцовской куртке успокоил их: "Отца накормили, не беспокойтесь, вернется..." Но дочка не успокоилась и нашла дом, в котором квартировал Петров, командир отряда. Он сказал ту же ложь. Из всех свидетелей трагедии Екатерина Николаевна была

единственной, разговаривавшей с Петровым. Она хорошо запомнила этого человека!

...Осеннее ясное теплое утро. Во дворе просторного казачьего дома, гремя умыльником, довольно фыркая и крикая от удовольствия, мылся черноволосый, с густой шевелюрой, с черными бровями, среднего роста мужчина лет тридцати. На нем белый бешмет со стоячим воротником, черные брюки заправлены в высокие кавалерийские сапоги. Лицом светел, бел. Довольно крепок собой. Палач был образован и имел офицерскую выправку. По рассказам станичников, и трезвый, и пьяный он был непредсказуем, мог неожиданно рубануть арестованного шашкой или выстрелить из револьвера. Таким и остался в памяти родных и близких зарубленных казаков.

После совершенного злодеяния карательный отряд уходил на Майкоп короткой горной дорогой через мост на реке Пшехе, по пути застрелив дежурившего на мосту казака Ледяева. Стрелял сам Петров. Пьяный, выхватил карабин у ординарца. Стрелял со злобой, остервенело, израсходовав все пять магазинных патронов - перед его таранасом Ледяев не снял шапку...

Рассказывали старики, что отряд по дороге был встречен засадой апшеронских казаков, скрывавшихся в лесу. В бою полегла половина карателей.

А тем временем несколько казаков, родня зарубленных, верхом гнали коней до самого Екатеринодара. Оттуда дали телеграмму Ленину. И был, рассказывают, в Майкопе суд. Часть отряда была расформирована, а 18 человек самых активных судили. Петрова и четверых, что рубили казаков, расстреляли. Но все это как раз и укладывается в лживую политику компартии: верховные палачи уничтожали палачей-исполнителей!

Послесловие

После ухода карательного отряда из Апшеронской родственники казненных просили разрешения перезахоронить казаков по-христиански. Но власти были непреклонны, и все оставалось, как было.

В мрачный угол мелколесья на окраине станицы боялись ходить даже бойкие казачата. До 1929 года на казачьей могиле бывали иногда родные. Власти разгоняли поминающих, был запрет НКВД, и могила затерялась, заросла. В 1935 году для вновь приехавших в станицу там стали отводить планы под застройку.

Лишь с началом возрождения казачества начала всплывать правда о злодеянии осени 1920 года. В память о казненных апшеронских казаках установили в 1997 году Мемориал Скорби с 6-метровым крестом из нержавеющей стали.

Еще раз хочется спросить: кого рубили? И за что?

По словам Льва Толстого, казачество создало Россию. С казаками Наполеон готов был завоевать Европу. Германский император Вильгельм II в начале 20 века называл казачество единственным сохранившимся в мире рыцарством...

Многие государства пытались создать собственные казачьи войска. Из этих экспериментов родились гусары, драгуны - но не казаки. Невдомек было европейцам, что казак - это не только отличный воин, но и особое состояние души...

Советская власть избавлялась от воинов и хлеборобов, любивших Россию. За годы расказачивания уничтожили миллион двести пятьдесят тысяч казаков. Вот и приходится возрождать то, что уже у нас было, что надо было беречь, как драгоценнейший генофонд!..

А. Орлов

Об авторе

Родословная Анатолия Фёдоровича Орлова идет от казаков, основавших станицу Апшеронскую. Он участник возрождения казачества на Кубани с первых его лет, зам. районного атамана. Член Союза журналистов России, регулярно пишет в районной газете, автор документальной повести "Военное детство".

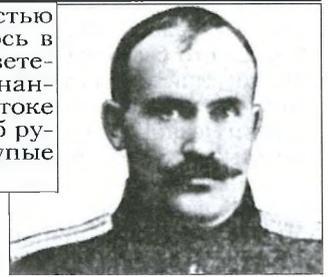
Расследование обстоятельств уничтожения апшеронских казаков есаул А. Орлов ведет с 1991 года.

В истории Русской армии были известные, прославившиеся воинской доблестью подразделения, и те, о которых мы сегодня почти ничего не знаем. Не нашлось в свое время того, кто смог бы рассказать про них потомкам. А если и записали ветераны свои воспоминания, то они оставались известными лишь узкому кругу изгнанников и в России мало известны. Одним из таких соединений на Дальнем Востоке стал созданный Атаманом Семеновым добровольческий отряд, в котором рука об руку сражались казаки и "инородцы", кадровые офицеры и гражданские лица. Скупые строки его истории теперь можно найти разве что в архивах...

Особый Маньчжурский Атамана Семёнова отряд

В июне 1917 года есаул Г.М. Семенов был назначен Временным правительством комиссаром в Забайкалье по формированию добровольческих ударных батальонов и командиром добровольческого Монголо-Бурятского конного полка (учреждённого для германского фронта). Этот полк и стал ячейкой, из которой позже развернулся **Особый Маньчжурский Отряд**.

Сама идея организации созданного 15 ноября 1917 года "инородческого" полка принадлежала именно Семенову. В полк поначалу принимали лишь бурят - "братских", как называли их сибиряки. Но скоро стали принимать и казаков. Вот как писал об этом позже сам Атаман Забайкальского казачьего Войска, Походный Атаман Дальневосточных Казачьих Войск, а в 1920 ещё и Главнокомандующий Вооружёнными Силами Дальнего Востока:

"Правительство создало, что казачество не сословие, но не дало точного определения, за кого оно считало нас. В законе ясно указано, что казак может получить личное и потомственное дворянство за выполнение образовательного или командного ценза. Если бы казачество почиталось за сословие, закон предусмотрел бы нелепость создания в сословии ещё сословия дворян. В таком случае и украинцев, например, следует считать не одной из народностей, населяющих Россию, а сословием".

Буряты сами хотели войти в состав Забайкальского казачьего войска пятым отделом. Но судьба распорядилась иначе. Уже в конце ноября, после неудачных боёв у Верхнеудинска, остатки полка очутились в Маньчжурии. К концу года в нем было 35 казаков, около 40 харачин и бурят и 90 человек офицеров. Теперь Семёнов принимает всех, кто хочет служить России: офицеров, казаков, солдат, юнкеров, гимназистов, студентов, японцев, бурят, монгол, китайцев, сербов...

Особый Маньчжурский Отряд начал свое существование 9 января 1918 года. В том же месяце отряд вступил в Восточное Забайкалье, заняв ст. Даурия, но 1 марта вынужден был снова отступить в Маньчжурию.

Чины Отряда носят на левом рукаве небольшой щиток жёлтого сукна (цветов Забайкальского казачества) с буквами "О.М.О." и указанием воинской части. Позже установлены погоны малинового сукна, с шифровкой "А.С."

Как и всякий живой "организм", Отряд прошёл все этапы сложного организационного единства и развития...

"Интересно отметить, некоторые артиллерийские части обслуживаются верблюдами, вместо лошадей, причём верблюды двигаются на разных аллюрах".

"В Отряд (попросился) красноармейский отряд численностью в 600 человек. Оказалось, что отряд этот был соведомским лишь по недоразумению; большевики на вербовали его из старых кадровых солдат, против их воли, только под давлением угроз и жестокой расправы.... Его приняли".

"Техническая часть - броневые поезда, автомобили и т. п. Ранее существовавшие в отряде конные части и пехота доведены до полного комплекта. Артиллерия значительно пополнена". А ведь у многих Отряд ещё ассоциируется лишь с монгольской конницей!

Были у Отряда и трагические периоды. Опять говорят документы:

"Большевики, обычно надругавшись над своими жертвами, пытали их и варварски убивали. Серба Радославовича, взятого в плен в феврале месяце в Даурии, раздели донага, поставили в таком виде в снег и приставили к нему часовых, на глазах которых он должен был замерзнуть. Но когда Радославович потерял сознание и упал, изверги ушли; между тем, несчастный очнулся и пустился бежать, по направлению отряда. На 12-й версте его встретил развед отряда, одел и согрел, но руки и ноги оказались отмороженными и теперь он калека... У пленных казаков большевики вырезывали на голом теле погоны и лампасы, у китайцев садически отрезывали некоторые части тела".

Юнкера Черняева, захваченного на станции Борзя, всего обезобразили: отрубили нос, уши, выкололи глаза. Иногда пленных прямо поднимали на штыки, предварительно перебив ноги. Отдельный Маньчжурский Отряд на первых порах своей борьбы брал пленных, согласно обычаям войны, но когда увидел, что делают большевики с пленными из отряда, тогда прекратил свою гуманную меру. Но в то же время Атаманом Семёновым было строго запрещено убивать пленных на месте, а приказывалось доставлять их в юридический отдел для установления - действительно ли приведенные лица большевики и участники борьбы с отрядом".

Некоторые офицеры отряда, зная зверства большевиков, когда видели неминуемость пленения, кончали с собой самоубийством, например так погиб храбрый прапорщик Эюль..." (по архивным материалам ОМО, отпечатанных в 1919 году в типографии "Харбининсадо-шо").

Теперь - некоторые данные, касающиеся структуры и состава Отряда. Штаб его состоял из управлений обер-квартирмейстера (оперативное, разведывательное и общее отделения) и дежурного штаб-офицера; в состав штаба входили начальник штаба, адъютанты по строевой и хозяйственной части, инженер, ветеринарный и медицинский врач, интендант. В Отряде были также юридический и железнодорожный отделы, гражданское управление.

К июлю 1918 года Отряд состоял из 1 Семеновского и 2 Маньчжурского пеших, 1 Монголо-Бурятского и 2 Даурского конных полков, Ургинского отряда, артдивизиона (3 батареи), инженерной и автороты. 1 сентября был сформирован 3 Даурский конный полк, вместе со 2 Даурским полком составивший отдельную конную туземную бригаду.

8 октября 1918 г. Отряд был включен в состав 5 Приамурского корпуса, его штаб преобразован в штаб корпуса.

Приказом по Отдельной Восточно-Сибирской армии от 18 апреля 1919 г. Отряд был переименован в **Особую Маньчжурскую атамана Семёнова дивизию**. Вскоре наименование "Особая" в названии дивизии было упразднено. В состав ее входили конная атамана Семёнова бригада в составе 2 полков: 1 конного атамана Семёнова полка (сводный казачий дивизион, пластунский полк, Сербский дивизион), 2 конного атамана Дугова полка (Приамурский конный полк, Ургинский отряд). Так как дивизия состояла из трех родов оружия, в июне ей было присвоено наименование Сводной. Но то уже другая история... **А.А.**

"Красный террор на Востоке России в 1918 - 1922 гг."

Издательством "Посев" в серии "Документы советского времени" выпущена книга **Сергея Балмазова**, на основе документов рассказывающая о красном терроре на Востоке России - от Прикамья и Урала до Дальнего Востока. Сборник документов следственных органов Белого правительства и советских карательных органов рассказывает о преступлениях большевиков в ходе Гражданской войны. Большинство документов публикуется впервые. Сопровождают их подробные комментарии и пояснения составителя, исследующего становление красной карательной политики и системы на Востоке страны, создание и деятельность следственной комиссии правительства Колчака, а также террор в Сибири после ухода белых, приведший к целому ряду антибольшевицких народных восстаний.

В декабре 1975 года газета "Новое русское слово" опубликовала "Обращение к русским эмигрантам, старшим революциям" Александра Исаевича Солженицына - с просьбой к участникам событий 1917-22 годов присылать свои воспоминания, свободные от "оболганий", "искажений" и "укрытий", чтобы помочь объективно воссоздать ту эпоху.

Откликнулись свыше 700 эмигрантов, разбросанных по разным континентам. Как писал Солженицын - "Русский Общественный Фонд... одной из целей своих ставит собиране всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) - надёжного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время - перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку..."

В июне 1996 года Александр Исаевич передал свой вермонтский архив в Библиотеку-фонд "Русское Зарубежье": собрание мемуаров, дневников, писем русских эмигрантов, архивы Великого Князя Николая Николаевича, семьи философа Семена Франка, секретаря Ивана Бунина Леонида Зурова...

Переданный в Москву архив (около 1,5 тыс. единиц хранения) пополняется и другими материалами. Так, одно из последних поступлений - альбомы известного историка военной униформы В.В. Звегинцова с иллюстрациями по военному формоведению и труды по истории русской армии (часть из них посвящены казачеству).

Сегодня мы представляем читателям одну из хранящихся в архиве Библиотеки-фонда "Русское Зарубежье" рукописей - записки кубанского казака Максима Карповича Кулика, уроженца станицы Старо-Титаровской на Тамани.

О М.К. Кулике нам известно

немного. На момент написания воспоминаний ему был 81 год - родился он в 1894 году. В декабре 1913 года 19-летним казаком по докладной расписке раньше срока поступил на службу в 1-й Таманский полк. Воевал на Кавказском фронте рядовым казаком. В эмиграции жил в США, где с 1955 года в течение 21-го года состоял председателем Военного Совета ККВ; шесть лет руководил выборами Войсковых Атаманов. В 1976 году ушел в отставку по состоянию здоровья.

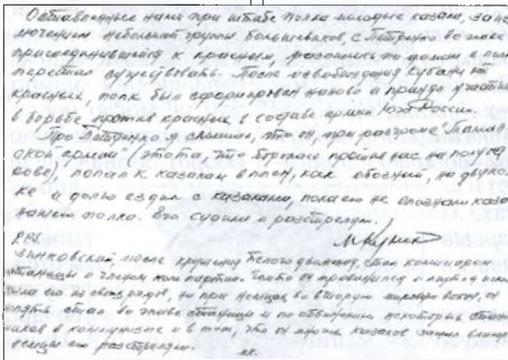
Особый интерес записки представляют тем, что их автор был в самой гуще событий 1917 года, развала Русской армии, возвращения домой и роспуска казачьих частей, начала Гражданской войны, стоял у истоков создания независимого государственного образования на территории Кубанского Края. Он был депутатом всех созывов Кубанской Краевой Рады, активным участником одного из первых казачьих восстаний против большевиков - Таманского восстания...

Конечно, это лишь фрагмент воспоминаний - посвященный одному из переломных моментов в ходе Гражданской войны на Юге России (после которого наступило массовое разочарование казаков, составлявших основную силу вооруженных сил Белого движения, в его идеалах) - разгону командованием ВС Юга России Кубанской Рады.

Хотя трагические события сентября 1919 года имели огромное значение для всего Белого движения, они

до сих пор сравнительно мало известны. Долгое время случившееся пытались замалчивать и в эмиграции - слишком неоднозначной представляла позиция их участников, слишком тяжелые последствия повлекли за собой нежелание идти на компромисс и прислушаться к словам оппонентов обеих сторон конфликта!..

Полностью записки М.К. Кулика печатаются во 2-м томе "Кубанского Сборника", возобновленного при участии членов редколлегии "Станицы" на средства нашего кубанца О.В. Дерипаски.

Расправа с Кубанской Краевой Радой

57 лет отделяют нас от трагических и поистине судьбоносных для всего Белого движения событий, разыгравшихся в столице Кубанского Края в начале ноября 1919 года. По мнению многих авторитетных лиц того времени, события эти явились одной из важных причин наступившего вскоре перелома в ходе успешной до того борьбы против большевиков. Они стали важной причиной разочарования и потери веры в победу (во всяком случае, со стороны казачества), и - окончательного поражения Белого движения.

Расправа командования Добровольческой армии над Кубанской Краевой Радой закончилась высылкой за пределы занятой армией Юга России территории одиннадцати членов Рады и повешением члена Рады - священника А.И. Кулабухова. Некоторые кратко именуют эти события "Кубанским действием".

Как бы эти события кто ни называл, они заняли свое место в истории борьбы против большевизма, и забыть их невозможно. Слишком глубоко эти события потрясли сознание большинства кубанцев, вызвав глубокую реакцию, отразившуюся на ходе вооруженной борьбы армии Юга России, состоявшей на 80-85 процентов из кубанских казаков, и предопределившую исход этой борьбы не в нашу пользу.

Уже в эмиграции события эти тщательно замалчивались главными персонажами со стороны командования армии, пока не появились в печати воспоминания о них бывшего в то время Войсковым Атаманом генерала А.П. Филимонова. После этого появилось описание их генералами Деникиным, Врангелем, Покровским, Скобцовым - но во всех этих описаниях авторы стараются оправдать свои действия как должные содействовать идее спасения России, обвиняя пострадавших членов Рады как мешавших безукоризненному проведению в жизнь этой высокой идеи.

Позже появились описания этих трагических событий казачьих деятелей в эмиграции. Они глубоко восприняли оскорбление, нанесенное командованием армии Кубанцам, но нередко смешивали при этом два понятия - Командование армии Юга России и саму Россию - в одно, перенося свое враждебное отношение к командованию армии

на всю Россию (кстати, очень слабо отозвавшуюся на призывы командования и давшую ничтожный процент участников в ее освобождении от большевизма).

Мои воспоминания, как непосредственного свидетеля и участника трагических событий, кнесутся, главным образом, центрального акта задуманного командованием армии плана расправы - самого ареста членов Рады и повешения члена Рады А.И. Кулабухова. Акт этот прошел перед моими глазами...

Должен оговориться, что я никогда не принадлежал к числу безоговорочных поклонников командования армии Юга России и проводимой ими политики, считая, что полдюжины даже хорошо известных в России генералов - еще далеко не Россия. В то же время я не поддерживал и членов черноморской группы Рады, равнявшихся на Украину, что в то время и почиталось за "самостийность". О самостийности иного типа, вроде самостоятельной Казакии, самостоятельной Кубани, в те времена никто не слышал. Этот тип самостийности появился уже в эмиграции, в конце 20-х - начале 30-х годов в Праге.

Армию, боровшуюся против большевиков, обычно принято называть добровольческой. Но, думаю, правильнее будет именовать ее именно армией Юга России - так как принцип добровольчества был проявлен только в самом начале организации армии. После освобождения Кубани армия пополнялась Кубанцами, призванными по мобилизации (также и в других местах, освобожденных от власти большевиков, проводилась мобилизация).

Несмотря на общность цели, взаимоотношения между командованием армии и Кубанским правительством и Радой никогда не отличались теплотой и дружелюбием. К концу же 1919 года они обострились до нетерпимости, а часто и враждебности.

При встрече отряда Кубанского Правительства с отрядом добровольцев под командой генерала Л.Г. Корнилова в станице Ново-Дмитриевской, между Кубанским Правительством и Радой, с одной стороны, и командованием добровольческого отряда, с другой, было заключено соглашение.

В силу его, ввиду единства задач и целей, было признано необходимым все воинские силы объединить под единым командованием, и отряд Кубанского правительства должен перейти в подчинение командующего добровольческим отрядом генерал Корнилова. Кубанская же Рада, правительство и Войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

По смыслу договора выходило, что добровольческий отряд и его командование, с одной стороны, и Кубанская Рада и правительство с другой, стали союзниками в общей борьбе против большевизма. Но сразу же после заключения соглашения командование армии везде старалась подчеркнуть свое превосходство, что они являются началом "высшим", центральным. Кубанцы же - провинциалами, подчиненными, и их дело - подчиниться "высшему" началу, не рассуждая. Ни Кубанское правительство, ни Рада с этим согласиться не могли.

Характерным в этом отношении является случай, происшедший в станице Мечетинской, на общем заседании командования и Кубанского правительства, созванном генералом Алексеевым (по воспоминаниям Д.Е.Скобцова). Открывая заседание, генерал Алексеев произнес слова: - *"Я разрешил это собрание, чтобы поставить вас в известность..."* На что при первом своем ответе председатель Кубанского правительства Л.Л.Быч заявил: - *"Мы не думали, что Рада и правительство Кубани, находясь при своих кубанских воинских силах, нуждаемся в особом разрешении кого бы то ни было, чтобы собраться и поговорить о насущных делах"*.

Генерал Алексеев, поняв свой промах, заметил: - *"Ну, не будем говорить о разрешении или не разрешении, это ведь лишь неудачное выражение..."*

После занятия Екатеринодара и освобождения всей территории Кубани, трения между двумя силами усилились и обострились. Кубанское правительство и Рада, получившие власть из рук населения Кубани законным путем, к тому же сохранив преемственность власти, будучи утвержденными Временным правительством России, считали себя хозяевами на Кубани, предоставив генералам руководство воинскими силами.

Командование же армией, опираясь на то, что армия объявила себя носительницей идеи освобождения России, а после и идеи ее неделимости, стало считать себя как бы наследником центральной власти, создавшиеся же, в силу необходимости, крайние образования - своими подчиненными, обязанными безоговорочно ему подчиняться.

Обещание генерала Корнилова, данное им при заключении соглашения с Кубанским правительством, что после занятия Екатеринодара будет приступлено к формированию Кубанской армии, было забыто и напоминания об этом обещании вызывали у командования армии раздражение и сопротивление.

Военные успехи армии в 1919 году способствовали усилению в кругах командования великодержавных настроений, и попытки устранить несогласия и острые углы путем переговоров и соглашений успеха не имели. Среди части Кубанских деятелей сложилось мнение, что Л.Г.Корнилов в вопросах политики был гораздо терпимее и более гибким, чем Деникин, что, останься он жив, отношения между Кубанью и командованием армии могли бы сложиться гораздо удачнее, чем при Деникине.

А.И.Деникина характеризовали как "прямого, честного солдата". Таким мы его и видели. Но, видно в гражданской войне, войне политической, одних этих качеств для руководителя борьбы было недостаточно.

Немало недоразумений вызывал и вопрос материального снабжения армии. Оно целиком и безраздельно легло на плечи Кубанского населения - и, хотя это со стороны последнего не вызывало никаких нареканий (так как армию на 80-85% составляли казаки), попытки бесцеремонного хозяйничанья в этой области представителей командования вызывали немало возражений, как населения,

депутат Краевой Рады А.И.Кулабухов

так и представителей Кубанских властей, ведавших снабжением.

Также как обещание генерала Корнилова о формировании Кубанской армии, была забыта и Декларация генерала Деникина, объявленная им в станице Успенской, до занятия Екатеринодара. В ней он обещал, что будущее Российского государства будет решаться на Учредительном Собрании, после освобождения России от большевиков. Без всякого Собрания, при командовании армии твердо была усвоена идея Единой и Неделимой России. С точки зрения этой "Единонеделимости", высказываемые казаками пожелания о федеративном устройстве будущей России рассматривались как недопустимая ересь и самостийность.

При одной из попыток создания на юге России из освобожденных областей союзного государственного образования (когда в Ростове собрались представители Дона, Кубани, Терек и командования армии), после первого заседания, на котором представитель Кубани, председатель Краевой Рады Н.С.Рябовол произнес замечательную речь (и не пахнувшую самостийностью). И - был убит на дверях гостиницы выстрелом из револьвера. Хотя расследование было затято, никто не сомневался, что убит он был агентами "Освага" (осведомительного агентства при командовании армии).

Убийство Кубанского Трибуна, каким являлся Рябовол, совершенное органом командования армии никоим образом не могло послужить к смягчению отношений между Кубанским правительством и командованием армии. Наоборот, я знал очень многих кубанцев, до этого относившихся к командованию лояльно, после же убийства Рябовола переменявших свое отношение на критическое и враждебное. Кажется, будет правильным сказать, что с этого случая в армии среди кубанцев началось разочарование в командовании и его политике.

При всем этом, на Кубани действовали законы Краевой Рады, выполняли их местные власти, установленные этими законами, основанными на демократических принципах. В противоположность демократическим началам, принятым на Кубани, гражданское управление при командовании армией, так называемое "Особое Совещание", было основано на принципе диктатуры и в применении на освобожденных от большевиков территориях (за исключением казачьих) эта система показала себя отрицательно, что после признал сам главнокомандующий армией генерал Деникин в своих воспоминаниях.

Особому порицанию со стороны кубанцев подвергались случаи расправ с крестьянами, запахивавшими помещичью землю, со стороны некоторых офицеров армии, имена которых оказались на территории, освобожденной от большевиков.

Помню рассказ покойного войскового старшины Гулого, служившего в одном из пластунских кубанских батальонов. В том же батальоне служил какой-то капитан - не казак (явление, нередкое во время гражданской войны). И вот как-то этот капитан, взяв из конной разведческой команды несколько конных казаков, вероятно, с разрешения командира батальона, уехал с ними куда-то на несколько дней. Случилось, что, когда он вернулся с казаками, Е.И.Гулый лежал возле костра, покрывшись буркой. Казаки думали, что он спит (и зная, что спит он обычно крепко), почему не стесняясь стали вести между собой разговор. Кто-то из оставшихся стал спрашивать вернувшихся из поездки - *"Куда же это вы ездили, целых три дня?"* - *"Да вот, ездили с капитаном в его имение, мужиков пороли, что запахали его землю"*. Пороли в то время шомполами от винтовок, и вернувшийся из поездки казак рассказал жуткие подробности порки. Один из старых пластун во это вымолвил: - *"Эх, хлопцы, хлопцы! Як що так будэм воювати, так мы цией вийны и за 100 лит не скинчымо!"*

Таких и им подобных случаев было немало, о них знали казаки в армии, а слухи доходили и до Кубани. И в Раде стала раздаваться критика гражданских порядков, проводимых "Особым Совещанием". Стали раздаваться голоса:

Председатель Краевой Рады Н.С.Рябовол

- "Не для того мы посылаем наших сыновей на борьбу, чтобы командование восстановило на освобожденных от большевистских порядков территориях, густо политых казачьей кровью, порядки помещицкой России!.."

Командование армии, очень чувствительное ко всякой критике, стало обвинять Раду во вмешательстве в дела командования, что это может отрицательно отразиться на ходе военных действий - хотя критика никогда не касалась чисто военных мероприятий командования, а исключительно касалась мероприятий гражданского управления. Эта критика исходила, главным образом, из среды группы членов Рады - Украинифилов, представителей Черноморских станций, населенных потомками Запорожцев и выходцев с Украины, что дало повод командованию армии обвинять эту группу в самостоятельности. Группа членов Рады от станции бывшего Линейного Войска в большинстве поддерживали командование армии.

Так, во взаимных обвинениях и критике, отношения обострились и атмосфера накалялась - пока, воспользовавшись, по мнению командования армии, благоприятно сложившейся для этого обстановкой, оно не приняло решения, как тогда выражались - "стукнуть Раду по голове". Успехи армии на фронте к осечки 19-го года достигли кульминации, и это обстоятельство также способствовало усилению в кругах командования "антирадянских" настроений - в пользу принятия против Рады "решительных мер".

В конце 18-го года Краевая Рада снарядила делегацию на заседавшую тогда в Париже мирную конференцию, решающую судьбы мира после победы над немцами - в помощь признанному командованием армии правомочным представителем России на этой конференции О.Д. Сазонову, - "для информации западно-европейского общества и защиты интересов Кубани". Миссия этой делегации никакого успеха не имела, так как вершители судеб мира того времени были рады, что Россия, один из крупных партнеров в войне, выпала из игры, пребывая в политическом хаосе.

Попытки войти в связь с другими делегациями закончились встречей с такой же незадачливой делегацией от "самостоятельного государственного образования" горцев северного Кавказа (самостоятельность которого и государственные границы существовали в то время только на бумаге).

Эти две делегации сочли за нужное заключить между собою "договор дружбы" - или, как после говорили члены Кубанской делегации, - "проект договора". Для приобретения законной силы он нуждался в утверждении его Радой и Атаманом - но, тем не менее, несколькими членами делегации был подписан.

Содержание этого договора стало известно командованию армии раньше, чем о нем узнали Кубанский Войсковой Атаман и Рада. Командованием армии этот договор был расценен как "предательство" и "измена" в отношении России - в силу чего подписавшие его со стороны Кубани лица (Быч, Намитоков, Савицкий и Кулабухов) объявлены были командованием "вне закона".

Это последнее приобретало особенно зловещее значение, так как к этому времени из Парижа вернулся один из подписавших договор - член Рады Алексей Иванович Кулабухов, с докладом в Раде о деятельности делегации в Париже, в числе прочего - и о злополучном "проекте договора". В это время шли заседания Краевой Рады, и А.И. Кулабухов сделал свой доклад, ознакомив Раду с содержанием договора дружбы, в котором даже с увеличительным стеклом нельзя было найти никакого "предательства" и "измены" России. Нужно было нарочитое желание придать этому договору характер "предательства" и "измены" - но у командования армии этого желания оказалось как раз с избытком!

Этот "договор" и появление в Екатеринодаре одного из подписавших его членов делегации послужили сигналом для нажатия спуска курка, заранее заряженного специально подобранным зарядом ружья. И командование армии - нажало на спуск...

Как гром с ясного неба, появляется приказ по армии о

включении Кубанского Края в тыловой район Кавказской армии, состоявшей из Кубанцев и Терцев, под командованием генерала Врангеля. Это значило, что на территории Кубанского Края перестали действовать гражданские законы, а вступили в действие военные. Атмосфера быстро стала нагнетаться, каждый день приносил что-нибудь новое, еще больше сгущавшее напряжение. Стало известно, что в район Екатеринодара с фронта прибыла бригада казачков, якобы - на отдых, под командованием генерала В.Л. Покровского, с артиллерией. Она разместилась в станции Пашковской, рядом с городом. Официально бригадой командовал полковник Бурак, фактически же бригада была в распоряжении именно генерала Покровского.

О Покровском следует сказать несколько слов. Появился он в Екатеринодаре, никому неизвестный, как летчик в чине капитана в конце 17-го года, в период первого разгула большевизма и начала борьбы с ним, и быстро вошел в доверие семьи Кубанского Войскового Атамана генерала Филимонова. Очень решительный, смелый, готовый взяться за любое дело. После первого боя с большевиками возле станции Эйнем, закончившегося разгромом большевиков, где Покровский командовал отрядом, Войсковой Атаман производит его в чин полковника, его встречают в Екатеринодаре как спасителя. Вскоре Атаман производит его в чин генерала и назначает - ни больше, ни меньше! - командующим

Кубанской армией! Скачок поистине гигантский. После, когда Кубанская армия вошла в подчинение генерала Корнилова и генерала Деникина, Покровский командовал дивизией кубанцев. Своими расправами с пленными большевиками, а также в освобожденных от большевиков станциях с поддерживавшими большевиков жителям он снискал себе славу беспощадного, жестокого начальника. Многие звали его "вешатель" - за его пристрастие к виселицам. Назначение его командованием армии для расправы над Радой (а в том, что он прибыл с бригадой в район Екатеринодара именно для этой цели, никто не сомневался) не предвещало ничего хорошего.

Рада все время билась в поисках выхода из создавшегося положения, послала делегацию к Деникину (кажется, он ее не принял) с просьбой отменить распоряжения, которые могут вызвать кат: тропу и братоубийственную войну, в то время, как почти два года мы несли тяготы войны против большевиков. Попытки связаться с главным командованием по телеграфу не удались - вероятно, оно избегало этой связи умышленно.

Наступило 5 ноября. Рада все еще билась в поисках выхода, и в тот день заседание затянулось за полночь. На требование членов Рады Атаман генерал Филимонов выступил с докладом, что им предпринято в эти дни, чтобы избежать катастрофы. Его сообщение о предпринятых мерах, сведшихся к попыткам связаться с командованием (неудавшимся), к разговорам с разными лицами, оказалось совсем неубедительно. После него слово взял председатель Рады И.Л. Макаренко, резко раскритиковавший действия Атамана и закончивший свою речь словами: - "Я ждал, что Атаман скажет свое твердое Атаманское слово в защиту попираемых прав Кубани, но мы этого слова не услышали, и поэтому я считаю, что у нас Атамана - НЕТ, НЕТ И НЕТ!"

Эти слова он выкрикнул с истерическим надрывом, сам был бледен.

Из рядов членов Рады покатило громкое - "нет! нет! нет!" Так продолжалось минуту, потом стали раздаваться, вначале робкие, отдельные возгласы - "есть! есть!..", усиливаясь и нарастая, в то время как голоса "нет!..", стали затихать.. и закончилась эта двухминутная демонстрация громкими - "есть! есть!" Потом наступила жуткая тишина, как будто люди испугались своей демонстрации, так она была необычна.

В это время Атаман, поднявшись с вытянутой рукой к президиуму, просил слово. И.Л. Макаренко, почувствовав,

Председатель Краевой Рады П.Л. Макаренко

генерал В.Л. Покровский

что его попытка низложить Атамана провалилась, дал слово генералу Филимонову, когда тот стал говорить, передал незаметно председательство своему заместителю (кажется, Султан-Шахим-Гирею) и ушел за кулисы - и я его увидел после этого только перед эвакуацией Екатеринодара весной 20-го года, с огромной черной бородой. Пересидел он зиму где-то у друзей в Екатеринодаре, говорили - в погребе.

Атаман Филимонов произнес горячую речь, стараясь успокоить Раду - обещал, что вернувшись домой, он не ляжет спать, пока не свяжется с командованием армии и не добьется отмены грозящих катастрофой распоряжений.

Измученные безвыходностью положения, члены Рады ухватились за это успокаивающее обещание, как утопающий за соломинку и, закрыв заседание (это было уже, вероятно, после 2-х часов ночи), разошлись по квартирам, назначив заседание, кажется, на 11 часов следующего дня.

В городе в это время военными властями (Покровским) было введено военное положение. По улицам патрулировали офицерские патрули из офицеров - не казаков, каких в Екатеринодаре, в глубоком тылу, всегда было в избытке. Членов Рады, возвращавшихся с заседания, останавливали, проверяли документы и вежливо, козырнув, отпускали.

На следующий день, направляясь на заседание Рады по Красной улице, на площади Войскового Собора я увидел размещенную в боевом

А.И. Кулабухов

порядке казачью батарею бригады Покровского - с дулами, направленными на зимний театр (место заседаний Рады). В разных местах заметил конные сотни. Свернув с Красной в переулок, из которого был вход в театр, я увидел против дверей театра, но с противоположной стороны улицы, роту юнкеров военного училища, а перед выстроенной ротой - самого Покровского. Он прохаживался перед строем, нервно похлопывая себя по голенищам сапог не то сложенной плетью, не то хлыстом.

Вход в театр для членов Рады был свободен. Внутри, на всех дверях, как и всегда, стояли казаки "комендантской сотни". В зале заседания, разбившись на группы, члены Рады тихо делились между собою впечатлениями от происходящего, переходили от одной группы к другой. Тоже происходило и на сцене президиума, Ни Войскового Атамана, ни членов Правительства в зале не было. Из разговоров с членами Рады выяснилось, что в разных частях города находятся конные части бригады Покровского, передвинутые в Екатеринодар из Пашковской.

Наконец, раздается звонок председателя и зам. председателя приглашает членов Рады занять места. Быстро уселись, затихли. В напряженной тишине раздается голос председателя: *"Слово предоставляется члену Рады П.Л.Макаренко"*. На трибуну поднимается П.Л.Макаренко и слегка дрожащим голосом заявляет: *"Сейчас президиум Рады получил от генерала Покровского ультиматум - выдать ему 11 членов Рады - П.Л.Макаренко, И.Л.Макаренко, А.И.Кулабухов, Г.В.Омельченко, полковник Роговец, полковник Гончаров, К.А.Безкровный, Балабас, Манджула, Воронинов, Жук - с предупредением, что если названные члены Рады не будут выданы, будет применена воинская сила. Посоветовавшись, мы, переименованные в списке, решили отдать себя в руки генерала Покровского, во избежание пролития братской крови"*.

Слушавшийся с трибуны П.Л.Макаренко впереди, за ним остальные обреченные двинулись один за другим по проходу между сценой и залом к выходу. В момент все члены Рады поднялись на ноги, в некоторых местах послышались рыдания, возгласы - *"Прощайте, братцы!"*

Через несколько минут после ухода обреченных членов Рады послышалось шарканье ног, щелканье каблучков. Это юнкера стоявшей перед театром роты сменяли часовых казаков охранной сотни. Председатель объявил заседание закрытым, и члены Рады с тяжелым чувством безнадежности и унижения разошлись по квартирам.

Генерал Покровский позже в своих воспоминаниях говорил, что во время предъявления им ультиматума Раде и ареста членов Рады перед входом в здание, где заседала Рада, была выстроена "сотня казаков". Дальше он говорит, что *"казаки сменяли охранявшую Раду Таманскую сотню"*. Не знаю, может быть, юнкера военного училища, выстроенные перед входом в театр, и были казаками, но они бы-

ли в форме юнкеров военного училища - не могу только утверждать, какого именно, в Екатеринодаре было два казачьих военных училища.

Точно также не отвечает истине его утверждение, что Рада охраняла сотня "Таманцев". Комендантская сотня, как ее называли, состояла из казаков разных отделов (преимущественно бывших гвардейцев). Их роль была отчасти декоративной - красавцы гвардейцы, в живописной казачьей форме, стояли парами на всех дверях в зал заседания Рады, проверяя удостоверения членов Рады при входе в зал, а также пропуска гостей, направляя их на места для гостей.

Покровский, конечно, хотел подчеркнуть, что он не пользовался специальными войсками при проведении операции, а только казаками, которые тоже были настроены против Рады. Пользовался!.. Ночные патрули состояли из офицеров - не казаков; также он воспользовался в самом ответственном месте и в самый ответственный момент юнкерами военного училища...

На другой день утром я еще не успел подняться, как меня разбудили друзья, члены Рады - одноотдельцы (спали мы в общежитии, устроенном в помещении какой-то школы на Красной улице) и поторопили побыстрее одеться и пойти на крепостную площадь недалеко от общежития - посмотреть продолжение операции генерала Покровского.

На мое недоумение и вопросы разъяснили, что на крепостной площади сооружена виселица, а на ней висит член Рады, бывший член делегации в Париже Кулабухов, объявленный командованием армии вне закона.

Быстро одевшись, я направился к крепостной площади и недалеко от окончания Красной улицы увидел виселицу, а на ней - тело Кулабухова, в череске, без оружия. На груди болталась дощечка с надписью - *"За измену России и Кубанского казачеству"*. Был ли он в череске, когда его арестовали, или ее натянули на него силой, чтобы сильнее подчеркнуть унижение Кубани, не знаю. Знаю только одно, всегда удивившее меня обстоятельство - что военно-полевой суд, осудивший А.И.Кулабухова на смерть, состоял весь из Кубанских казаков бригады полковника Бурака, как и исполнители приговора были Кубанские казаки.

Вокруг виселицы толпилось много народа. Большинство проходили молча, с опущенными головами, некоторые, проходя мимо виселицы, осеняют себя крестом, но есть и такие, что, проходя мимо повешенного, бросают замечания вроде - *"так тебе и надо"* или - *"собаке собачья смерть..."*

Когда сняли тело Кулабухова с виселицы, не знаю, но на другой день ее уже не было.

На другой день после повешения в Екатеринодар прибыл главный режиссер разыгранной трагедии - командующий Кавказской армией генерал Врангель, пожелавший выступить в Краевой Раде. Лично я на этом заседании не присутствовал, слишком много горечи было на душе, а заседание Рады в честь Врангеля считал продолжением унижения парламента Кубанского Края. Участвовать в этом унижении просто не хватило у меня сил.

Генерал Врангель перед Радой старался оправдать свои действия, доказать, что изъятые из Рады ее члены губили дело освобождения России от большевизма, что теперь, к счастью, их нет здесь и дело освобождения пойдет успешнее - приблизительно такой смысл был вложен в его речь.

Когда к Врангелю прибыла делегация от Рады, с ходатайством за арестованных, чтобы их не постигла судьба Кулабухова, он вступил с делегацией в торг, потребовал за сохранение в живых арестованных членов Рады изменения Кубанской конституции, уничтожения Законодательной Рады и изменений порядка ответственности Войскового Атамана. Чтобы спасти жизнь арестованных, делегация согласилась на требуемые изменения, и они были приняты на ближайшей заседании Рады...

На одном из заседаний Рады появился генерал Филимонов и положил на стол президиума Рады Атаманскую булаву, сложив этим полномочия Войскового Атамана.

А 11 арестованных в это время ждали своей участи. Они были в одном доме (не помню названия улицы), двор которого был обнесен высоким металлическим забором. Днем они гуляли во дворе и мы, члены Рады на свободе, могли с ними разговаривать через решетку забора. Усиленная охрана не препятствовала таким разговорам. Ста-

ло известно, что арестованные члены Рады должны покинуть территорию, занятую войсками Юга России, и вскорости их под конвоем отправили в Новороссийск, а откуда на каком-то пароходе - в Константинополь (откуда все они после переселились в созданное после первой мировой войны государство - Чехословакию; не знаю, остался ли кто из них в живых на сегодня).

В Раде, наполовину обезглавленной (по крайней мере, в Черноморской ее части), встал вопрос о выборах нового Войскового Атамана. Стали перебирать возможных кандидатов, кто мог бы оказаться приемлемым в создавшейся после трагических событий ситуации. Стали называть имя генерала Н.М. Успенского - человека, приемлемого для командования армии, в то же время крепкого казака. До этого он был одно время членом Правительства по военным делам, а после и по внутренним делам - значит, с административной работой хорошо знаком. На его кандидатуре и остановились. Насколько помню, он был единственным кандидатом, и Рада дружно за него проголосовала.

В первой своей речи он немногословно, но твердо, коснувшись прошедших событий, заявил: *"Принимаю Атаманство в тяжелый момент. Кубань пережила позорные события, последствия которых скажутся после. Скажу одно - пока я Атаман, такие события могли случиться только через мой труп, а живой я их не допущу"*.

Эти твердые слова Атамана влили надежду в сердца членов Рады, что не все потеряно. Одновременно они были и упреком в адрес генерала Филимонова, не проявившего должной твердости и инициативы в пережитые тяжелые дни.

Последствия "Кубанского действия" очень быстро сказались на ходе войны против большевиков. Казаки, утомленные четырехлетней внешней войной, а за нею, почти без перерыва - двухлетней гражданской, вызвавшей огромные жертвы, вконец утомленные и обескровленные, узнав о происшедших в Екатеринодаре событиях, потеряли волю к борьбе, потеряли дух. А так как армия Юга России состояла преимущественно из казаков, фронт дрогнул и покатился на юг. Зимой докатился до границ Кубани, а ранней весной покатился к Черному морю.

Вызванная неуспехами на фронте уступчивость командования, согласие на формирование Южно-Русского правительства и другие меры, положения не спасли, так как очень запоздали. Не спасла положения и демократическая программа, объявленная Врангелем в Крыму после того, как он принял командование армией и возглавление всего анти-

большевического движения. А Южно-Русское правительство, сформированное из представителей Дона, Кубани, Терек при командовании армии, просуществовало несколько месяцев в вагонах поезда, постепенно подвигавшегося от Ростова, с задержкой в Екатеринодаре - к Новороссийску...

Мне, в известной степени, было понятно отношение командования армии к группе членов Рады - Черноморцев, арестованных и высланных за границу. Да, они критиковали командование, некоторые из них сильно тянули к Украине, проявляли сильно демократические и федеративные настроения. Все это, с точки зрения единоделнического и реакционного командования, ничего, кроме вражды и злости, не вызывало.

А вот за что поплатился своей жизнью член Рады священник Кулабухов, мне до сих пор непонятно. Никакой самостоятельностью никогда не увлекался. Принадлежал к числу линейных Кубанцев, украинцам не родственник, и никаким уклоном к украинству не страдал. Был крепким казаком, чтившим казачьи обычаи и традиции, казачье народоправство. В "договоре", им подписанным и послужившим официальной причиной его казни, ни одного пункта, направленного против России, не было. И вообще-то этот "договор" был не больше, как клочок бумажки.

Другого объяснения, что он стал случайной жертвой в заранее задуманном плане командования - тряхнуть Радой - я не нахожу. Случай с его приездом в Екатеринодар как раз перед тем, как командованием была намечена операция, дал командованию лишнюю карту в руки, а для такого исполнителя плана, каким был Покровский, одна (да и больше) человеческая жизнь ничего не стоила.

Портрет А.И. Кулабухова, нарисованный впоследствии некоторыми кубанскими деятелями, как борца за Кубанскую самостоятельность, громившего и командование армии, и Атамана на заседаниях Законодательной Рады в октябре 19-го года, совершенно не отвечает истине. Кулабухов приехал из Парижа в начале ноября, к заседаниям Краевой Рады, на которых он и сделал доклад. Я этот доклад слышал и никаких "громов" по адресу командования и Атамана Филимонова в нем не услышал. Законодательная Рада в то время вообще не заседала.

Человек погиб, как жертва случайности, что ничуть не умаляет величины этой Кубанской жертвы.

Бывший член Кубанской Краевой Рады всех созывов

М. Кулик (1976 г., Lebanon, New York, USA)

фото из архива Ю. Синенко (Екатеринодар)

Кубанский Войсковой Атаман Н.М. Успенский

"Атаман А.И. Дутов"

В издательстве "Центрполиграф" в рамках серии "Россия забытая и неизвестная" вышла книга А.В. Ганина "Атаман А.И. Дутов" - фактически первое полное научное исследование жизни оренбургского войскового атамана.

Александр Ильич Дутов занимает особое место в ряду казачьих вождей Гражданской войны - он единственный из всех атаманов прошел всю войну в должности атамана с самого ее начала осенью 1917 г. и все это время не прекращал активно бороться с большевиками. Дутов первым по времени в России уже 26 октября 1917 года - на следующий день после захвата власти большевиками в Петрограде поднял знамя антибольшевизма борьбы в Оренбурге. Погиб атаман на своем посту, уже находясь в эмиграции в Китае.

Перед читателями открывается не только прежде не привлекавшая серьезного внимания ученых фигура одного из крупнейших лидеров антибольшевизма лагеря, но и практически неизвестный ранее фронт Гражданской войны.

Дутов был одним из наиболее государственно мыслящих казачьих атаманов. Для соратников ле-

гендарный атаман всегда был рыцарем без страха и упрека, мучеником за свободу.

В книге А. Ганина много ранее неизвестных фактов. Например, такой: решение о ликвидации Дутова было принято красными после того, как в результате шпионской игры с атаманом, готовившим новый поход на Советскую Россию, они начали поставлять Дутову оружие!..

Автор попытался изобразить личность атамана во всем многообразии ее противоречий, положительных и отрицательных черт.

Основа книги - документы 17 архивов России и зарубежья, опубликованные ранее документы и материалы. Представлен в ней и уникальный иллюстративный ряд - значительная часть фотографий и рисунков неизвестна не только широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей страны, но даже и специалистам в области истории Гражданской войны и казачества.

В Москве приобрести книгу по минимальной цене можно в магазине издательства "Центрполиграф" (ул. Октябрьская, 18), заказать по почте - на сайте www.centropoligraf.ru.

Голодомор = геноцид

Президент Украины В. Ющенко подписал закон, признающий Голодомор 1932-33 годов на Украине геноцидом украинского народа. Проект его обсуждался с самого момента провозглашения независимости государства, встречая упорное сопротивление коммунистов всех оттенков. И голосование в Верховной Раде было нелегким!

Депутаты отклонили два законопроекта о Голодоморе - президента и "Партии регионов". В результате компромисса изменилась классификация самого термина "Голодомор" - с "геноцида украинской нации" на "геноцид украинского народа" (т.е. - представитель всех наций, проживающих на территории Украины). Кроме того, из президентского проекта была исключена норма об административной ответственности за отрицание Голодомора - оно в итоге лишь "признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора".

За принятый закон отдали голоса президентский блок "Наша Украина", "Блок Юлии Тимошенко", Соцпартия Украины и два "регионала". Решающую роль в принятии закона сыграла его поддержка спикером Верховной Рады.

Против закона в его нынешнем виде выступала "Партия регионов" и коммунисты. "Регионалы" премьера В. Януковича в целом не возражали - и против признания самого факта искусственного голода, и против признания его преступлением. Внесенный ими вариант, однако, предлагал признать Голодомор преступлением против всех народов СССР, а не одной Украины. Их позиция в итоге повлияла по уточнению формулировок, на что мы уже указали.

В итоге "регионалы" решили не голосовать. Голосовать "против" - для них означало моральное поражение. Идя в Раду, они видели лица людей, собравшихся на Софиевской и Михайловской площадях в День скорби 25 ноября. Помянуть жертв голода там собрались представители совершенно разных общественных и политических сил.

Напомним, что само упоминание о массовом голоде, организованном Сталиным для подавления последнего сопротивления сельских хозяев на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье и Казахстане, все годы советской власти было под запретом. Между тем, только на Украине, по различным оценкам, от голода 1932-33 гг. погибли от четырех до десяти миллионов человек - или от 10 до 25 % населения. На территории нынешней России - свыше шести миллионов человек, в Казахстане - один миллион.

"Станица" постоянно возвращается к этой теме. В рубрике "Черные доски" мы не раз рассказывали о том, как

были обречены на вымирание казачьи станицы Кубани и Дона - после этого их заселяли переселенцами из других регионов страны, в том числе семьями красноармейцев и сотрудников НКВД. Печатали и воспоминания очевидцев.

Увы, в России нет даты, увековечившей бы память жертв "черных досок". Нет закона, признавшего бы голод 1932-33 гг. преступлением против народов страны. Даже проект его никто не пытался внести в Госдуму - из чего ясно, насколько недалеко ушла страна от советского прошлого.

Спасибо Украине - принятый Радой закон означает очень многое и для нас. Может, он поможет уже нашим политикам взглянуть правде в глаза и даст весомый аргумент в борьбе за открытие всей правды о страшных событиях.

Учитывая принятый на Украине закон, в этот раз предлагаем читателям рассказ, как это было именно на Украине - два фрагмента уникальных воспоминаний одного из очевидцев событий. Они напечатаны в 2006 году в Москве (издательство "Русский Путь") в серии "Наше недавнее" основанной А.И. Солженицыным "Всероссийской мемуарной библиотеки". Автор книги "Сквозь раскулачивание и Голодомор" Дмитрий Данилович Гойченко - непосредственный участник тех событий!

Первый отрывок - это предыстория чудовищного голода. Автор, в то время студент, направляется в помощь коммунистам и местному активу на изъятие хлеба у крестьян. Второй - воспоминания о поездке по голодающей Киевщине. Читая, однако, так и кажется, что речь о Кубани. Точно так все было и у нас, абсолютно все. Если даже не страшнее...

Д.Д. Гойченко, умерший в 1993 году в Сан-Франциско, так обозначил цель своих воспоминаний: "О непрестанном памятовании своих страшных грехов, за которые я заслужил тысячекратный вечный огонь, в сравнении с которым все земные страдания смеха достойны". Что-ж, пройдя пытки сталинских застенков, искренним раскаяньем, памятью, своей книгой он полностью искупил свои грехи.

Всем же, кому не нравится принятый на Украине закон, кому не знакомо слово *раскаяться* - давать бы каждый день читать эту книгу на ночь. Чтобы, наконец, поняли - "за что (известными словами одного из исследователей красного террора) мы их не любим"!

Г. К.

текст закона - смотри на сайте www.prezident.gov.ua/documents/5280.html

"Сквозь раскулачивание и Голодомор"

Стали приходить намеченные люди. Все они были очень бедны, обижены, озлоблены и готовы на любое дело... Сведения, данные ими, еле вмещались в тетрадке. Меня поражала существующая на все осведомленность. И откуда только не исходили эти сведения! Или же кто-то подглядывал, когда хлеб прятали, или же кто-то под строгим секретом сказал своим близким родственникам, которые в свою очередь под секретом разбалтывали дальше.

Больше всего выбалтывали тайну женщины. Кое-какие сведения взяты из разговоров детей...

<.....> Мы пришли в школу. Лиза (учительница-комсомолка - ред.) садилась завтракать ...

- У меня к вам важное, но совершенно тайное поручение, - сказал Головань (партийный работник, посланный в село для изъятия хлеба - ред.). - Вы должны будете в умелой беседе с учениками по возможности выявить, у кого, где и в каких количествах спрятан хлеб.

Я думал, Лиза не возьмется за это дело... Однако она оказалась весьма довольной.

- О, мне не привыкать, - говорила она, смеясь. - Я оказала очень хорошую услугу ГПУ в выявлении золота, так что уже имею некоторый опыт... После уроков вы получите от меня кипу донесений...

Я прошел в класс. Лиза... продолжала увлекательный рассказ о каком-то храбром пионере - этот храбрый пионер все на свете знал, даже знал, где мама с папой спрятали хлеб.

- О чем из вас, ребята, никто не знает! - закончила, подкупаясь смеясь, Лиза.

Я поразился, увидев, как десятка два детских ручек быстро взметнулись в гору. Некоторые, более нетерпеливые, да-

же встали, послышалось несколько детских голосов:

- Лиза Григорьевна! Лиза Григорьевна! - они настойчиво трясли своими ручками, требуя дать им слово.

- Э, нет, милые дети, - лукаво улыбаясь, сказала Лиза, - я не могу вам позволить этого говорить. Вам же наказано дома никому об этом не говорить. А вот если хотите, мы напишем классную работу: "Где мои папа и мама прячут хлеб".

- Напишем, напишем! - хором закричали доверчивые детки... Детские головки склонились над партами, а ручки, старательно выводя каждую букву, писали страшный донос, обрекая родителей и себя на самоубийство и выполняя это с таким старанием и с такой любовью...

<.....> Три года спустя. Еще не доезжая трех километров до Степановки, меня поразила какая-то пустота на месте бывших роскошных осокорей, пирамидальных тополей, верб и могучих лип. Все оказалось вырубленным, и даже речка стала пересыхать. Добрая половина хат пустовала и разрушалась. Крыш, дверей и окон давным-давно не было. Во всем селе не было видно ни одного забора. Люди были какие-то странно тихие, настороженные. Даже говорили тихо, как будто рядом был кто-то большой или начальство. Они странно поводили глазами, как бы опасаясь поворачивать голову. На мои расспросы они рассказали, что 70% населения Степановки умерли от голода. Что же касается хуторов, то там вымерли почти все поголовно. Из всего актива, когда-то выкачивавшего из степановцев хлеб, выжили лишь двое...

Выживали руководители колхозов, работники канцелярии, кладовщики, сторожа амбаров, а также большинство колхозников, работавших на фермах. Все эти люди, так или иначе, имели доступ к колхозным продуктам или фуражу. Нашлись специалисты - охотники на крыс, лягушек, ворон,

воробьев. Эти тоже в значительной части выжили...

Судьба Голованя, некогда громившего степановцев, была такова... В 1937 году он был назначен на должность секретаря обкома, и после того, как его руками было уничтоже-

но бесчисленное количество тех, кто был Сталиным запланирован к уничтожению, Головань был арестован как "враг народа" и расстрелян. Неизвестно, понял ли он хоть перед смертью свое роковое заблуждение...

* * *
Уже на окраинах Киева много голодных, лежавших на улицах и площадях, мертвых и еще живых. За городом вдоль дороги, по которой мы ехали, наблюдалась та же картина. Много идущих, но не меньше валяющихся на дороге и в канавах. Все до предела истощенные или опухшие. Вместо глаз лишь щелочки, лица, налитые водой, даже просвечивали. Руки и ноги также опухшие. Все эти люди были грязные и в большинстве оборванные. Часто встречались

Голодающие дети

трупы, лежавшие поперек дороги, и их все объезжали.

В селах, которыми мы проезжали, было то же самое. Здесь веяло жуткой пустотой и разрухой. Ни одного забора нигде не было, все они пошли на топливо, т.к. колхозники соломы на топливо не получали и она колоссальными скирдами гнила на поле. Дров также негде было достать, а самому идти собирать хотя бы сундук в лесу запрещалось под угрозой закона от седьмого-восьмого. Почти все сараи были разобраны на топливо или для колхозного строительства. Все большие столды, являвшиеся неизменной постройкой каждого крестьянского двора, уже давно были разобраны на строительство колхозных дворов. Местами почти сплошь раскрыты крыши хат. Солома с них также употреблялась или на топливо, или на корм корове, если у кого она была, так как для корма скоту колхозник не получал даже гнилой соломы...

Бесчисленное количество изб стояло без дверей и мрачно глядело своими черными отверстиями на месте вынутых окон. Это все были выморочные хозяйства, где не осталось ни души живой. Местами такой страшной пустыней была целая улица, вся подряд, в сотню дворов.

В каждом селе неизменно трупы и трупы на улицах, во дворах, в канавах... Уже было тепло, и сельский воздух вместо благоухания наступившей весны был насыщен тяжелым трупным запахом, т.к. местами трупы не убирались...

<.....> Изредка машина останавливалась среди полей, где производился сев. И лошади, и люди были движущимися мертвецами. Можно было лишь поражаться, как они работают. Там и сям на ниве лежали трупы павших лошадей и умерших колхозников...

На полях много работало коров. Бедные животные, кости которых еле удерживались кожей, чтобы не рассыпаться, высунув языки и выпучив глаза, с большим трудом тянули плуг или борону, понукаемые бичами. Большие площади социалистических полей были чрезвычайно запущены. Вся земля, выворачивавшаяся из-под плуга, была сплетена корнями пырея, которые потом с великим трудом выдирались посредством культиваторов и борон...

Мы нагнали толпу колхозников, человек двадцать, вооруженных лопатами и топорами. Одни несли на плечах в мешках, а другие просто перед собой в охалке конское мясо, которое издавало невыносимый смрад. Но этот смрад ощущали мы, а колхозники, с трудом передвигая ноги, торопились домой, в ожидании богатого ужина... В глазах их светилась надежда, а из ртов у некоторых текла слюна. Иные не в состоянии были терпеть и грызли разлагающееся мясо, не задумываясь над грозившим отравлением...

Девять дней назад во время дождя на поле пало в один день несколько лошадей, которые сразу были зарыты. Работавшие там колхозники ходили по ночам, откапывали мясо, несли домой и сами питались, а больше никому не говорили, где лошади зарыты. Теперь же удалось открыть тайну, и вот они хоть немного поедят. Без драки за падаль не обошлось, и двух, хотевших захватить себе большие куски, убили, оставив лежать вместе с костями дохлых лошадей.

<.....> Вдали мы увидели скирду, вокруг которой шевелилось много человеческих фигур. Это дети вместо котлов ловили мышей. Они шли на разные ловушки и хитрости: ставили силки, копали специальные ямки, ставили рыболовные крючки. Такая же охота повсюду велась на ворон и воробьев. Но и падаль, и мыши, и лягушки были для миллионов несчастных людей лакомством. Главной же пищей

были корни трав, древесная кора, почки деревьев. Где были речки и пруды - там добывались водоросли; все, все решительно шло в пищу, в том числе и сам человек.

<.....> Свято охранявшаяся в недалеком прошлом девическая целомудренность ныне потеряла свою ценность, по крайней мере, среди значительного числа населения. И вот молоденькие хорошие девушки и даже девочки становятся добычей распутных политотдельцев и за кусочек хлеба отдают свою девственность.

Да этим, собственно, занимаются не только политотдельцы, а и многие наши райончики, и председатели сельсоветов, и прочие сельские коммунисты. Они превращаются как бы в общественных быков и пользуются лучшими девушками направо и налево за тот же кусочек хлеба.

<.....> Я заходил во многие хаты, беседовал со встречаемыми колхозниками, колхозницами, детьми. Общее, что я наблюдал в этих людях, - чувство безнадежной и безысходной обреченности и пассивного отчаяния. В них чувствовалась как бы безучастность к самим себе и какая-то рабская корочность. Дух этих людей, казалось, был окончательно сломлен, и призрак неизбежного конца витал над ними. Одно-единственное животное чувство овладело ими, вытеснив в той или иной мере все прочие чувства человека, - это чувство голода. И недаром матери как бы безразлично взирали на трупы детей. Я слышал от нескольких матерей такие слова: "Слава Богу, что он прибрал несчастное дитя. Как оно, бедненькое, мучилось! Если б могла, то своим телом кормила бы его, если бы наделалась спасти"...

<.....> Проезжая окраину села и услышав пронзительный визг свиньи, мы обратили внимание на большие постройки колхозной свинофермы.

В огромном, довольно чистом и светлом помещении, ныряя в обильно наваленной соломенной подстилке (для людей соломы не было), нежались громадные упитанные свиньи белой английской породы... Дальше шли загородки с подсвинками. Пройдя сквозь помещение и выйдя в противоположную дверь, мы увидели группу людей, стоящих у костра. Двое красных и упитанных, как только что виденные нами свиньи, политотдельцев... ругали заведующего свинофермой...

На костре осмаливали десятипудового борова, только что убитого для политотдельцев. Приятный запах жареной свинины разносился вокруг, и сюда подходили и подползали со всех сторон голодные колхозники...

Вблизи стоял скелет женщины. Она держала на руках такой же скелетик шевелившегося ребенка. Лицо ее было желто, как воск. Кожа была как бы пергаментной. В потухших глазах зажигались искры при виде раздвигаемой свиной туши. Она глотала слюну и тиснетно пыталась закрывать рот, который растягивало судорогой. Ребенок, увидев мясо, протягивал тонкую щечку, и начинал требовать:

- Дай, мама, дай...

Он, напрягая свои до крайности ослабевшие силы, рвался в сторону мяса. У матери покатались крупные слезы.

- То не нам, то не нам, моя лялечка, - успокаивала она дитя и прижимала его к своей иссохшей груди.

- Это не нам, это чужим дядям, - отозвался стоящий, некогда могучий, как дуб, мужчина, а теперь также превращенный в скелет.

- Вот нам. Бери, детка, ешь.

Он протянул руку, в которой была чечевица, не успевшая перевариться в желудке убитой свиньи и вместе с калом выброшенная из вынутых внутренностей. Дитя протянуло ручку и, захватив горсть чечевицы, жадно ее запихивало в ротик. Но большая часть ее просыпалась... Стоявшие рядом колхозники, нагнувшись, собрали все до зернышка и съели...

<.....> Приехали в одно местечко. Зашли на почту. Здесь мы увидели пару больших посылок, аккуратно обшитых белым холстом. Почтовые служащие сказали, что райончики и политотдельцы очень часто шлют большие, иногда до пуда весом, продовольственные посылки родственникам в город...

“Не виновны!..”

к 60-летию Международного Военного Трибунала и Нюрнбергского процесса

В одной из радиопередач к юбилею Международного Трибунала, журналист Лев Израилевич Ройман сказал некто, напрямую касающееся споров о правомерности репрессий казаков за участие в вооруженной борьбе с СССР в 1941-45 годах:

“Нюрнбергский трибунал признал виновными все части, все ответвления СС, за одним редчайшим исключением - это кавалерийские части... Поскольку идея коллективной вины Нюрнбергскому трибуналу была чужда, он допустил возможность для национальных трибуналов в каждом отдельном случае освобождать от ответственности лиц, которые, хотя и были в эсэсовских организациях и частях, но не были там добровольно...”

Вот оно как! Казаки 15 Казачьего Кавалерийского Корпуса, в конце войны против своей воли приписанные к войскам СС (и факта оно причисления никогда не признававшие) - не были, значит, осуждены Международным Трибуналом!?

Напомним сначала вкратце, о чем не раз писали.

Летом 1943 года германское командование сформировало из уже имевшихся на восточном фронте и вновь формируемых казачьих частей 1-ю казачью дивизию под командованием полковника фон Паннвица. Она состояла на тот момент из 7 полков - 2 полка донских казаков, 2 кубанских, 1 терских, 1 сибирских и 1 смешанный резервный.

В декабре 1944 года дивизия была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус, в составе двух кавалерийских дивизий - примерно 25 тысяч бойцов. Позже он был формально введен в состав войск СС (приказ о создании 15 ККК “Ваффен-СС” был подписан 25.02.1945 г.).

Одной из причин передачи 15 ККК (как и целого ряда других “национальных” формирований Вермахта, а также структур военной разведки - Абвера) в подчинение СС стало неудачное покушение на Гитлера. К нему оказались, в частности, непосредственно причастны многие армейские офицеры - друзья и организаторы казачьих подразделений. В прошлом номере “Станицы” мы даже привели несколько фактов причастности собственно казачьих частей к антигитлеровским заговорам и тесных связей с заговорщиками лично генерал-лейтенанта Г. фон Паннвица.

Казаки и немецкие офицеры корпуса не только не ринулись переодеться в черные мундиры или делать себе табуировки под мышкой - напротив, они достаточно ясно выражали непризнание их передаче в ведение СС. Именно после этого практически все казачьи части стали демонстративно носить русскую казачью форму. Документы (личная книжка казака) так и остались у них по общевойсковому типу. Никто из личного состава корпуса не состоял в организации СС, включая самого “Батьку Панка”.

Можно отметить также, что в принятой структуре войск СС корпуса вообще не было! Там наличествовали: дивизия, полк, батальон, рота и т.д.

28 января Гитлер назначил генерала Власова Главнокомандующим всеми русскими вооруженными силами (духовник штаба армии КОНР протоиерей А.Киселев, кстати, был позже, до своей кончины, духовником Патриарха Алексия II). Штабу ВС КОНР подчинялось и Главное управление казачьих войск (созданное в феврале) во главе с генерал-лейтенантом Г.В.Татаркиным. ВС КОНР при этом рассматривались как самостоятельные, не входившие в оперативное подчинение германскому Генштабу.

24 марта произошел решающий поворот в отношениях КОНР с казачеством: в Вировитице Всеказачий съезд принял решение об объединении с ВС КОНР. Круг казаков 15 ККК единогласно поддержал это решение, избрав Гельмута фон Паннвица походным атаманом казачьих войск.

28 марта 1945 года генерал Власов подписал приказ об утверждении Совета казачьих войск, а 20 апреля - приказ о включении Казачьих Войск в состав ВС КОНР и утверждении фон Паннвица походным атаманом. Эти реше-

ния были утверждены и германским командованием, в том числе и лично Гиммлером (а, впрочем, кто их в конце войны особенно-то и спрашивал?..).

Итак, даже если согласиться с фактом причисления 15 ККК к войскам СС, легко увидеть, что фактически и юридически корпус состоял по этому ведомству около двух месяцев!

Всего в состав ВС КОНР вошли:

15-й Казачий кавалерийский корпус фон Паннвица (Хорватия) - это две кавалерийские и одна полусформированная пластунская дивизия, запасной полк и части усиления (всего до 40 тыс. человек);

Казачий резерв генерала Шкуро (Австрия) - до 2 тыс. человек;

“Казачий стан” походного атамана Доманова (Северная Италия), включавший в себя донские, кубанские и терские беженские станицы, а также корпус, в который входили две дивизии, конный полк, конвойный дивизион, части поддержки, офицерский резерв и юнкерское училище - более 31 тыс. человек (в том числе - 1 575 офицеров, 592 чиновника, 16 485 унтер-офицеров и рядовых, 6 304 нестроювых, считая и детей).

Около 70 % офицеров и чиновников “Казачьего стана” (1 430 человек) были т.н. “старыми эмигрантами” - то есть никогда не были гражданами СССР.

Всего же, по данным ГУКВ, на территории Германии и оккупированных ею государств Западной Европы находилось к концу войны до 110 тыс. казаков, в большинстве своем (не менее 75 тыс.) - бывшие советские граждане.

Еще ранее к КОНР присоединилась бригада генерал-майора А.В. Туркула, который начал формирование полков в Лиенце, Любляне и Филлахе.

Поддержали - сначала генерала Власова, а затем решение о создании ВС КОНР - Русский охранный корпус в Хорватии (в составе корпуса действовал 1-й Казачий полк генерала Зборовского полк - 1 075 офицеров и казаков), а также казаки атамана Семенова на Дальнем Востоке (по разным оценкам - до 60 тыс. чел.).

Но вернемся здесь к основной теме статьи. Допустим, что даже краткое, против их воли и юридически прекратившееся с момента образования ВС КОНР, пребывание казаков 15 ККК в составе “Ваффен-СС” никак нельзя игнорировать при обсуждении степени их “вины”. Но, если верить утверждению Л.Роймана, даже весьма суровый в отношении к нацистским преступникам Международный Военный Трибунал с заговорщиками 60 лет назад фактически освободил казаков 15 ККК от этой ответственности!?

Для окончательного прояснения вопроса обратимся к источникам по Нюрнбергскому процессу. Вот, пожалуй, наиболее близкий обвинителям казачества - сборник материалов “Нюрнбергский процесс” (в восьми томах!), издан в 1987 году официальным советским издательством “Юридическая литература”. Можно посмотреть и другое издание - “Материалы Нюрнбергского процесса и документы о военных преступлениях в период Второй мировой войны”, № 10 (298).

Борзописцам, черпающим вдохновение из цитат документов сталинских карательных органов конца 50 - начала 60-х годов, - просьба обратить особое внимание! Итак, в приговоре Международного Военного Трибунала Ю37 - СС как организация однозначно признается преступной. И тут же четко - исключения:

“Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС “Мертвая голова” и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС.

Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС.

Трибунал объявляет преступной, согласно определению Устава, группу, состоящую из тех лиц, которые

были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений".

Обращает внимание фрагмент решения Трибунала о непризнании виновности вовлеченных в СС фактически без права выбора. Безусловно, это исключение в полной мере относимо к казакам 15 ККК - их причислили к войскам СС вопреки их ясно и неоднократно высказанной воле.

Вполне можно отнести к казакам и освобождение от корпоративной вины всей организации СС и на основании неучастия в преступлениях. Речи обвинителей от СССР по делу преступных организаций печатаются подробно, там можно многое найти - но обвинение еще не есть приговор. Мало ли в чем советские официальные лица от юстиции обвиняли своих граждан - что, всему верить? И скольких пришлось оправдывать, реабилитировать посмертно?..

В официальном, вступившем в силу приговоре Международного Трибунала по 15 ККК как участнику преступлений нацистов - **нет ничего**.

Здесь, кстати, добавим вообще по СС. Создавалась эта организация как добровольная, но уже в 1940 году, после образования войск СС, в последние стала проводиться мобилизации - и число мобилизованных в войска СС к концу войны составляло около трети от общей их численности. В числе последних, между прочим, числился и 15-й Кавалерийский полк СС - в составе 8-й Кавалерийской дивизии СС "Флориан Гейер" (до июня 1942 года - бригада).

Это совсем другое формирование, отличное от 15 ККК!

В разделе "Обвиняемые организации", из статьи 10 Устава Международного Военного Трибунала явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций. Это следует помнить последышам палачей НКВД, в своей злобе все норовящих побольнее укушить тех, кого и без того травили и уничтожали все десятилетия советской власти.

Хватит брехать! Как не роиться в текстах советских трибуналов или троек Берии - есть **официальный Приговор Международного Трибунала**. И он четко, однозначно **не считает казаков преступниками** - более того, специально даже оговаривает исключение всех вообще кавалеристов из числа осуждаемых по ведомству "Ваффен-СС". Как будто специально для нынешних невежественных писак из числа сильно розовых псевдоказаков!

После приведенных документов Международного Трибунала 1946 года в издании документов Аналитического управления Совета Федерации есть ссылка на слова президента Путина: *"Говоря о сегодняшней ситуации, Президент отмечает, что сегодня пришло время окончательного примирения людей, воевавших по разные линии фронта, и для преодоления недоверия между народами"*.

Время пришло давно. Только вот подлинное, не на словах примирение всегда строится **на знании исторических фактов**, а не на их стыдливом замалчивании или бессмысленном тиражировании обкатанных советской пропагандой мифов. Только знание правды рождает правильные мысли!

А завравшимся "советским патриотам", вроде полумифического "Союза казачьих журналистов", все выискивающим *"предателей"* (те-де печатают материалы о Краснове и 15 ККК), приведем древнюю восточную поговорку: *"Не ищи волос на панцире черепахи и рогов на голове зайца"*.

А. Азаренков

Жизнь, горькая как полынь

Время летит стремительно, и вот уже меняется этнический состав Кубанского края, много появляется фамилий, несвойственных казачьему роду. Вот и задумываешься невольно - а кто же ты в родных местах? Неужели на нас так и прервется казачья история Кубани?

Я хочу рассказать о своем деде - **Загинайко Иване Сергеевиче**, 1896 года рождения. Это он рассказывал мне о наших предках около пятидесяти лет назад. Был он человеком очень трудолюбивым, воспитанным, физически очень крепким, глубоко верующим, не курил, не употреблял спиртное. На церковные праздники всегда был в церкви - ходил за 18 километров из хутора Албаши в станицу Новодеревянковскую, и в непогоду, в грязь, холод...

Моя фамилия, как и многие другие, появилась на Кубани с момента освоения ее казаками-черноморцами. Дед моего деда Загинайко Федор Степанович переселился на Кубань в середине XIX века, в период активного заселения всего Азово-Черноморского края.

Обосновались сначала в Ейском укрепрайоне. Семья была многодетная и, кроме работы на своем крошечном участке земли, работали у хозяина - ловили рыбу. Потом купили свои снасти. Рыбная ловля позволила семье накопить средства, на которые купили у Войскового правительств свободные земли в районе богатого рыбой и дичью лимана Кушеватый - это в трех километрах от хутора Албаши, где сейчас охотстанция. В то время вдоль лимана в сторону станицы Копанская по крутому берегу появились и другие земледельцы - Ишин, Мирошников, Загинайко, Чага, Серенко...

Сначала вырыли землянку, в которой и ютилась семья из одиннадцати человек. По-над берегом посадили деревья, асень для защиты от подмывания. Затем построили свой кирпичный завод и наладили производство кирпича. Из кирпича рядом с землянкой построили времянку (типа летней кухни) с подвалом. Земля была вся обработана и засеяна, обзавелись животными: лошади, скот, свиньи, овцы. Далее были построены из кирпича конюшня, сарай, зернохранилище, навес для сена и хранения техники. Купили со временем паровик, молотилку с элеватором, нефтяной двигатель, другие машины и инвентарь. И только после всего этого взялись строить себе кирпичный дом, крытый оцин-

кованным железом. Усадьбу огородили кирпичным забором с широкими воротами с востока и калиткой с севера. А запада и частично с юга выход был на лиман Кушеватый.

Время шло, дети разъехались, и из большой семьи Федора Степановича при нем остался только сын Сергей. Он был женат и имел десять детей. Все заботы по хозяйству лежали теперь на нем. Сре и его детей был и мой дед Иван Сергеевич.

В 1914 году старших сыновей Григория и Сергея взяли на фронт в кавалерию - оба погибли. Построили кирпичный дом в хуторе Албаши, а рядом магазин. Но семья наша сама не торговала, а сдала магазин в аренду. Дом наш во время раскулачивания конфисковали под молокоприемный пункт, а в 1960-х развалили. Магазин долго служил по назначению, но также был развален.

В 1929 году началась коллективизация, и наша семья, как и многие другие, подверглась жестокому разграблению и фактически уничтожению. Все, найденное тяжелым и честным трудом, было конфисковано. Усадьба и дом были разграблены, потом разобраны на стройматериалы, и семье пришлось полностью переехать в дом в хуторе Албаши. Вскоре Сергея Федоровича арестовали и отправили в лагерь для заключенных в Самарскую губернию, на лесоповал. Потом уехала в Самару, поближе к мужу, его жена и двое меньших детей - Кирилл и Евдокия. Там Сергей Федорович и умер в лагере...

В Албашах остались Варвара и Иван - мой дед. Они были семейные, рядом с разваленным подворьем поставили на берегу лимана саманные хаты, вместе с хатами других казаков - всего одиннадцать дворов.

Наступил 1933 год. По хатам стали ходить уполномоченные политотдела МТС, вооруженные наганями. Забиралось все: вещи, продукты до крошки. В хате был земляной пол, так его исковыряли - искали золото. Два раза в месяц собирали сходку - актив, и, если ты еще жив, то спрашивали: где хранишь продукты, раз живой?

От смерти спасал лиман, хотя уполномоченные собирали сетки. Несмотря на строжайший запрет, рыбу удавалось ловить ночами.

В 1936 году по указу об укрупнении поселков отдельные хутора - имения были разрушены. Так перестали су-

уществовать хутора Ишина, Мирошникова, Чаги, Серенко. Только на нашем бывшем поместье продолжал существовать хутор из одиннадцати дворов.

1937 год - очередная волна репрессий. Добрались уже до моего деда Ивана Сергеевича. Он был арестован и осужден на 20 лет: 15 лагерей и 5 лет поселения. Обвинили в связи с иностранной разведкой с целью свержения Советской власти. Отбывал недоказание в лагерях на Урале, на лесоповале. Условия содержания были дикие. Норму не дал - похлебки не получишь. Два, три раза не похлебал - отощал и крышка, потом за ноги вытянут в снег, камнями забрасают - и "порядок". Но дед выдержал, сказались крестьянская закалка и вера в Бога.

В 1945 году по амнистии в связи с победой над Германией дед был освобожден и приехал в хутор, на берег Кушеватого, где ждала его жена - моя бабушка. Хутор наш после войны стал называться имени Черняева - в честь председателя Новоминского райисполкома, погибшего в годы войны. Устроился дед работать на колхозную ферму скотником по уходу за рабочими волами. Два брата его воевали в Великую Отечественную войну. Семен - погиб, а Гавриил после войны осел в Днепропетровске.

Местная власть заметила, что в хуторе некоторые мужики, вернувшись с фронта, ловят рыбу, что пагубно сказывается на дисциплине. В колхозе они работали, но бесплатно, за трудодни. Ловили рыбу от безысходности - ведь, кроме бесплатного труда, на хуторяна были возложены поставки мяса, молока, яиц, шерсти, сухофруктов. Куриц и тех относили в счет мясоставок. Взамен - квитанцию, что мясоставку выполнил. Молока сдавали - 150 литров. Сады не каждый год плодоносили, а поставки были ежегодно, и люди просто сады вырубали, чтобы не иметь недоимки.

А тут еще Николая - сына Варвары Сергеевны, рыбинспекция поймала с двумя мешками тарани. Николая, а он был коммунист, вызвали в район на бюро для исключения из партии. Но секретарь райкома сказал, что из-за двух мешков тарани партия коммуниста терять не будет.

А тут снова вспомнили об укрупнении поселков. Стали хуторяна принуждать ломать хаты - вызывали до тех пор, пока человек, отчаявшись, не валил свою хату. Помню, была такая Огиенко Ефросинья. Муж погиб на фронте, осталась вдова и дочка-инвалид с искривлением позвоночника, работала на ферме возле телят. Хата саманная, четыре на восемь метров, под камышем, из двух комнатушек, земляной пол, печка. В хате хоть шаром покати, кругом голо. Они жили рядом, и я ходил играть к ее дочке. Мне было восемь лет и хорошо все помню. Как она не плакала, прося у Советской власти защиты, но тщетно. Попросила мужиков, чтобы те завалили ее хату, а сама, погрузив домашний скарб на подводку, поехала в хутор Албаши, где нашла угол для жилья у одной женщины, тоже вдовы.

Сломал хату и мой дед. Жил пока еще тут же, под навесом из камыша. Был конец лета. Он не знал, куда двигаться дальше. Что делать, когда нет ни кола, ни двора? Но и тут ему "помогла" Советская власть!

Я был очевидцем. Дело было к вечеру. Дед пришел с фермы. Смотрю, к нам едет полуторка. Я кричу:

- Бабушка! Смотри: машина!

Машины в хуторе были редкостью. Я-то обрадовался, а бабушка заплакала.

Из машины вылезли люди в красных фуражках:

- Загинайко Иван Сергеевич?.. Вы арестованы...

Надели наручники. Бабушка успела сунуть узелок с лепешками. Так и увезли - за что, куда, мы не знали. Потом бабушка взяла волов с арбой на ферме, погрузила на арбу домашний скарб и повезла его в Новодеревянковскую, к сестре, которая жила одна (муж погиб на фронте).

Так место хутора Загинайко опустело. Это был 1949 год. А скоро разломали и ферму - на ней некому стало работать...

Как потом рассказывал дед, его привезли в Краснодар и предъявили ту же статью - связь с иностранной разведкой. На допросах он все подписал сразу - знал по прошлому опыту, какие пытки применялись НКВД при допросах. Горячие иголки под ногти, пальцы закладывали под двери, избивали до потери сознания... - пытаются, пока

не подпишешь обвинение.

Суд определил деду пожизненное выселение. Попал он в Казахстан, в Джамбулскую область, Красногорский район, колхоз имени Ворошилова. Там таких осужденных было много. Он жил при ферме, работал по уходу за скотом, а потом плотником.

В горах Южного Казахстана шла разведка и разработка руд цветных металлов. Здесь было лучше, чем на Урале, жили в хатах. Дед при хате развел очень хороший огород. В горах было много урюка, диких яблок, груш, ягод. Потом дед завел корову - сена хватало. Доступно было приобрести теплую одежду. Работал и жил под контролем милиции - постоянно отмечался в райцентре в НКВД.

Дедушка писал бабушке письма. Иногда я под ее диктовку писал дедушке ответы - я ходил уже во второй класс. Он просил ее приехать к нему. И в 1951 году летом бабушка решила. Мы ее проводили: мой отец (ее сын), сестры родные приехали из хутора Раздольного. Устроили вечер проводов. Отвезли ее в Новоминскую на станцию Албаши.

Бабушка у него там и осталась. Она тоже начала работать на ферме, кухаркой. Особенно много было работы летом, когда шла заготовка сена на зиму. Работали сутками. Дедушка и бабушка вели подсобное хозяйство, а излишки продукции продавали рабочим, которые работали в геологоразведке. Появились деньги - в колхозе же они работали за трудодни.

Так она прожила до 1954 года, когда деду вручили бессрочный паспорт - и в ноябре они вернулись на Кубань. По пути заехали в Самару - к брату Кириллу и сестре Евдокии (она еще жива, ей за девяносто лет). Заехали и в Днепропетровск к брату Гавриилу.

Помню, привез дед с собой плотницкий инструмент и кошму из овечьей шерсти, которая на первых порах служила им постелью. Привезли пять тонн зерна - заработок. Там сдали на элеватор, а здесь, в станице

Новоминской, по документам получили. Это и все богатство. Поселиться в Албахах дед побоялся, перезимовали они у нас, а весной переехали в хутор Раздольный, где жили сестры бабушки, подыскали для покупки хату. Работал дед на колхозном кирпичном заводе...

В 1958 году (я ходил уже в 9-й класс) пришло деду письмо из Франции, из Парижа - от Шербы Николая.

- Это мой друг детства, - рассказал дедушка. - Когда жили в хуторе Албаши, были молодые парубки. Сейчас в доме отца Шербы детсад. Когда началась смута, наших отцов забрали. Николай был немного старше меня, и он сказал: "Иван, давай бежать во Францию". Это ему отец приказал перед тем, как его забрали. У него в сумочке было немного золотых монет. "Иначе тут все мы погибнем". Вот мы с ним и взяли курс на Новороссийск. С большим трудом добрались до порта. Пароходы во Францию ходили плохо. Несколько дней ждали. Народу уехать много, кругом давка. Денег у меня не было, но Николай давал свои. Ехать в чужую страну я побоялся, а Николай выполнил волю отца. Мы были молодые, сильные ребята - пробилась на посадку, я втолкнул его на паром, и мы расстались навсегда...

Шерба писал, что по приезду пришлось работать на разных работах. Скопил деньги, купил в Париже квартиру, женился. Теперь дети взрослые, все в жизни есть. Но хотелось посмотреть на родину, кто из родственников остался? В станице жили тогда две его двоюродные сестры, и в Ростове на Дону родственники. Но не стал дедушка отвечать - побоялся, что третий раз арестуют, и письмо уничтожат...

В 1960 году дедушки не стало. Как он и завещал, похоронили его в Новодеревянковской. Панихиду отслужил священник. Цветов на могилу он просил не сажать, пусть растет трава. Мы посадили польнь - горькую, как у него была жизнь...

Теперь и мне седьмой десяток. Часто езжу на рыбалку в лиман Кушеватый, в места детства. Вот этот причал, а здесь была балка и колодец с хорошей водой. Во время ливневых дождей его заносило илом, и тогда все хуторяне принимались за его расчистку... Смотришь на гладь лимана и вспоминаешь. Теперь лиман порос камышом, а тогда это были маленькие кустики, под которыми мы ловили на удочку рыбу, держась за камыш, чтоб лодку не гнал ветер.

Иван Сергеевич и Прасковья Михайловна Загинайко. Казахстан, 1953 год.

Дальше ничего нет. По-над берегом разрослась акациевая лесопосадка. Когда-то против каждой хаты была дорожка для лодки. Но все заросло и камыш, как сплошная стена. На месте хат теперь колхозное поле, усеянное щебнем от кирпича. Было невыносимо смотреть, как навсегда без следа исчезли даже признаки того, что было моей жизнью. Теперь колхоз, ныне акционерное общество "Дружба", получает здесь, на месте хутора Загинайко, высокие урожаи зерна в 55-60 центнеров с гектара и других культур...

Как-то в 2001 году я приехал на охотстанцию. На пирсе - микроавтобус стоит. Егерь говорит, что они уже вторые сутки стоят и ничего не делают. Номера - ростовские. Подошел. Семья - люди разных возрастов. Я завел разговор, нравится ли рыбалка? Старший сказал, что не за этим они приехали. И начал рассказывать...

Они тут жили до 1949 года. Тогда тут был хутор с десятком хат (я уже догадался, с кем говорю, но молча слушал, чтобы понять, как он воспринимает случившееся)... Как потом заставили этот хутор разломать. Как потом его бездомные родители с тремя детьми переплыли на лодке через лиман

и поселились в хуторе Броды, потом перебрались на Ясенскую Переправу. Он сказал, что приехал поклониться родной земле, привез сына с невесткой и двоих внуков...

После его рассказа мы "познакомились", признали друг друга. Далее разговор вышел очень длинным, и он задержался еще на одну ночь. Это был Василенко Юрий Сергеевич. Мы расстались детишками более пятидесяти лет назад. Если бы не наша малая родина, друг друга не узнали бы!.. Раз в год 23 августа я приезжаю сюда, на пирс, отдать долг памяти, посидеть, вспомнить. Полюбоваться лиманом. В это время куширь дает семена, и дичь практически застилает лиман: выходя из камышей питаться...

В этот день Б.Н. Ельцин издал Указ о приостановлении деятельности КПСС. Партия, которая издевается над собственным народом и уничтожает его - права на существование не имеет, так я думаю.

Пусть вечно хранит Господь Бог души рабов Своих, принявших тяжелые муки от рук своего государства. А мы должны память о них передать детям и внукам.

Ю. Дзюба

Крест

Давно это было... Оглядываясь сейчас назад, в свои мальчишество и юность, встречаю множество знамений присутствия Бога, с детских лет звавшего меня к Себе и оберегавшего от никчемной суеты окружающего мира.

Нам с братом было тогда по 12-14 лет. Мы гостили летом у нашего деда, а вернее - прадеда. Это был наш любимый дед - дед нашего отца, вырастивший его в военное время, поскольку его отец пропал без вести под Сталинградом. Мы ездили к нему на хутор каждый месяц "проведать", иногда оставались ночевать, и это были самые желанные для нас дни. Зимой, конечно, поездки были реже - хутор в стороне от трассы и часто был гололед. Но, когда наступала весна и подсыхало, мы с родителями туда постоянно.

Дед был мягкий и добрый по складу характера усть-медведицкий казак, прошедший все войны, начиная с 1-й германской. Он знал бесчетное количество песен и всегда их пел, когда у него "собирались робяты". Мы вместе с родителями усаживались за стол под единственную, прикрытую пожелтевшей газетой, электрическую лампочку, криво свисавшую с потолка, и с загаенным дыханием готовились слушать затрапезную беседу.

Историй дед знал множество, в том числе и из литературы. Мне всегда было невдомек - почему он знает наизусть поэму "Иван Сусанин", когда по школьным учебникам старшее поколение должно быть необразованным и забытым? Мы - школьники XX-го века, открыв рты, слушали и не понимали - как это можно все выучить добровольно?!

Но обычно его истории начинались со слов: "Сидим мы с кумом у окна, когда еще до коллективизации жили на хуторе, попиваем самогоночку по случаю..." И дальше повествование об этом случае или оказии, что приключилась после.

Добрые то были времена! Было в них еще что-то от той старой России, от непобедимого казачества, причастность к которому мы с братом ощущали всегда именно в эти теплые вечера. Своему деду я обязан своей любовью к истории. Мне страстно хотелось свозить его в то самое место, где он жил до войны, найти тот дом, из окна которого они с кумом смотрели на гуляющую молодежь...

Этот хутор, покинутый обитателями после коллективизации, находился в 20-ти верстах от нашего дома, как раз посередине пути к деду. Мы проезжали это место, когда отец ехал напрямик, "через поля" - и тогда мы с братом ломали себе шею, высматривая вдалеке от дороги лоцину, в которой зеленели богатейшие позаброшенные сады.

После окончания 6-го класса я добился, чтобы мне разрешили туда ездить в походы на велосипеде - если поедет и мой друг, "поспокойнее и посерьезнее, да и постарше". Мы с ним выезжали до рассвета, набрав с собою в игрушечные пластмассовые фляжки по 200 граммов воды (чтобы обязательно пострадать от жажды).

Добравшись через несколько часов до заветного хутора, мы прятали велосипеды в заброшенных садах и начинали лазать по развалинам домов. Здесь нас ждали необыкновенные находки: старинные керосиновые лампы, утюги, разогреваемые углем, вилки, ложки, разбитые тарелки. Отобедав у костра, мы возвращались домой, набирая по пути сладких груш или еще не созревшего терна. Оно не-

"Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее".
(Матф. 13:45-46)

возвратно ушло, это счастливое время...

Но наступило лето, когда мы с братом уже не находили большого интереса в простом ожидании вечеров, в которые дед ставил на стол настойку зверобоя, досадовал на отца, что он "за рулем", и затягивал очередную песню. Нам уже хотелось чего-то особенного, например - полазить в сарае.

Сараи у деда были необыкновенные. Точнее, это были обыкновенные казачьи сараи со стенами из плетня и крышей из камыша. Но для нас это было самое настоящее чудо, пришедшее из прошлого. Здесь на чердачных перекидинах были сложены косы, деревянные грабли, мотыги с самодельными, вырубленными из осины или клена ручками. В столярной мастерской среди пахучих опилок стоял аккуратно привязанный к стене велосипед, на котором дед ездил на лесное озеро ставить самоловки или веретень.

А еще на базу, рядом с сараем, были удивительные корыта для кур, выдолбленные из ствола дерева - такие встретишь только на картинках учебников. Тут же на огороде стояло корыто из ствола обхватом в две руки, в котором собиралась иногда вода, и за которым было удобнее всего прятаться и устраивать засады. А рядом с домом, на пригорке был чудный погреб, выложенный внутри природным слоенным камнем. В нем всегда в углу лежал большой кусок льда, бережно завернутый в солому и не таявший даже летом. Рядом с ним стоял настоящий глиняный кувшин с кислым молоком, из которого в летнюю жару делали "арьян".

Все это нами было давно изучено - особенно после того, как несколько лет назад, разбирая с родителями один обветшавший сарай, я нашел настоящий карабин. Он был замазан глиной в плетеной стене. Когда начали ее отколушивать, то я увидел таинственно глядевший на меня оружейный приклад. "Смотрите!" - воскликнул я и ухватился за находку. Взрослые предостерегающе намхурили брови, но я уже держал в руках настоящий карабин. Правда, он был без затвора и деревянного цефья, но это была великая находка (которой мы, правда, так и не смогли найти применения).

После этой находки мы с братом на все смотрели с романтической подозрительностью. Особенно привлекал соседний дом, разваливавшийся с каждым годом и неизученный нами потому, что не было на то еще разрешения. Его ставни были аккуратно заколочены, забор еще кое-как держался, и дед с бабкой говорили, что еще могут вернуться хозяева. Мы в это не верили, но благоговейное отношение к чужому дому долго удерживало нас...

В тот летний день под вечер мы вышли, чтобы полазить именно в этом доме. Забора у него уже не было и, насколько я помню, крыши тоже. Мы осторожно стали пробираться сквозь заросли репейника и лебеды ко крыльцу, чуть не провалившись в просевший погреб.

Дверь в дом была сорвана с петель - видно, местные ребятишки здесь уже побывали. Стекло не было тоже, а ставни готовы были вот-вот упасть на завалинку. Полы также стали проваливаться, обнажая нехитрую конструкцию казачьего куреня. Посмотрев на все это полуразрушенное жилище, мы взяли по палке и начали почти так же, как и три

года назад в сарае, отбивать штукатурку. Она здесь была цела, и нарабататься мы могли вволю. Но что-то у нас дело шло вяло. Постучав кое-где по однообразным неровным стенам, ковырнув от скуки в углах, мы заметили, что солнце уже село за горизонт. У деда все должно быть готово к ужину, и наше настроение постепенно склонилось в сторону завершения похода. На прощанье мы решили всколупнуть еще одну стену.

И вот, когда кто-то из нас постучал по ней, от нее отвалился кусок штукатурки на уровне человеческого роста. А под нею - похожий на священнический крест. Он был немного поведен и потемнел от времени, но цел. И, самое главное, старинный. Настоящий!

Мы в то время были настоящими советскими школьниками - атеистами. С детства смеялись над прабабкой, заставлявшей нас вместе с собой молиться, и нарочно громко бились лбом об пол, по известной поговорке. Но, когда у деда в доме увидели в углу иконы, то испытали к ним какое-то теплое, почтенное отношение.

Крест стал для нас ценной находкой. Не потому даже, что мы с братом кое-как занимались коллекционированием марок и монет, а потому, что это было что-то объемное по своей внутренней сущности, имевшее невидимую полноту, которой давно уже ни у кого не встречалось. Мы принесли крест в дом и показали деду. "Это дело доброе", - ска-

зал дед. А бабушка призадумалась: "Это кто-й же-то там у них был верующим? Либо отец?.."

Но нам было не до этого. Мы внимательно рассматривали вылитые фигуры и, особенно, надпись на обороте. Это была какая-то молитва, выбитая по церковно-славянски, и прочитать слова нам удавалось только отчасти. "Крѣхрнителъ всея вельнейей крѣхрота црковная..." - читали мы - и так и увезли его домой...

Крест долго хранился в родительском доме в коробке для серебряных монет. Как-то я узнал рецепт по очистке меди в помидорном рассоле - и он тут же был избавлен от черноты времен. Его хранителем навсегда стал мой младший брат, к тому времени насобиравший несколько царских полтинников и рублей. Я же не придавал в то время большого значения этой величайшей находке. Как и многому иному в своей жизни не придавал нужного значения, навивно полагая, что все возможно будет вернуть.

Лишь теперь, спустя столько лет, служа в Церкви в священном сане, связав множество отрывков своей биографии в единое целое, я твердо могу сказать, что этим крестом могла быть написана удивительная картина моей судьбы, автором которой был бы Сам Бог. Если бы только этот крест я хранил так, как хранят единственную жемчужину, найденную однажды на глубине...

диакон Андрей Попов

Пережившая хутор и время

Трагична, печальна до слез участь многих хуторов Верхнедонья: Грязновского, Захаровского, Голицынского, Антоновского, Кочетовского... Полсотни лет колхозного правления, да десятка перестройки с лихвой хватило, чтобы стереть с лица земли вековые устои. Похоронить казачьи курены с их подворьями, некогда пол-

ными скота и птицы. Пустить под топор "заблудные" (без начала и конца) сады и левяды. Так перепахать тучные луга, что теперь и на УАЗике без "передка" не проскочить. Заболотили речку Еланку, на которой от Любишкиных хуторов до Севостьяновского некогда десятка два мельниц стояло. Родники повсеместно били. В одном Захаровском шесть прудов было - к ним на водопой скотинку гоняли, в них ребятишки "головка" задавали, пескарей удили...

Здесь семьи строили, детей рожали. Отсюда уходили служить Царю и Отечеству. Сюда, гремя Георгиями, возвращались. И - ничего! Лишь поникли плечами почерневшие кресты на погостах: вот деда Терехи - он у севостьяновцев-староверов за пастыря слыл. Детей крестил, в его хате службов справляли, от хвори лечил и людей, и животину. Земле усопших предавал. У него в вишневом саду и хоронили казачков. И бабки Матрены часовенка еще жива. Стоит посреди степи, всем ветрам открытая. В лихую годину раскулачивания, положась на милость Божью и шолоховскую помощь (за ночь до Вешек, 35 километров, пешком дошла...), "выхлопоталя" из терновских конюшен, прежде принадлежавших купцу Парамонову и превращенных коммунистами в тюрьму, себе мужа и отца детям.

Жирует на бывших базах крапива. Фундаменты бывлых хат сиротливо жмутся к зарослям одичавшей сирени, прячутся в тени одиноко стоящей старушки - грушени, с почерневшим, огрубевшим без людской ласки стволом. Так и Сашуня, как пережившая хутора и время грушени, доживает свой Богом отпущенный век - больна, бедна и одинока.

Все, что осталось от хутора Грязновского - несколько полуразвалившихся хат, да столько же стариков и старух, младшей из которых - за 80. Медпункта, магазина, радио, телевидения, почтовой связи - здесь давным-давно нет и в помине. Нет и дороги - так, стезжка сквозь сосновый лес. Затерянный в глубинке, удаленный от райцентра на 35 километров, хутор брошен вместе со стариками. Есть среди них и ветеран войны, дошедший до Берлина, кавалер многих орденов и медалей - и уж десять лет как абсолютно слепой.

В половине бывшего совхозного дома живет Александра Александровна Шаламова, по хуторскому - Сашуня. Родилась в 1908 году в х. Севостьяновском, замуж выдана была в близлежащий Захаровский. Теперь вот третий хутор переживает, что от разрухи и бесхозяйственности погибли. - Лежу ночью без сна, все вспоминаю, где чей дом стоял...

Вон у того ложка курень Толстовых стоял. Дюже справно жили. Да я и Степку Толстого, как сейчас, помню. Он у Фомина в банде за главного состоял. Грамотный был. Своих хуторян не трогал. Теперь до второго колена поумирали все...

Сашуня перечисляет детей, сестер и братьев соратника Якова Фомина, говорит о ложках и лужках, окружавших подворье человека, имевшего смелость восстать против красных.

- Нынче все камышом поросло, да и кости Степановы неведомо где земле преданы. Эх, жизнь наша... Вот за той ольхой, что над яром, Зеленьковы жили. На взгорке - Щетниковы...

По словам земляков, Сашуня всегда была украшением хутора. Красавица. Песенница. С ведром к колодцу побежит, а соседи в окна выглядывают. Наглядеться не могут. И сегодня все также правильны черты лица ее, образна речь, свежи воспоминания.

- Нас у матери 12 в живых оставалось. Старший брат в белых воевал, пулеметчиком. Как красные подошли к Севостьяновскому, к Черному морю подался. Сказал лишь на прощанье жене и малолетнему сыну: "Тут мне - ветка, а там - петля". Сказывал потом казак с хутора Тиковного, что до моря они верхами добрались, а вот погрузился он на пароход или нет - неведомо. Сгинул, поди, а то бы отозвался. Сродники все от голоду поумирали в раскулачку. Перевели казачий род - сухонькое тельце Сашуни, облаченное в рубище, лишь отдаленно напоминающее одежду, затряслось в рыданиях. - Брат-то как ушел к морю, нас так красные и подожгли. Одежда, что на коже, та и осталась...

Василий, сын Сашуни, сам давно пенсионер, с покалеченными руками, вынес из кладовки большой поясной портрет красавца-казака: чуб кудрявый, фуражка набекрень...

- Возьмите на память. Нам уж не для кого хранить...

Александра Александровна бережет под подушкой несколько медалей - за труд во время Великой Отечественной войны и прочих ("мушинских", по ее словам) наград с удостоверениями: "60 лет Вооруженным Силам СССР", "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."...

- Перепутали, наверное, когда вручали, - Сашуня застенчалась, - я же на фронте не была. Только когда штаб в нашей хате стоял, за Дон разведывать ходила. Дороги через лес показывала. Аэродром помогала строить...

В хуторской глуши, прикованная к постели в убогой комнатенке, с заколоченными досками окнами, лишенная медицинского и бытового обслуживания, заживо догнивает старая казачка, пережившая на своем веку столько, что иному и в кошмарном сне не приснится, видевшая смерть трех хуторов. Ни словом не жалуется, что жизнь оказалась к ней так несправедливо жестока.

Степан Гуров, сам севостьяновский рожак, принес из УАЗика буханку хлеба. Тихонечко положил на стол.

- Прости нас, Сашуня...

- Господь вас храни, - услышали в ответ.

А. Ж.

“Снисходя друг ко другу с любовью...”

Где бы казакам не приходилось подолгу задерживаться на одном месте, они обязательно возводили храм или часовню - не говоря уж о родных станицах и хуторах, которые без церкви и представить было прежде невозможно!

Православие было неотъемлемой частью жизни и новоминских казаков. Как свидетельствовали старожилы, большинство из них были людьми не только отчаянно-смелыми, но и глубоко религиозными, твердыми в вере.

Как раз 100 лет назад - в 1906 году - в станице Новоминской Ейского отдела ККВ начали собирать деньги на строительство новой церкви. Старая (находившаяся на месте нынешней участковой больницы) уже не вмещала верующих в праздничные дни. Новый храм решили возвести на бывшем плацу против здания правления атамана Новоминского куреня (где теперь сквер им. Ю. Гагарина).

Станица была житницей, почти все жители являлись прихожанами местной церкви. Так что средства собрали быстро - и уже осенью того же года в храме прошло первое богослужение. Немолодой уже местный священник призвал на станичников Божье благословение, поучал *“поступать достойно своего звания, быть смиренномудрым, кротким и долготерпеливым, снисходя друг ко другу любовью, сохранять единство духа в союзе мира”* (Ев. 4,1-3).

Торжественно освящение храма пришлось на один из главных казачьих праздников - Покрова Пресвятой Богородицы, и стал он называться Свято-Покровским.

После 1917 года обе новоминские церкви работали с перерывами. В 1935 году, когда усилились гонения за веру, оба храма были разрушены. По словам новоминского старожилы В.С.Гордиенко - *“...именно в том году наша станица, входящая в состав Староминского района, получила статус районного центра и стала создавать собственные административные структуры из числа местных жителей. В разгар этих событий, под благовидным предлогом борьбы с религиозным дурманом, бывшее районное начальство, большинство которых было из станицы Староминской, и дало команду разрушить новоминские церкви. Их разобрали до последнего кирпича, до последней доски. Небольшая часть стройматериалов была использована для строительства фермы № 3 колхоза “Червоный Коммунар” и ремонта станичных школ, а львиную долю кирпича, бруса, досок и кровельного железа забрали для строительства новых животноводческих корпусов на фермах соседнего района”*.

Очевидец разрушения Свято-Покровского храма, ныне здравствующий казак Козьма Григорьевич Неженец (кавалер трех боевых орденов в Великую Отечественную войну), тогда ученик 4-го класса школы, находящейся напротив церкви, запомнил ужасы на лицах станичников, которые присутствовали при разрушении: *“...Близко к церкви людей было мало. Часть отогнали милиционеры, стоявшие вокруг церковной изгороди, другие были не в состоянии смотреть на такое кощунство. Колокола стягива-*

Свято-Покровский храм ст. Новоминская, 1917 год

отведено главное здание нынешней неполной школы № 36, здесь службы совершались и при немцах. А после войны Свято-Покровская церковь переместилась в частный дом одного из станичников, который отдал его под молитвенный храм безвозмездно. Здесь она и находится до сего дня. Как большевики не пытались оторвать людей от веры, до конца им это не удалось. Сегодня именно Православие для большинства станичников остается едва ли не единственной общенародной объединяющей идеей.

Казачи Новоминского казачьего общества во главе с атаманом А.Поливодой начали сбор документов с целью возведения Свято-Покровского храма на его прежнем месте. Там, где по преданию крестили Гурия - племянника последнего русского Императора Николая II (второго сына Великой Княгини Ольги Александровны и ее мужа полковника Н.А.Куликовского, живших в нашей станице 1918-19 годах).

К сказанному остается добавить, что через два года после разрушения храма здесь построили ларек по продаже росина - но он вскоре сгорел без причины среди бела дня. Такой же магазинчик чуть подалее неожиданно провалился в какую-то яму, которую быстро засыпали, и никто даже не вел следствие. Затем на этой земле сгорело отделение связи, запылала в 1942 году тщательно охраняемая немецко-румынская комендатура, после войны разрушилась танцевальная площадка, крупно ограблен был построенный здесь магазин, а затем обанкротился хозяин

расположенного недалеко кафе... Ничто на этой церковной земле не может найти опору! Последнее, что предприняли местные власти, было решение построить неподалеку от фундамента бывшей церкви административное здание Новоминского сельского Совета. Быстро выкопали большой котлован для строительства здания, но дальше работа не пошла. Работы остановились, деньги куда-то ушли, котлован засыпали - и вроде забыли совсем про это место.

Хочется верить, что лишь для храма бережет Всевышний этот некогда дорогой станичникам участок земли, где крестились, венчались их деды и прадеды, где провожали их на ратную службу и в последний путь. И как хотелось бы решить вопрос о воссоздании Покровской церкви к 100-летию со дня первой службы в старом храме!..

Н. Султанов

Церковный хор Свято-Покровского храма, 1915 г.

На освящении храма, 1946 год

Праведный Стефан Щербиновский

Сто лет назад, в 1906 году, в церковь Покрова Пресвятой Богородицы станицы Старощербиновской Ейского отдела был направлен священник Стефан Янков. Уже в наше время он был явлен миру, как подвижник веры и благочестия. Никто не сомневается, что причисление о. Стефана к лику святых Русской Православной Церкви состоится в недалеком будущем.

В станичном парке, как островок спасения, блещет золотым крестом часовенка, где покоятся мощи отца Стефана. Люди идут сюда - кто с бедой, кто с болезнями, или просто мимоходом, из любопытства. Двери открыты для всех с утра до вечера. Здесь во Славу Божию служат сестры, которые украшают могилку, убирают часовню, помогают людям советом и добрым словом. Слышат они очень много историй. Как правило, вначале это горестное сообщение, потом - радостное, от полученной от Господа помощи по молитвам батюшки Стефана.

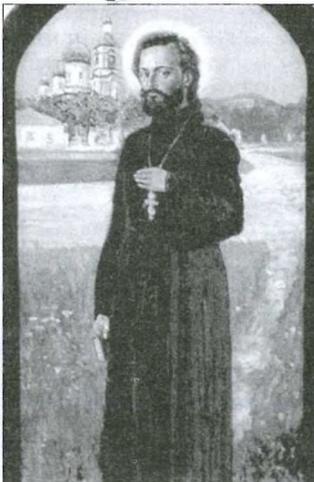
А началось это еще в 1977 году, когда Старощербиновская, как и вся страна, готовилась "достойно" встретить 60-ю годовщину "Великого Октября". Власти решили сделать народу подарок. В парке культуры и отдыха, где почему-то все плохо росло, весной решено было посадить сосны, которые более жизнеспособны. Как обычно, такие работы проводились общими усилиями: одни делали разметку, другие бурили ямки, третьи сажали деревца. В народе сохранилось воспоминание, что первый трактор, подошедший к месту, где теперь стоит часовня, заглох. На следующий день работы продолжились. Вдруг бур застучал о камень и ушел в пустоту. Мотор заглох. Помня, что до 1936 года здесь стояла красивая церковь Покрова Пресвятой Богородицы с кладбищем, люди кинулись к яме. Да, это была могила. В склепе, серебристо поблескивая, стоял гроб.

Мелкая щебенка, в которую был превращен крепкий дореволюционный кирпич, говорила о том, что проникновение в гробницу далось нелегко. Смелчаки прыгнули в яму и обомлели: весенний солнечный луч, отразившись от белых стен, играл на блестящих украшениях металлического гроба. Кресты, цветы, листочки - все это вроде бы только что вышло из-под рук мастера. Гроб стоял на кирпичках, цвет которых сливался с землей, от этого казалось, что он как будто слегка парил в воздухе, поддерживаемый крыльями ангелов, в виде которых были сделаны ножки. В крышке гроба было окошко. Прогерли стекло от пыли: под ним четко виднелось бледное лицо человека, как бы спящего!

Удар камнем - и толстое стекло не выдержало. Вскоре крышка была безжалостно сорвана, измята, хотя специальные зажимы до сих пор прекрасно сохранились. Толпа ахнула: в гробу лежал священник. Машиновое атласное облачение отсвечивало на бледном лице, и оно казалось даже розоватым. Высокий лоб, слегка волнистые с проседью темно-русые волосы до плеч, дугообразные брови, нос горбинкой, небольшой рот - "у него была нежная, почти женственная внешность" - говорили одни. "Какое умное, благородное лицо!" - вспоминали другие. На вид ему было не более сорока лет.

С опаской, что все рассыплется в прах, тронули руками тело было сухим и твердым. Вся одежда была красивая и целая. Приглашенный для обследования врач-хирург А.И. Красавцев - подтвердил необычное состояние покойного. Тело сохранилось почти полностью. Было оно, как тугая резина. Его можно было сгибать и разгибать. Кожа, суставы, связочный аппарат - все было целостное. Когда врач наклонился к нему близко, то запаха могилы, сырости, тлена не было. Напротив, тело источало благоухание.

Уже потом кожа, которая была желтоватой, стала покрываться серыми пятнами, потемнела и стала похожей

отец Стефан Янков
(картина художника
В. Мудрака)

на мощи святых, которые мы видели в киевских пещерах.

О находке сообщили в районную санэпидстанцию и управление по делам религии при крайисполкоме. Местное духовенство в известность поставлено не было. Пока "наверху" решали, что делать, захоронение разграбили. Наверх из гроба были переданы Святое Евангелие 1905 года издания, с прекрасно сохранившимся текстом, и напрестольный крест с позолотой. Позже вспоминали, что видели среди прочего наперсный крест с крупной цепью, но он бесследно исчез в толпе.

Врач, который обыскивал гроб и тело, снял нательный золотой крестик с эмалью и золотой медальон с изображением Божьей Матери. Они были вместе на суровой нитке, завязанной на один узел, и легко снялись. В поисках более значительных ценностей была вспорота подушка, перетряхнуты деревянные стружки. Ткань облачения, пролежавшая, как позже выяснилось, 80 лет в земле, была на удивление крепкой. Но и ее разорвали на куски, которые растащили, как сувениры. Был еще какой-то платок - видимо, воздух, которым при погребении накрывали лицо. Нашли какую-то бумагу, на которой было написано имя "Стефан". Бумага пропала (якобы ее унес милиционер).

Толпа испытывала легкое разочарование, ибо никаких особых ценностей не нашли. Следователю милиции на всякий случай сфотографировал покойника. Создается ощущение одичания людей, которых феномен негления не удивил и не заинтересовал - большинство интересовало только "сокровища".

Тем временем из Краснодара по телефону получили указание - "Оставить все, как было, на том же месте. Склеп закрыть". Щедро посыпав сухой хлорной известью склеп, гроб и покойника (а то вдруг чума или холера!), вызвали бульдозер, и тот обрушил тонны сырой весенней земли на хрупкий последний приют священника. Затем место захоронения разровняли, по краям посадили сосенки и березки.

Так состоялось первое обретение святых мощей отца Стефана. 17 лет вблизи могилы люди ходили, танцевали, смотрели кино, и только подрастающие деревца хранили покой усопшего.

Золотой нательный крестик и медальон были сданы в райфинотдел, как "народное достояние", Евангелие и напрестольный Крест оставили местному музею для экспозиции

1977 год. Вскрытый склеп с гробом

"Предметы культа". Вот эти святыни и хранили до поры памяти о необычном случае на территории бывшей церкви.

По словам директора музея М.Н. Путинцевой, особую притягательность для посетителей имел крест. Особенно им интересовались "экстрасенсы". Один заезжий "целитель" даже предлагал за него большие деньги. Тогда Мария Никитична и решила послать в Епархиальное управление письмо с описанием событий 1977 года.

Летом 1994 года в Старощербиновскую прибыла комиссия из Епархиального управления. Ее возглавил священник Сергей Максимец, настоятель Свято-Вознесенского храма ст. Пластуновской. Могила была без труда найдена и вскрыта. Гроб - вернее, то, что от него осталось после влажного земляного пресса - в деревянном саркофаге был перевезен на территорию нынешней Покровской церкви. Оказалось, что гроб был настолько поврежден коррозией, но останки весьма хорошо сохранились. Это было невероятно. Нежное человеческое тело оказалось более стойким, чем металл. Конечно, земля, попавшая в гроб через разбитое окошко, и хлорка сделали свое дело. И все же: скелет прочно держался, во многих местах уцелело и тело.

Череп сохранился, и ясно было, что похороненный человек был молодым. Пальцы, кисти рук, все связки суставов держались прочно. Кожа на груди сохранилась, была целой, гладкой, темно-коричневой. Сильно пострадали толь-

ко ноги. Оставшееся от грабежа облачение тоже частично сохранилось. По мнению специалистов, не раз видевших разрытые могилы, "такого - не бывает".

Через несколько дней сюда прибыл архиепископ Краснодарский и Новороссийский Исидор с духовенством. Они подтвердили, что захоронение было необычным. Тем более, что сразу же произошло несколько исцелений, в том числе: о.Сергий избавился от воспалившегося конъюнктивита, а я - от мучившего меня уже несколько лет воспаления седалищного нерва.

По сохранившимся Метрическим книгам Ставропольской Духовной Консistorии определили, что покойным мог быть только священник Стефан Янков, 1874 года рождения, похороненный в ограде Покровской церкви в 1914 году.

Перезахоронение мощей о. Стефана состоялось 3 июля 1994 года в Неделе Всех святых, в земле Российской просиявших, со всеми подобающими почестями. Прибыло много паломников из других районов. Крестным ходом, с иконами, хоругвями, песнопениями прошли по станице к парку. Отремонтированный, свежевыбеленный склеп снова принял нетленные мощи отца Стефана в металлическом саркофаге. И снова строгий православный крест обозначил эту святую могилу. А нам предстояла большая работа в архивах и среди населения.

Выяснилось, что Стефан был старшим сыном бедного Владикавказского мещанина Янкова Ильи Гавриловича и его жены Татьяны Ивановны. Кроме него, в семье было две дочери, Мария и Анна, и сын Владимир. Стефан вначале окончил Владикавказское духовное училище, потом Ставропольскую Духовную семинарию. В 1896 году он получил назначение в кубанскую станицу Дядьковскую на место законоучителя. Потом его переводят к Николаевской церкви села Преградного на Ставрополье. Был рукоположен в священнический сан в мае 1899 года.

Пастырское служение он начал 1899 году в селе Рагули Ставропольской губернии. К сентябрю 1905 года о. Стефана направили в пос. Владимирский Кубанской области.

В станицу Староцербиновскую, где проживали родители его жены Анны - есаул Афанасий Ткаченко с женой Марией - отец Стефан был направлен в октябре 1906 года на второе священническое место. К этому времени у Янковых было два сына: Александр, 1900 года рождения, и Виктор, родившийся в 1905 году.

Люди полюбили отца Стефана за его благочестие и чуткое сердце, за то, что всем своим существом он отдавался исполнению пастырских обязанностей, используя и преумножая своим трудом данный ему Господом талант проповедника Слова Божия, учителя, воспитателя, миссионера. Его труды давали ощутимые результаты. В станице не было раскольников и сектантов. Был он грозой богохульников и прочих нарушителей христианского поведения.

Вспомним, что год 1906-й, особенно последние месяцы, были очень беспокойными. Набрала силу смута первой русской революции 1905-07 гг. И если в самой Староцербиновской было еще поспокойнее, то вблизи находился портовый город Ейск, известный своими бунтарскими выступлениями.

Конфликты со священнослужителями, падение их авторитета, вызванные общим оскудением веры среди населения тех лет, были одной из причин трагедии октябрьского переворота.

Будучи сам безупречного поведения, о. Стефан был нетерпим к нарушителям заповедей Божиих, небрежному отношению к святыням, ко всякой неправде и духовной нечистоте, к носителям порочного образа жизни. Кавказ от рождения привнес в характер отца Стефана пылкий, горячий нрав - потому и слова его безошибочно попадали в цель и ощущались, как удар. В ответ, случалось, шли наветы. Неуютно чувствовали себя под его взглядом те, чья совесть была нечиста. И шли в консисторию жалобы,

которые подолгу разбирались, ибо были бездоказательны, а зачастую анонимны.

Одним из подстрекателей бесконечных расследований был атаман Лавровский, известный своей развратной жизнью. Одним из его обличителей был тесть о. Стефана, Афанасий Ткаченко. Конечно, не мог атаман смотреть без злобы на праведных и благочестивых людей. Атаман был в конце концов удален с должности после громкого следствия, а дело о. Стефана было оставлено без последствий - ибо, как заявил духовный следователь Троцкий, "все это чистый шантаж". Но разбирательства в течение года и шести месяцев, конечно, дали о себе знать.

Батюшка Стефан всегда давал истинную характеристику тем людям, от которых зависела духовная жизнь в обществе. Произошло такое и при выборах церковного старосты. Рекомендованный на эту должность урядник Афанасий Куль был в свое время отстранен от исполнения обязанностей станичного атамана за небрежное отношение к службе и несоблюдение интересов общества. Не отличался он и сейчас усердием в исполнении христианских заповедей. Отец Стефан не промолчал и высказал свой протест против этой кандидатуры. Однако нашлись пособники, которые организовали голосование в пользу урядника. Афанасия Куля утвердили в должности церковного старосты. Урядник тот о. Стефану замечания не простил, и возникает самая нелепая в жизни о. Стефана анонимная клевета, расследование которой также длится около года. И его сердце не выдержало...

Долго оставалось неизвестным место смерти о. Стефана. Ведь был он похоронен в цинковом гробу - значит, откуда-то привезен. И в воспоминаниях станичников было свидетельство о встрече на железнодорожном вокзале гроба с телом любимого учителя. В метрических данных есть указание на то, что перед смертью исповедовал его священник Ростова-на-Дону Крещановский. Вполне возможно, что отец Стефан был вызван к окружному прокурору в Ростов, куда анонимщики послали очередную клевету...

Умер отец Стефан Янков 7 июня (ст. ст.) 1914 года. Это была суббота накануне 2-ой недели по Пятидесятнице - дня, когда Православная Церковь совершает память Всех Святых, в земле Российской просиявших. Его перезахоронение 3 июля 1994 года пришлось также на этот праздник. Когда были приведены к новому стилю все остальные даты, то оказалось, что совпадения на этом не заканчиваются.

10 июня (ст. ст.) 1914 года гроб с телом о. Стефана был опущен в тщательно выбеленный склеп в ограде церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Сомкнулись кирпичные своды его последнего приюта, закрыв летнее солнышко - но, оказалось, не навсегда. Ровно через 80 лет состоялось второе обретение его мощей!

Документы о жизни о. Стефана были найдены в Ставропольском Государственном архиве как раз в те дни, когда исполнялось ровно сто лет со дня окончания Стефаном Янковым Ставропольской Духовной семинарии.

За подвиг духовного мученичества и пламенную ревность о Боге, Господу угодно было прославить о. Стефана здесь, на земле, нетлением тела и чудесами.

На месте упокоения батюшки Стефана стараниями бывшего настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы отца Георгия Меденцева и многочисленных жертвователей в 2003 году была построена часовня. В ней ежедневно читаются акафисты, служатся литии и панихиды. По благословению митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора, в часовне ежегодно совершается Божественная Литургия в день памяти Всех Святых в земле Российской просиявших.

Л. Павлоградская

Свято-Покровский храм ст. Староцербиновская, в котором служил о. Стефан

Часовня на месте захоронения о. Стефана

Байки деда Игната

Эти семейные предания - порой забавные, порой странные, но всегда очень правдивые ("дед Игнат брехать не станет!.."), в чем и есть их главные достоинства и ценность - являются той нитью, что связывает воедино несколько поколений кубанского рода Радченко. В прошлом номере "Станица" начала печатать байки, рассказанные в 30-х годах XX века Дмитрием Игнатьевичем Радченко своему внуку Виталию Григорьевичу. Мы обещаем продолжить публикацию этих замечательных рассказов - и, может быть, даже книжку отдельную сумеем сделать. Вместе с праправнучкой "деда Игната", Софией Пономаревой - это благодаря ее стараниям байки были набраны и попали в нашу редакцию.

Байка третья - про медвежье солнце, да про то, как дед моего деда на охоту ходил, и о чем рассказывать не очень любил

К охоте дед моего деда пристрастился на службе. Как уже говорилось, казаки той крепостицы, где он тогда дослуживал, разнообразили и пополняли казенный провиант, как сейчас бы сказали, дарами природы, тем более, что природа тогда в наших краях была обильной и богатой. Собирали орехи, ягоды. Грибы? Не-е, про грибы тогда у нас не знали. Не было такой моды - грибами кормиться. У каждого, кажут, свой вкус: кому нравится кавун, а кому - свиначий хрящик... Рыбу ловили, тем более, что в наших речках вода тогда была пополам с рыбою. И ходили на охоту. Командами, человек по пять, самое малое - втроем. Война еще не кончилась, и хотя на Кубани боев в то время не было, абреки в горах погуливали, и встреча с ними не предвещала ничего хорошего...

Охотились на горных козлов, а они, как известно, шустры, прытки и хитры необыкновенно. Выследить и добыть хорошего козла - большая охотничья радость. Да и козлиное мясо, если его поджарить на углях или подсолить и закоптить - смак и вкуснятина...

Одним словом, тот дальний наш дед любил добывать этих самых козлов и не пропускал okazji затесаться в охотничью команду. А гуртовалась она из лучших стрелков и ходоков, чтобы, значит, лесовать дичину на общую гарнизонную потребу.

И вот однажды такая команда целый день гонялась за козлами, и все безуспешно. Лишь к вечеру удалось пристрелить одного, да и тот чуть не уплыл по бурному горному потоку. Хорошо - на перекате за камень зацепился. Вытащили его казаченьки из воды, а тем временем и смеркаться стало. Решили заночевать тут, у живой воды. Стали приглядывать подходящее место, и кто-то из них увидел, что под одной из нависших скал проглядывалась вроде как выемка. Поднялись к ней, а там оказалась настоящая пещера, просторная, как немалый каземат. По ее дну родничок пробивался, а в ближнем углу из-за круглого камня зыркали два совсем маленьких медвежонка.

- Хлопцы, да тут место никак обжитое! - воскликнул один из казаков. Но осмотрев пещеру, охотники поняли, что на берлогу она никак не похожа - скорее всего медвежата, отбившись от матери, спрятались сюда, увидев людей. Мало ли что бывает в их медвежьей жизни. На том и порешили. Тем более, что искать для ночевки другое место было уже некогда, да и пещера была очень подходящей. Затащили туда своего козла, чтобы ночью дикие звери его не схарчили, развели у входа костришко, справили кашу-саломатку и, поужинав, расположились, кто как нашел удобным, в той пещере на ночевку.

Дед нашего деда, облюбовав себе местечко в одном из углов, притащил охапку сухой травы и листьев, устроился, и тут же заснул сторожким сном бывшего охотника. Ему все время чудилось, что где-то близко бродит медведица, и вот-вот нагрянет за медвежатами, которые мирно посапывали за своим камнем-бульгой. Проснулся он глубокой ночью, прислушался - было тихо, покойно, лишь горный ручей, протекавший рядом с пещерой, непрерывно "бала-

кал" сам с собой. Ночь стояла светлая. Большая круглая луна - "медвежье солнце" - висела напротив пещеры, и как это бывает только в горах, казалась где-то внизу. Не обнаружив ничего тревожного, дед повернулся на другой бок и сразу увидел, что из глубины пещеры прямо на него уставились два неподвижных светящихся глаза...

Преодолев невольный страх, оторопевший было дед поднялся на колени и, приглядевшись, явственно убедился, что испугавшие его "звериные очи" не что иное, как торчащие из пещерной стены два небольших камешка, блестящие в отраженном лунном свете. Надо же такая навада! Усмехнувшись, дед Касьян отвалил на свое место и погрузился в сон. А утром, у костра, после скорой еды, он поведал своим братьям-охотникам о ночном приключении. А что оно было: слюда, "оливец"? - ответить не мог, но предположил, что это, вероятно, какая-то горная руда блестела в лучах "медвежьего солнца".

Дед с одним из охотников решил это проверить. Так, из интереса. В пещере был полумрак, пришлось подсветить себе зажженными жгутами из сухой травы. Отколупнули несколько поблескивающих "каменюк", вынесли из на свет.

- Братцы, да это никак золото! - удивился один из казаков. - Какое еще золото из-под цыганского молота, - усомнился кто-то. - Далеко, мол, куцему до зайца.

Но казак, прикинув на руке вес "каменюки", уверенно заключил: - Золото! - и полез в пещеру.

Не утерпели и остальные: а вдруг и правда золото!? Короче, часа через два, охотники добыли в этой пещере десятка полтора ("абож два...") разного размера самородков -какой с ноготь, а какой и с палец, по-братски их поделили, и дали зарок: о находке - молчок! Никому не говорить, и баста! Мол, сказано - закопано. Да... А самим наведаться сюда под видом охоты еще разок, может, даже с лопатой, а потом уже думать, что делать и как...

Забрав с собой добытого козла и медвежат, казаки вернулись в крепость, обрадовав добычей друзей-сослуживцев.

А были ли они в той пещере еще раз - история умалчивает. Дед Касьян якобы говаривал, что кто-то из их компании не сдержал зарок, протрелался о золотой пещере, язык - он без костей, за зубами не каждый удержит. Казаков-охотников таскали "куда надо", отобрали добычу, а пещеру "опечатали", и место объявили запретным. По слухам, у деда и одного из его верных друзей остались такие какие-то "вышкварки" (остатки), может, по одному, а может и по два заранее спрятанных самородка. Они через год-другой после возвращения со службы ездили не то в Катеринодар, а не то и до самого Тифлиса добрались, обменяли их на ассигнации...

В народе говорят, что если у тебя есть много хлеба - заводи свиней, и ты станешь богатым, а если у тебя завелись грошенията-деньжата, - сооруди мельницу, и ты приобретешь уважение и почет. Так или иначе, а дед сладил за станицей добрый ветряк - "млын", но это уже другая байка, другой интерес и другой рассказ...

Байка четвертая - теперь уже про волков, с которыми у деда Касьяна дружбы не было, но встречи случались - к общему неудовольствию

Волк - тварь зверская, хищная, настырная, а по части своих звериных деяний - умна до невероятия. Но не умней человека, ибо хитроумней его нет в природе создания. Не зря же Бог сотворил его по своему образу и подобию. Но как на ниве бывают высебки, будяки и чертополошины, так и среди людей не обходится без по-

ловы-соломы. Было такое и в нашем роду, но про то - особый сказ, особая байка, и до нее, может, дойдет когда-нибудь ряд. А пока - про волков...

Не любил их дед нашего деда, и тут вины его нету, поскольку волк - кровожадный бандит и ворюга, можно сказать - смертельный вражина посреди всего остального зве-

риного населения нашего края. Если затешется на овчарно, - пережрет всех овец. Не для пропитания, нет, а просто так, для своего волчьего интереса и характера.

Так вот... Как-то весной дед задержался на своей мельнице, что-то налаживал, ветряк всегда требует к себе внимания. Закончил он работу под вечер, запер дверь на внутренний засов - тогда были такие замки: внутри в скобах ходил дубовый полоз, у которого сверху были вырезы, зубцы. В двери над ним - дырка, через которую большим железным крюком этот полоз передвигался в нужном направлении, запирая или отпирая дверь. Вот дедуля запер эту самую дверь, и пошел к себе до хаты, в станицу. А идти надо было версты две, а может, и все три. Поскольку к ночи стало прохладно, да и дождик накрапывал, дед свернул мешок навроде плаща-накидки с капюшоном, прикрыл им голову и спину, а на груди прихватил его руками. Мешки в те времена делали настоящие - большие, из малопромокаемой холстины, чтобы мука в них не сразу подмокала. Да... А в правой, значит, руке у нашего деда - тот самый ключ, или крюк, которым он только что запер дверь мельницы...

Идет это наш дед по дороге, хлюпает по лужам-калюжам, только брызги летят, и вдруг чудится ему, что сзади тоже кто-то нет-нет, да булькнет-хлюпнет по уже пройденной им воде, вроде как бы догоняет его. И кто тут может быть в такую пору? Оглянулся и оторопел: шагах в двадцати - волк, здоровый, широкогрудый, не волк-вовцоган, а жеребец! И видит дедуля, что зверюга как бы норовит его обойти, чтобы напасть не сзади, а спереди, - такая, говорят, у них, у волков, сноровка. Так ему сподручней хватать свою добычу за горло.

Видит дед, что волк выходит ему вровень с правой стороны. Дед взял влево и пошел по дуге, с тем, чтобы где-то впереди снова выйти на свою дорогу. Волк приотстал, но через некоторое время стал обходить деда с левой стороны. Тот свернул правее, и снова обошел волка по такой же дуге. Волк не успокоился, и опять стал обходить деда с другой стороны... Так они проманеврировали с полверсты, а мо-

жет, и более того, и дед увидел, что они подходят к небольшой кошаре у самого края станицы, а там - собаки-волкодавы, сторожа... Еще два-три полукруга и он будет спасен. Ну, а ежели волк все-таки выйдет навстречу и бросится на него, то на этот случай у деда есть мельничный ключ...

И действительно, когда до кошары осталось саженей пятьдесят-шестьдесят, - волк оказался прямо перед ним. Еще мгновение и он сделал бросок - дед увидел развернутую огромную пасть с белыми клыками и огненные очи зверя. Раздумывать было некогда, и старый казак что было силы всадил в эту пасть сжатый в правой руке ключ-скобу. Волк захрапел и упал ему под ноги. Дед сторяча пнул его чоботом, отскочил и заорал на всю мочь:

- А ту его!.. Эге-гей!

И через минуту-другую выскочила свора собак-волкодавов, они набросились на поднимающегося с земли зверя, свалили его и... все смешалось в один живой клубок. Подбежавшие овчары насилу оттащили псов от уже мертвого, полурастерзанного хищника.

- Ось така его доля, сук ему в глаз, - сказал старший пастух, высекая крысолом огонь и раскуривая черную от дологлененного употребления люльку.

Дед мой в этом месте обязательно останавливал дух и, по видимому, чтобы отвлечь нас от мрачной картины звериного побоища, говорил, что люльки в сторону делали добрые, и даже его дед, как человек мастеровой, бывало, баловался их изготовлением. Не для себя - он не курил, в нашем роду этого греха не водилось. Но люльки дед Касьян делал отменные. Ах, какие то были люльки! Ими дед одаривал друзей-казаков, и даже, бывало, сам станичный атаман не брезговал дедовыми люльками. Ах, что это были за люльки - из вишни, а лучше - из вишневого корня.

И он еще долго хвалил те давние люльки, а если, случалось, бабуля Лукьяновна укоряла его за повторение одного и того же, и что, мол, дети подумают - он усмехался:

- Ну, набалакала-наговорила: дай-те жолобчатого Даньилы - батька пидстрыгати... Шо ж ты нэ знаешь, шо от частого повтора молитва нэ стирается и слабже нэ становится...

Байка пятая - и про пятую же ногу волчью. А зачем собаке пятая нога, даже если она волчья?..

Не было у наших дедов мирной жизни с волками. Иначе и быть не могло: волк, хоть зверь и красивый, но злобный и ненасытный. А водилось их в Прикубанье, по выражению деда Игната, "як блчжол", то есть, "как пчел". Дед говорил на том прекрасном русско-украинском наречии, на котором многие на Кубани "балакают" и в наше время. Правда, с примесью схваченных в начале прошлого века "новых" словечек. Так, он до конца дней своих трактор именовал "фордзоном", керосин - "фатаженом", а самолет - только "аэропланом", и никак иначе. Да и автомобиль не стал для него просто "машиной"...

Итак, о волках. Дед никогда не позволял себе сказать, что их было так много, "как мух", потому что не считал приличным хищных зверюг уподоблять этим, хотя и надоедливым, но все же терпимым созданиям.

Особенно, свидетельствовал дед Игнат, опасны волки были ранней весной, когда они сбивались в огромные стаи и "роились" близ станиц и хуторов "як блчжолы"... Тут, около людей, можно было чем-то поживиться - зазевавшимся барашком, жеребенком или теленком, а то просто беспечной дворнягой. Это сейчас говорят, что волк - "санитар", что он якобы природу очищает от больных и слабых, а тогда волк был не очень грамотным, и не знал таких тонкостей - мел с голодухи все живое.

И вот как-то в такое ранневесеннее время дед Касьян вдруг заметил, что из его "садка" стали исчезать поросята. К тому времени он отстроился за станицей, у своей мельницы. Живность всякую держал в сараях и кутках, а для свиней строил маленькие дощатые домики "на курьих ножках" (подставках) - "сажки". В морозы их утеплял камышом и соломой, а в погожие дни разбирал утепление, и свиньи дышали свежим воздухом. Сбоку у хлева-"сажка" была дверка, через которую его обитателям меняли подстилку, а впереди - проем в одну доску, в который вставлялся ящик-корыто для корма. Просто и удобно. Самый лучший "сажок", просторный и крепкий, с деревянным петушком на покагой крыше, дед выделил поросной свинье, где она блаженствовала на сухой соломе, что твоя барыня-боярыня. Если в других "сажках"

похрапывало по три-четыре "пидсвынка", то в этом - царствовала мать-свинья со своим опоросом.

В ту памятную зиму свинья Хивря подарила хозяину не то шестнадцать, не то восемнадцать розовеньких красавчиков-поросят, ровненьких, одич к одному. Дед Касьян очень гордился этим опоросом, и если случались гости - непременно показывал им Хиврино потомство, хвастаясь и радуясь ему, как неоспоримому собственному достижению. И вот как-то недели через три-четыре после появления на свет поросычьего поколения дед демонстрировал его куму Тарасу, и тот, дотошная и каверзная душа, посчитал приплод и уличил дружка если не в брехне, то в явном преувеличении: поросят было, допустим, не шестнадцать, или там восемнадцать, а на одного меньше. Дед ему не поверил, пересчитал сам, и не раз, и не два, перетряс солому, и как это было не досадно, кум Тарас оказался прав. Одно-го поросеночка действительно не доставало. А был!

Дед плохо спал ночь, на утро еще раз пересчитал своих ненаглядных. Их теперь стало меньше на две младенческих поросычьих души. Задумался дед Касьян. Никто чужой по его базу не блукал, собаки ночью не гавкали... Нечистая сила вряд ли довольствовалась бы одним-другим свиненком... Может, Хивря ненароком сглотнула их? По слухам, за ними, свиньями, это водилось... Только вряд ли: Хивря у него не такая... Но поросят-то не стало, словно их черти с галушками съели, хоть плачь, хоть тужи.

В общем, дед решил устроить засаду. Перед вечером надел старый раздергай-кужушок, валенки, и залез в Хиврин дворец. Устроился поудобней, так, чтобы сквозь щели в передней стенке "сажка" было все видно. Пригрелся у Хиврино бока, и через час-другой стал подремывать. А может, и вовсе заснул. Только в нужный момент его как будто кто в бок толкнул - проснулся и видит, а ночь была "мисячна, зоряна", что по дорожке через сад прямисько к его "сажку" спокойной трусцой приближается волк. "Эге, - сказал себе дед, - будэ дило..."

Волк между тем подошел к хлеву, остановился и, как оказалось деду Касьяну, - усмехнулся, а может, слегка ощерился, показал зубы. "Где ж мои собаки?" - спросил себя

дед. - Ну, сучьи дети, погодите..."

Волк повернулся спиной к хлеву и дед с удивлением увидел, что внутрь "сажка" через кормовой вырез, прямо по корыту, просунулся волчий хвост, и волк стал им вертеть, как бы подметая пол "свиньячьего дворца". Хивря, почувствовав ласковое прикосновение волчьего хвоста, благодушно похрюкивала. Волк настойчиво елозил хвостом, пока не зацепил крайнего поросенка, а, зацепив его, стал подкапывать к корыту. "Так, так, - смекнул дед, - говорят, волка ноги кормят, а хвост у него, видать, и есть пятая нога!"

И, спасая родненького поросеночка, дед Касьян крепко схватил обеими руками волчий хвост, слегка придержал его, а потом стал тянуть на себя. Волк дернул свое "полено" раз-другой и, почувствовав неладное, напрягся из всех сил, стремясь освободиться из цепких дедовых рук. "Сажок" заскрипел и, если бы он был на колесах, или, допустим, на полозьях, то непременно бы волк поволок бы его, как царскую карету...

И тут старый Касьян не выдержал марку: заорал диким гласом, призывая на помощь своих непутевых собак... От великого страха и напряжения с волком случилось неладное, и он опростался жидкой струей, срамные брызги которой, хотя и не обильно, но изукрасили полы дедова кужушка. От неожиданности дед выпустил волчий хвост, и серый

разбойник кинулся прочь. Он пробежал саженой двадцать-тридцать и замертво свалился в снег. Откуда-то выскочили "ховавшиеся" все это время дворовые собаки, кинулись к хищнику, но рвать его не стали, - окружив поверженного врага, они дружно завывали над его бездыханным телом.

- Хвост у волка оказался сильнее его внутреннего духа, - обычно так оценивал дед Игнат эту ситуацию. - Вовсюган подох от разрыва сердца.

Дед Касьян после того случая приделал ко всем хлевам дополнительные дощечки, закрывавшие отверстие для корыта, - оно так спокойнее, хотя и менее удобно. И держал у себя впоследствии пару волкодавов - при серьезных вояжах и дворняги хробрют.

А кужушок пришлось выкинуть - волчий дух из него не выветривался и не вымерзал, несмотря на все касьяновы старания. А жалко, хоть и раздергайчик он был старенький и латанный, а все же... И когда дед, бывало, вывешивал его на ветерок, сбегались собаки, какие случались в ближней округе, и остервенело облаивали тот кужушок, потому что он не только пах волчиной, но и зримо напоминал им об их позоре в ту ночь. Их собачье достоинство не могло смириться с напоминанием об этом. Оно, это напоминание, собакам все равно, что пятая нога. Не то, что умному волку, ему она - в дело...

Байка шестая - про царскую бурду, - или не тот охотник, кто в этом деле собаку съел, а тот, с кем "и не то бывало..."

Была у дедова деда в дальнем стенном наделе заброшенная кошара, а при ней - небольшая хата. Даже не хата, а так - хатенка. Дед Касьян называл ее по-старому - "курень". А курень, он и есть - курень. Зато в курене том была печь с вмазанным чугунным казаном, и поздней осенью, а то и в неласковую зиму, здесь на кошаре ночевали касьяновы друзья-охотники. Соберется, бывало, ватага человек шесть-восемь, и айда на касьянову займку. Вдали от станицы дичину пополевать, да и от домашних забот на день другой, а то и на неделю отринуться. Коней, на которых они туда добирались, ставили под камышовый навес, сами располагались в курене. С утра отправлялись кто куда, в основном к заросшей тернами "долгой" балке, в которой всегда можно было встретить где зайца, где лисицу, а то, глядишь, и другую какую живность - птицу там, или даже их ясновельможность пана волка. Охотнику, что ни случай, то - в торбу!

И вот однажды такая ватага охотилась на той дальней кошаре, и застала их непогода, какая часто бывает в наших местах - пошел крупный лохматый снег с дождем, потом сыпала с неба ледяная крупа, и снова - дождь-косохлест, в общем, - семь погод, и все мокрые. Сверху льет, снизу метет, крутит, веет, мутит, сеет...

Дед Касьян с кумом Тарасом и еще с двумя, а может, тремя, другими-охотниками на тот час оказались на кошаре, а трое или четверо загуляли где-то в степи. С утра подались погонять лис в верховьях той "долгой" балки, а тут такая непогодь, какие там лисы, какая охота!

Наши казаченьки добре натопили тот курень, сварили в казане остатки барана, сели застольничать. Погода вызвала соответствующее настроение, и дружки опорожнили заветный жбан крепкой бражки, настоянной на корешках терновника, и основательно подъели баранину, сваренную и натомленную на медленном огне. Настолько основательно, что сообразили: хлопцам, застрявшим в "долгой" балке, и закусь-то, кроме квашенной капусты да сала, будет нечем. А им ой как захочется горячей щербы-варенины! Резать и варить другого барана, глядя на ночь, никому не хотелось, да и та бражка, что была ими выпита, тоже давала определенный настрой. Веселый и легкий. Известно: у пьяного - черт в подкладке, сатана в латке...

Так или иначе, а кому-то пришла в голову шаловливая мысль порубить лежащую под навесом тушу волка, убитого днями, и с которого уже была снята великодушная шкура... Что и было тут же исполнено под общую хмельную радость. Аккуратно нарубленные, аппетитные с виду куски - чем не мясо, чем не баранина?! - были брошены в котел, заправлены луком-цыбулей и прочими приправами. Возрожденный в печи огонь сделал свое дело - очень скоро вода в том казане забулькала, извещая, что дело идет на лад...

Задержавшиеся на охоте мужички-казачки ввалились в курень поздно ночью. Мокрые, усталые и сильно-пре- сильно голодные. Запалив от лампадки светец, они с радо-

стью обнаружили на столе судюю с брагой, хлеб, сало... Кто-то поднял крышку казана, и оттуда потянуло таким вкусным, что наши охотнички, не раздумывая, тут же приступили к трапезе. После второй чарки было решено разбудить спящих товарищей: "А то как же, мы тут со всем удовольствием, а дружки - спят... Не годится!". Разбуженные "друзья-товарищи" не позволили себя долго уговаривать, и тут же присоединились к общему веселью. И гуляли, пока не опустошили весь казан. При этом щерба из того казана всем на удивление оказалась настолько вкусной, что, по мнению пирующих, такой сладкой вкусни никто из них ни в жизнь не пробовал. Да что они?! Такой еды, пожалуй, и сам царь не едал, ибо ему, царю, его царевы прислужники не в состоянии такую сладить. Куда там: ведь они могут только что ни то заграничное, а наш харч - простой, но необыкновенный. Скажи кому - не поверит, бурда, мол. А она, эта бурда, - царская!

И никто с немалого похмелья и общего восторга не вспомнил, что та "царская бурда" была сварена из непотребного волчьего мяса. Лишь под утро кум Тарас первый вышел из задумчивости, и туго, но все же что-то припомнил, пошел на клуню и убедился: лапы, голова и хвост волчьей туши - на месте, остального - тю-тю, нету... Про свои сомнения шепнул деду Касьяну, и тот его успокоил, что, мол, так оно и было - "царская бурда" сварена-спроворена из волчатины.

- Мы же с тобой его вместе порубали, и то - правда, - напомнил куму наш Касьян. - Только эта правда для нас, что собаке - цыбуля... Так что про то - молчок! А то и нас с тобой с досады съедят, это уж как пить дать!

Впоследствии к деду Касьяну по очереди подходили и другие участники "царского" пиришества, и суть дела в конце концов вылилась наружу. Старый Касьян года полтора отнекивался, мол, да по пьяному наваждению всякое могло быть, но только не "царская бурда", ибо никто не скажет, что была она мерзопакостной, а иного от волчьего "взвара" (компота) ожидать нечего. Потом, за давностью времени, когда обиде его друзей, накормленных волчатиной, поистерлась, он негромко сознался, что все это - правда. А что касается вкуса, то, видать, тот волк был осенний, добре упитанный, мясо у той "дичины" было с прожилками целебного жира, от которого и благоухала "царская" снесь, и потребление ее пошло охотникам на пользу, ибо не зря говорено, что каждый и всякий должен в своем деле собаку съесть. А уж коли вовсюгана съели, то такому мужику просто цены нет!

Дед Игнат, повествуя об этом приключении напоминая, что французы жаб едят, про то он сам дознавался - точно, едят! Оттого они, те закордонные едуны напротив наших - народ так себе, квольный и невзрачный. Не то, что казаки державы Российской. Что уж тут говорить: наши вон волка схарчили! И не заметили...

записал В.Г. Радченко

Несколько слов о семейной истории Донского казачества

Сборников серии "Генеалогия и семейная история Донского казачества" уже больше 60-ти - можно попытаться объективно оценить это интересное и нужное издание.

Первая книжка серии - "Секретёвы и Коньковы" - вышла в ноябре 1998 года в Санкт-Петербурге в издательстве "Вирд" донского казака Федосеевской станицы, известного генеалога Шумкова. Серия имела тогда редакцию в составе кандидата исторических наук из Ростова на Дону Владимира Николаевича Королева, кандидата технических наук, доцента Сергея Викторовича Корягина из Москвы и упомянутого Андрея Александровича Шумкова.

В первом выпуске были представлены поколенные росписи казачьих родов Секретёвых (Нижне-Чирской и Новочеркасской станиц) и Коньковых (Усть-Хоперской станицы), были использованы материалы из Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Государственного архива Ростовской области (Ростов-на-Дону), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и семейных архивов проживающих в Москве потомков Коньковых и Секретёвых. На мой взгляд, этот выпуск остался одним из самых удачных.

Автор второго выпуска - "Миллеры", часть 1-я (за ней, увы, не последовало 2-й части) - С.В. Корягин. Большая часть материалов последующих выпусков серии также создана им. Начиная с третьего выпуска, издание серии осуществляется в Москве, а фамилия Шумкова исчезает из состава редакции, хотя ссылки на его работы встречаются. Будучи лично знаком и с Корягиным, и с Шумковым, знаю, что у них возникли расхождения в подходах к изданию.

Примечательно в этом плане название издательства, выпускающего книжки, начиная с 11-й - "Русак". На Дону я застал еще время: если называли тебя русаком, следовало незамедлительно бить по физиономии обидчику. Это все равно, что серия генеалогических очерков украинских казаков начнет выходить в издательстве "Москаль"!..

С. Корягин - технический специалист, в чем и несомненные плюсы, и минусы. У него есть понимание и практическое владение методами современной обработки архивных данных. В помощь исследователям он напечатал свои статьи "Хранение и обработка больших массивов данных", "Автоматизированное составление выписок из документов" и "Машинная обработка дореволюционных текстов", а также статью А. Жильцова "Технология создания электронных копий дореволюционных текстов".

В РГИА есть фонд 1343 - документы по донскому дворянству (три тысячи многостраничных дел). Читать - одно удовольствие, особенно послужные списки, но копировать вручную - адский труд! С. Корягин, отдадим ему должное, описал 614 казачьих рода, из которых около 400 дворянских - едва ли не половина существовавших на Дону!

В сборниках немало и дополнительных материалов. Списки казаков, награжденных в различных войнах, похороненных на Сент-Женевьев-де-Буа, в Брюсселе, Тестаччо, Пирее, на Старочеркасском и Новочеркасском кладбищах. Интересны очерки из "Русской старины" и Военной энциклопедии Сытина, авторские материалы по истории Дона...

К сожалению, автору не удалось избежать досадных неточностей, в ряде случаев сведения неполны. Так, в главе о Крюковых 50-го выпуска отсутствуют сотник Иван Дмитриевич и его сын Дмитрий, чьи дворянские права были подтверждены в марте 1838 года. Понес большие потери род майора Тимофея Селиверстовича Крюкова: нет его правнуков Якова и Фрола, детей Фрола - Тимофея, Капитолины и Ольги, и еще ряда потомков, в их числе войскового старшины Василия Михайловича (о нем справка есть - но под рубрикой "непонятно, чьи они дети"). Но будем справедливы: в такой масштабной работе, будучи первопроходцем, рассчитывать на идеальный вариант исполнения не приходится. Следующим исследователям будет легче!

К сожалению, ряд существенных недочетов указывает на недостаточное знание автором общей истории казачества. 7-й выпуск - "Емельяновы". Ни слова о старшине Романа Петровиче Емельянове - при нем, замещавшем на время войскового атамана Данилу Ефремова, сгорел в 1744 году

весь Черкасск (и в том числе - Донской войсковой архив!). В исторической литературе хорошо известен указ Императрицы Елизаветы 1748 года "О неназначении на будущее время старшины Емельянова к исправлению должности наказного атамана". Хорошо известен историкам и Алексей Степанович Емельянов, Раздорской-на-Дону станицы. Его, арестованного в конце 1876 года за участие в беспорядках, приказал высечь розгами петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов - за что в того и стреляла небезызвестная Вера Засулич. В 54-м выпуске Корягин вновь обращается к Емельяновым, но эти персонажи опять забыты.

10-й выпуск, род Землиных. Пропущен самый известный - урядник Аввакум Землин, Ермаковской станицы, знаменитый разведчик, полный георгиевский кавалер - единственный из донских казаков за русско-японскую войну.

23-й выпуск, род Бахиревых. Автору невдомек, что упомянутый им Михаил, 1868 г.р., сын коллежского секретаря Коронада Бахирева - это знаменитый адмирал, победитель германского флота под Моонзундом, расстрелянный большевиками в 1919 году!

В 42-м выпуске мимо его внимания проходит хирург с мировым именем Иван Иванович Греков, чье имя носит журнал "Вестник хирургии"...

В упущениях Корягина при этом просматривается закономерность. На Романа Емельянова и адмирала Бахирева, как и многих других "потерянных" персонажей, карточки надо искать среди офицеров общевоинских частей и флотских.

Начиная с 21-го выпуска, в сборниках серии появилась рубрика "В краю непуганых историков". В ней единоличный составитель полемизирует с учеными-историками. Те вроде как не реагируют (большинство, вероятно, и не знает о его существовании!) - и "полемика" приобретает характер мелких хулиганских выходов. Так, статья в 24-м выпуске называется "Ростовская шпана"!

Последнее время С. Корягин увлекся исследованиями "Тихого Дона": роману посвящены 47-й ("Миражи "Тихого Дона") и 50-й ("Шолохов, Крюков или...?") выпуски. Тема, что называется, "горячая" - но надо ли разбирать явные, а зачастую и мнимые недостатки художественного произведения в серии генеалогических изысканий? Да еще замахиваясь "закрывать тему, признав произведение аморальным и нежелательным для чтения". Не больше - не меньше!

Шолохов дурно отзывался о казаках и заслуживает осуждения. А Достоевский, не с лучшей порой стороны показывающий русских - что, теперь и его признать "аморальным и нежелательным"? Или Тихий Дон - редкое исключение, и на его берегах не было собственных мерзавцев? Увы - история гражданской войны, рассказывания и раскулачивания говорит, что и тут собственной нечисти хватало.

Чистой воды большевизм, но под иной вывеской. Утепает, что масштабы заведомо несопоставимы: любимый миллионами роман - и классический дилетант-историк. Не хотелось бы никого обижать, но поневоле вспоминается моска, лаявшая на слона...

В целом же, говоря о собственно генеалогической составляющей серии С.В. Корягина - работа проделана большая и полезная. Разве что справедливее назвать её - *материалы для генеалогии и семейной истории.*

От редакции.

С. Корягин - один из постоянных и давних авторов "Станицы". Как не удивительно, но его серия все выходит и выходит - хотя сколько раз ей предсказывали скорую гибель! Это огромная работа - и, действительно, трудно было бы избежать ошибок. На сегодня, кстати вышли уже 63 выпуска! Последний - "А.С. Серафимович - автор "Тихого Дона" - опять посвящен "шолоховской теме". Постарайтесь в следующем своем номере познакомиться с ним читателей. Пусть кому-то высказываемые автором идеи и кажутся дилетантскими и непривычными - но слишком много в жизни и творчестве Шолохова загадок. Об одной из них, кстати - наша следующая статья.

В. Новиков

Шолохов и Махно: а была ли встреча?

*Понурый строй пленных красноармейцев
мнётся перед тачанкой Махно. Батька
полирует ногти алмазной пилочкой,
командуя своим молодцам:
- Этого расстрелять!..*

*Выстрел, вскрик, звук падающего тела...
- И этого тоже расстрелять...
Выстрел, вскрик...*

*Услышав приговор, очередной
красноармеец падает на землю и бьется в
истерике: "Нет, нет!! Не хочу, не надо!!"*

*- Опа... А этого не надо! Он не хочет...
(из народного фольклора о Несторе Махно)*

Ряд эпизодов "Донских рассказов" Шолохова, связанных с Махно, позволили предположить, что Михаил Александрович встречался с Батькой лично - хотя сам он публично об этом и не говорил. В его автобиографии 1931 года коротко сказано: "банды гонялись за мной, я гонялся за бандами". Но где, за какими? Сведений в архивах не обнаружено. И старожилы станицы Вешенской, при всей любви к земляку, об этом молчат.

Молчал писатель и после появлявшихся в печати рассказов о "встрече"

- и каждый раз все новые эпизоды с юным Шолоховым.

Кто же давал "пищу" для сюжетов? Сам писатель? Кто-то с его ведома? Авторы ведь знали, что написанное прочтут он сам или его родственники. И ни разу в печати не появилось ни одного опровержения со стороны Шолохова и его семьи! Поразмыслить есть над чем, если собрать воедино все написанное по этому поводу.

Чаще место "встречи" определялось хутором Коньковым, не так уж и далеко от Вешенской. Но обстоятельство - разные. Чаще пишут, что Шолохов попал в плен во время боя.

В. Гура ("Как создавался "Тихий Дон"): "Во время боя под хутором Коньковым бандиты взяли в плен Шолохова. Допрашивал его сам Нестор Махно, пригрозив юноше виселицей в случае новой встречи".

В. Петелин ("Михаил Шолохов"): "А во время боя под хутором Коньковым юный продармеец был захвачен махновцами. Допрашивал его сам Махно. Трудно сказать, чем окончился бы этот допрос, если б не хозяйка хаты, которая бесстрашно заступилась за попавшего в беду хлодца:

- Что ж ты дитыну губишь? У него ж здесь матери е. А в тебе тож маты...

Махно отпустил парня, но пообещал повесить, если он снова попадет ему".

Л. Якименко ("Творчество Шолохова"): "Шолохов под хутором Коньковым во время боя попал в плен к махновцам. Он был допрошен самим Махно и не был расстрелян только по малости лет. Махно посулил ему, в случае повторной встречи, виселицу".

К. Прийма утверждает (см. Г. Сиволов - "Михаил Шолохов. Страницы биографии") - Шолохов вез обоз с хлебом и был захвачен разведкой махновцев:

"Продрабтник Каргинского ревкома Михаил Шолохов вел обоз с хлебом. Его перехватила разведка махновцев. Привели к атаману, который с костылями сидел в тачанке. Тут же при толпе хуторян, на допросе, юный Шолохов отвечал дерзко и решительно. Куда девалась его застенчивость! Предание гласит, что на вопрос Махно: "Где в казачьих амбарах хранится семенной овес?" Шолохов отвечал: "Где овес? Ты что, на Дону хочешь, не севши, жати? А знаешь поговорку: поехал за шерстью, гляди, вернешься остриженным?.." Махно рассвирепел, но хуторская толпа казаков, женщин и казаки-фурички (у которых махновцы забрали пшеницу) вступились за сорванца. И Махно смилостивился, твердо пообещав ему при второй встрече виселицу".

Во всех случаях - батюкино сердце смягчается, он жалеет малолетнего "враженку", пригрозив повесить в другой раз. Иная версия у П. Чукарину ("Рос на Дону мальчишка"). Станица Каргинская, Шолохов - школьный учитель:

"После этого боя махновцы решили убраться из Придолья. По пути они заскочили ночью в Каргинскую и захватили врасплох оставшийся отдохнуть в школе небольшой отряд чоновцев. Около двух десятков всадников окружили пленных, в числе которых оказался и молодой школьный учитель Михаил Шолохов, бегом погнав их к Василевке. По дороге расстреливали по одному.

Уже рассвело, оставшихся семерых решили прикончить в неглубоком овражке, отделявшем Каргинскую от Василевки. Но тут с грохотом подлетела запряженная четверкой тачанка.

- Кто такие? - закричал из нее маленький, худенький человек в серой каракулевой папахе, из-под которой свисали длинные прямые волосы. Лицо у него было сморщенное, как печеное яблоко, глаза безбровые. Рядом сидел кудрявый блондин с ярко-красными губами, в короткой поддевке. Впереди, подле ездового, еще один махновец - криволицый, в енотовой шапке, перетянутый ремнями.

- Кто такие? - снова отрывисто спросил длинноволосый.

Махновцы начали объяснять.

- А ты кто? Чей? Откуда? Сколько лет? - уставился тот на Мишу.

- Учитель я, - ответил Шолохов.

- А лет - пятнадцать.

В глазах длинноволосого человека мелькнула какая-то искорка: - Интеллигент, значит? Юный коллега?

Кудрявый блондин, уловив перелом в настроении атамана, равнодушно подал совет:

- Высыпать ему плетюганов, Нестор Иванович, да и черт с ним! Руки о него мараф не стоит, - и сквозь зубы выстрелил длинной цевкой слюны.

- Каретник! - крикнул длинноволосый сидящему впереди криволицому. - Садись на коня и сопроводи гражданина учителя к его мамке. Да живым! Путь батьку Махно добрым словом вспомнит!

Мише повезло - смерть прошла мимо. Конвоир, не слезая с коня, порол Мишу плетью до самого дома. В хате перетянул плетью через спину мать, съел горку намащенных блинов и умчался догонять своего "батьку".

Можно ли верить П. Чукарину, не один год работавшему рядом с Шолоховым и давшему ему рукопись своей книги "Розы и тернии", чтобы получить "добро" на повесть о его жизни? Если да, то почему Шолохов отказал ему?..

Иная трактовка встречи с Махно в книге "Шолохов в Казахстане" Б. Жумангалиева. Место действия - аж берег Днепра (что же там делал с продотрядом Верхнедонского округа Миша Шолохов?!):

"Шолохов, когда в продотряде служил, тоже с бандитами имел дело и однажды попался им в руки. Сам Нестор Махно его на берегу Днепра допрашивал. Смелость и находчивость юноши при ответах растопила, видно, его сердце - отпустил он его..."

А. Воронцов (роман "Огонь в степи") вообще дал волю фантазии. Герои встречаются в Каргинской на спектакле "Тарас Бульба". Шолохов играет сына Тараса: "Представление было в самом разгаре, когда, откуда ни возьми, налетели на Каргинскую махновцы". Далее описание паники и расстрелов около здания театра. По приказу Махно спектакль продолжается, и Батька даже дал артистам денег.

Описание диалога между героев занимает несколько страниц! Политика, государство, верхнедонское восстание, масоны... - будто Махно больше не с кем поговорить, как только с этим юным, дрожащим от страха артистом, за которым уже приходили родители.

Атаман предлагает: "Хочешь, поставлю тебя начальником культпросвета? Это большая честь, войдешь в историю вместе с батькой Махно. Будет у тебя все, что пожелаешь. Часы тебе подарю, маузер. А так - пропадешь в своей Каргинской..." Но Миша уже осмелел и ответил отказом...

В 1999 году в Воронеже напечатаны рассказы В. Дегтева. Рассказ "Приговоренный" тоже посвящен встрече Шолохова с Махно. Похоже, у автора еще более буйная фантазия! Место встречи - "хутор Ногайский" (какого в Верхне-

Донском округе отродясь не было). Взвод красноармейцев-чоновцев пленен махновцами, их допрашивал сам Батка. Миша копает могилу, стоит в шеренге расстреливаемых. Но пули летят мимо него, хотя весь взвод расстрелян. Оказывается, Махно нашел в холщовой тряпочке роман "Тихий Дон" (!), написанный мальчишеской рукой - и, пока шел расстрел, его прочитал (!!).

- Ты очень талантлив, слышишь? Я... я... когда читал - и показывает на Мишкину тетрадь. - В общем... потону и оставил тебя. Ты должен написать потомкам правду - и только! Все, как было - слышишь? Правду! Только правду, щучонок!

- Напишу! - Мишкин голос по-мальчишески звенит". Обращается к встрече с Махно и В. Воронов ("Юность Шолохова"):

"30 января 1980 года в разговоре с М.А. Шолоховым в его доме в станице Вешенской Н.А. Булавин (первый секретарь Вешенского райкома партии - А.Ж.) спросил писателя, приходилось ли ему встречаться с Махно.

- Как же, - отметил Михаил Александрович. - Допрашивал меня...

- Какое впечатление он произвел на вас?

Шолохов усмехнулся, пригладил усы. Пыхнул сигаретой.

- Невзрачная личность. Любил окружать себя анархичными интеллигентствующими...

- Какая же у него цель была?

- Никакой. Оргии. Кружили тут по хуторам, лавчонки сельповские грабили...

- Какое войско у него было?

- Хорошо вооруженное. Рейды совершали по всем правилам. Впереди разведка. Конница, пехота. Передвигались на ходах..."

Как реагировал Шолохов на трактовку Вороновым сюжета с Махно, читаем у бывшего первого секретаря Вешенского района П. Маяцкого в книге "Колокола памяти":

"Донской писатель Василий Воронов, не раз бывавший у М.А. Шолохова в последние годы его жизни, рассказывал об одной из поездок в очерке "Зимний день в Вешенской".

- Читал твой очерк в "Огоньке", - Михаил Александрович повернулся ко мне, медленно, с растяжкой произнося слова, точно взвешивая и выверяя точность каждого из них, - Понравился... Написал свежо, с юношеской непосредственностью. Но там есть ошибка одна. Боя с махновцами под хутором Коньковым не было. Нас без боя в плен взяли. Пятьсот человек. Разоружили, и сразу митинг был, через тридцать минут. К себе вербовали. Почти весь полк перешел..."

Что за полк, почему не оказал сопротивления, какую сторону принял сам будущий писатель? Почему в биографии он не касался этого эпизода? Где его "сослуживцы" по полку? Может, и этот рассказ не отражает действительность?..

П. Маяцкий в той же книге, но уже в другой новелле, повторяет избитый эпизод: "Во время работы в продотряде под хутором Коньковым Шолохов попал в лапы махновцев. Допрашивал сам Нестор Махно, и не расстрелял лишь по молодости лет, пообещав при повторной встрече вздернуть на виселицу..."

Итак, во всех рассказах одно общее: Миша Шолохов - смелый юноша, не боится самого Махно, несмотря на гибель товарищей. Так создается образ народного героя - что, конечно, было выгодно писателю. Точно сказал об этом Г.Сиволов: "Вполне возможно, что есть и другие варианты описания "пленения" махновцами Михаила Шолохова, его поведения на допросе у Махно. Скажем прямо: до сегодняшнего дня еще ни один человек не объявился и не сказал, что он был очевидцем пленения Шолохова и его поведения на допросе у Махно".

Г.Сиволов приводит аргументы "за" и "против" встречи Шолохова с Махно, в том числе и такой: "Своих идейных противников Махно не вешал и не грозил повесить, для это достаточно было одного патрона. Ведя за собой шеститысячное войско, Махно вряд ли сам стал бы допрашивать случайно задержанного подростка".

Рассматривая варианты "встречи", В.Петелин приходит к выводу: "Официально, в документах, не зафиксировано ни одного упоминания, в каких же "разных переплетах" бывал Шолохов. К.Потапов, близко знавший Шолохова, живший подолгу в Вешенской и расспрашивавший писателя, уточняет: пятнадцатилетний Шолохов, служащий ревкома, добровольно вступает в продотряд, сначала рядо-

вым продармейцем, потом пулеметчиком, инспектором...

И К.Прийма, и К.Потапов, и другие вспоминают о пленении, конечно, со слов самого Шолохова, как о факте такого столкновения, а вот "беллетризация" этого факта, конечно, на совести писавших об этом. А то, что никто не вспомнил об этом эпизоде, тоже не может свидетельствовать о том, что этого эпизода не было.

Шолохов с сентября 1920 года жил в Каргинской, когда Махно ее занял со своим шеститысячным отрядом и пробыл в ней два дня. По сведениям Г.Сиволова, банда Махно не чинила в Каргинской ни стрельбы, ни насилия. Под Боковской махновцы потеряли атамана Гаркушу, сраженного красноармейской пулей, в Каргинской его хоронили: "На второй день махновцы плотным кольцом из пулеметных тачанок и всадников оцепили кладбище. Сам Нестор Махно приехал на тачанке и, пока могилу не засыпали землей, хмуру смотрел вниз; с тачанки не слезал, но и не уезжал.

На кладбище собралось много зевак, молодых и старых. Всякое видевшие на своем веку казаки были потрясены, увидав, как у Гаркушева коня, стоявшего у края могилы под седлом и покрытого до земли черным бархатом, слезились глаза"...

Легко предположить, что непоседливый и жадный до впечатлений Михаил Шолохов был среди молодых "зевак" во время этих похорон, мог и обратиться к себе внимание грозного атамана. А могло быть и по-другому..." ("Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения").

Старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, говорила, что отец никогда не рассказывал ничего подобного, тем более не называл никакого хутора. При каждом новом своем "пленении" лишь усмехался: "Пусть фантазируют". Особенно ему нравился эпизод, когда его расспрашивал Махно в хате в присутствии добросердечной хозяйки. Шолохов говорил, со слов дочери, что плена не было - просто он заблудился, зашел в одинокую хату попросить воды, а там - Махно со своей женщиной. Они были в хорошем настроении, выпивали, вот и отпустили его. Но где это было, он никогда не говорил. Была ли доля правды в его рассказе - или это очередная фантазия, уже для своих детей?..

Михаил Шолохов не мог одновременно быть и учителем, и продотрядовцем, и бойцом отряда, разбитого под Коньковым, и артистом. Тем более подростку не доверили бы в сложное время, когда вокруг банды, целый обоз с хлебом. Да и куда он его вез, и откуда? Где сам продотряд? Ни документов, ни свидетелей, ни точного времени и места "исторической встречи"... В целом уже ясно: не было боя, "хутора Ногайского", расправы, допроса, угроз, продотряда, обозов с хлебом, полка чоновцев.

Если все же допустить эпизод встречи Шолохова с Махно, придется считаться с такими фактами:

Нестор Махно и его армия на Дону

Армия Махно к концу 1918 года насчитывала около 18 тыс. человек. После поражения гетманщины Батка воевал с Петлюрой, соединившись в 1-й Заднепровский дивизион с отрядами Дыбенки. В ответ на внедрение большевиками подразверстки и колхозов на территориях, освобожденных от белых, Махно в феврале 1919 года заявил: "Если товарищи большевики идут из Великолессии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: "Добро пожаловать, дорогие друзья!" Если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: "Руки прочь!"

Махно было объявлен Советской властью вне закона, но осенью снова привлечен на помощь, совершил рейд по тылам белых до самой ставки Деникина в Таганроге. И вновь вне закона - за отказ выступить в Польшу...

Данные о действиях махновцев на территорию Донской области есть, их можно проследить на основе документов. Впервые конные разведчики отряда Махно, направленного на Украину, на границе Верхне-Донского округа появились в сентябре 1920 года. 20 сентября была занята станица Краснокутская. В район станицы Боковской срочно выдвинули отряд вешенской милиции.

21 сентября у Боковской махновцы вошли в соприкосновение с разведотрядом милиции и 204-м Сердобским полком 1-й Донской дивизии. В коротком бою полк был разгромлен. Как пишет тот же Г.Сиволов -

"Малочисленная, безлошадная, плохо вооруженная, не спаянная крепкой дисциплиной, окружная милиция не

могла выполнять возложенные на нее задачи по охране порядка и соблюдения законности и, тем более, не была способна оказать какое-либо сопротивление продвигающемуся вглубь округа многотысячному и хорошо вооруженному отряду Махно...

С часу на час ждали появления Махно в станице Каргинской. Накануне с утра в исполкоме уже кипела работа: отбирали наиболее ценные и важные документы, папками увязывали в мешки и уносили - закапывали во дворе, несли в камыши на другой берег Чира...

22 сентября Махно занял станицу Каргинскую...

Прибытие в станицу банды, несмотря на то, что ее ждали с часу на час, вызвало настоящий переполох. Станичный исполком, станичную милицию как ветром сдуло. Председатель Федор Чукарин, исполкомовцы, продработники, комсомольцы бросились за Чир в левады и непроходимые терновники в слободке...

Вопреки слухам и утверждениям руководителей, насилия и стрельбы не было. Люди стали выходить из дворов полюбопытствовать, зачем махновцы пожаловали в станицу...

На мельничном дворе у кирпичных сараев с хлебом, собранным по разверстке, прикладами сбили замки. Выглядывавшим из дворов жителям сказали: "Это ваш хлеб. Забирайте!"...

В ночь на 23 сентября в сторону Вешенской Махно выслал конную разведку, но идти на нее не захотел. Он явно торопился".

Что Каргинская находилась в ожидании легендарного Нестора Махно, видно из анализа официальной сводки. Какой там еще "спектакль"! И почему "банда" вошла в станицу, не привлекая внимания и обнаружив себя лишь в театре?

Столь же смешным выглядит приглашение 15-летнего Миши Шолохова начальником Культпросвета Махно. В 1919 году этот пост занимал Всеволод Волин (редактор газеты "Набат"). В 1920 году им стал Петр Аршинов, автор книги "История махновского движения (1918-21)". Им было, конечно, больше 15 лет! Батьку окружали такие же, как он сам, интеллигенты, отдающие себе отчет, с высоты прожитых лет, в своих политических и культурных взглядах.

Похоронив в Каргинской боевого атамана Гаркушу, на следующий день Махно выступил на хутор Нижне-Яблонский, затем на слободу Кашары, станицу Чертково. Здесь под пулеметным огнем двинулся на Украину.

Вешенский краевед А. Грибанов, участник событий, о действиях Махно: "Летом 1920 года на территории Верхне-Донского округа появилась банда Махно. Его появление на северном Дону было вызвано неудачами в боях с красными на родине этого матерого бандита Украины. Есть основания считать, что Махно надеялся пополнить поредевшие в боях ряды своей армии за счет казаков, участвовавших в Вешенском белоказачьем восстании 1919 году. Банда имела в своем составе пехоту на тачанках, кавалеристов и артиллерию..." ("Гражданская война на Вешенской земле").

Есть ряд документов, проливающих свет на те события. Протокол № 6 пленума Донкома от 15 августа 1920 г.:

"...3. Положение в связи с Назаровщиной, Махновщиной в 1-ом Донском, Сальском и Донецком Округах. ...В западной части Донецкого округа угрожает Махновщина (тесно переплетенная с казачеством). В большинстве случаев махновцы уничтожают продовольственных агентов..."

28 сентября т. Мурзов телеграфирует Донпродкомиссару о тяжелых условиях работы продармейцев в Вешенской: "В связи с набегами банд Махновцев создано положение неизвестности ссыльных пунктов станиц правой стороны Дона и Маньгской, погибло много агентуры и продармейцев. Вся работа разверсток затормозилась. Эвакуировались все организации, в том числе окрпредком. Снова возвращается из ст. Шумилинской обратно скот три гурта, направили в Лиски Окрпродкомарм 2. Один гурт пропал без вести, есть слух, что захвачен бандитами..." (ГАРО. Ф. 1981, оп. 1, д. 259, л. 53 - Шолоховский ОВД).

В 1921 году Махно вновь появился на территории Донской области. Краевед Ю. Галкин достаточно подробно описал, на основе документов, действия махновцев и крас-

ноармейцев. Вот, например, запись за 28 июля 1921 года:

"1. Банда Махно в 7 часов 28 июля пошла из Годайный на Ново-Богородицкое, но, не дойдя до этого пункта, повернула на юг и 9-10 часов якобы занимала Дедово-Глубокая, 15-18 верст северо-западнее Казанская, где имела намерение переправиться на правый берег реки Дон.

С момента движения Махно на Ново-Богородицкое он был утерян нашими частями, сильно отставшими ввиду того, что положение запутывалось только что пришедшей в тот же район (сутками раньше) банды Сычева и болтавшейся там же банды местного происхождения Курочкина. По данным разведки действия банд Махно и Сычева были объединены на день-два. Далее они разъединились.

2....Ночью был отдан приказ 14-му стрелковому и кавполку преследовать Махно, не считаясь с границами Донобласти и усталостью. В связи с определенным за 27 июля движением Махно на запад 15-му полку приказано перейти в Богучар через Журавка и по пути вести разведку на восток и северо-восток. Вешенскому окрвоенному приказано, оставив в Вешенской заслон, выбросить имеющиеся силы на северо-восток Н. Дударев, Солоновский..."

Руководители Культпросвета Батьки Махно в 1919-20 гг. - В. Волин и П. Аршинов

"30 июля. 1. Банда Махно после ночевки в Дубровском в 10 часов сделала налет на Вешенская, но, выбитая оттуда, поспешно отошла на х. Черновский, 15-18 верст севернее Вешенская, и, обстрелянная нашими частями, двинулась на Н. Дударев, но, не дойдя до него, повернула на Солоновский и далее Морозов, где в 22 часа столкнулась с нашим кавполком и двинулась на Солоновский, 12 верст восточнее Казанская.

2. 14-й полк двумя батальонами с взятой на Казанской конразведкой полка,

выяснив в Еремий движение Махно, пустил за ним второй батальон на свежих подводах, последний, соединившись с отрядом Вешенского окрвоенкома, выбил Махно из хх. Черновских и один продолжал его преследование (Вешенский отряд был возвращен). Два других батальона полка (3-й батальон присоединился к полку) во главе с командиром полка, получив сведения о движении Махно после Вешенской на север, продвинулся на линию Быковский-Н. Дударев. Одновременно комполка 14 передал сведения о движении Махно на север от Вешенская.

Кавполк, получив приказание начдива о возвращении от Бычек в район Мигулинской (приказание было отдано в момент движения Махно на Вешенскую), двинулся по большой дороге на Матюшинскую, но, получив сведения о Махно от комполка 14, повернул на восток и в районе Морозов в 22 часа неожиданно наткнулся на банду. После короткой схватки (банда приняла бой и сама пошла в атаку), банда поспешно повернула на юг и полк, преследуя ее ночью, достиг Солоновской.

Самолет, высланный по маршруту Чертково-Сетраковский-Казанская-Н. Дударев-Красноярский-Журавка-Чертково, никаких сведений не привез.

31 июля. 1. Банда Махно около полудня переправилась через Дон у Базковской, 4 версты юго-восточнее Казанской и, пройдя через Федоровский, к вечеру перешла в Калмыков, 20 верст юго-западнее Мигулинской..."

В приведенной Ю. Галкиным записке нач. штаба 2-й Дондивизии Сперанского - характеристика действий красных сил, выводы и предложения по борьбе с махновцами. Интересно, что "при разборе действий банды Махно обращает внимание его зачастую поразительный по точности осведомленность о движении наших частей и отрядов во время нахождения его в северной части Донобласти... Состояние жителей в указании банде малоизвестных дорог и балок, дающих возможность двигаться кратчайшим путем и укрываться, можно было наблюдать очень часто".

Итак, Махно действительно был на Северном Дону - в частности, в районе станиц Боковская-Вешенская-Мигулинская-Казанская, и в 1920, и в 1921 году. Для наблюдения за его отрядами даже применялась авиация.

Эпизоды с Махно в Верхне-Донском округе

Рассказы о пребывании Махно на Дону распространялись из уст в уста. Некоторые из них записаны очевидцами и переданы в областной архив. Вот запись от 9 июня 1925 года жительницы станицы Милютинской Ксении Поповой:

“В 1921 и 22 году тоже много приходилось переживать от банд Махно и других, которые нападали просто врасплох. Например, Махно приехал отряд в чел. 500 ночью час. 12 (мы еще про эти банды ничего не знали в 1921 г. августе). Братья наши служили: первый в Ставропольской губернии продагентом, второй на хут. верстах в 7 от Милютинской (х. Терновой), маленький брат лет 14 и племянник лет 6 с нами. Около хаты бандиты разбудили их и начали их распрашивать, есть ли у Вас коммунисты? Брат и племянник им отвечают да, есть. У нас говорят и братья коммунисты, а они дома, они отвечают нет. На следующий день смотрим: аресты происходят, арестовали всех ответственных работников и технических партийных и безпартийных. Собирали митинг. Людей было множество, которые просили отпустить людей невиновных. Но бандиты отпустили всех, кроме 4 чел. - 3 милиционера и четвертый агент продовольственный. 2 из них партийных и остальных беспартийных, которых они вывели из станицы четверть версты и зарубили их...”

Шолохов материал для ранних рассказов собирал по горячим следам, пока память о жертвах свежа, а сами рассказы не обросли легендами. Только вот подростка-продотрядовца или юного учителя, чудом спасшегося по воле сердобольного Махно, в них нет. Людская молва неизменно в том, что махновцы расправлялись с ненавистными им продагентами, партийными и советскими работниками.

Конечно, Шолохов знал это, мог наблюдать махновцев на отдыхе, даже видеть самого Батьку. Возможно, все было именно так, как описал он в повести “Путь-дороженька”:

“Петька привстал, увидел, как по дороге, запряженная четверкой вороных, катится тачанка. С лошадей белая пена комьями, кругом верховые, а сам Махно, раненый под Чернышевской, держит под мышкой костыль, морщит губы - то ли от раны, то ли от улыбки. С задка тачанки ковер до земли свесился, пыль разтрепанными космами висит на задних колесах...”

Мог он видеть “кругом цветное море голов, гул, конское

ржанье” при вступлении Махно в Каргинскую, слышать, что “порубили махновцы ребят из ячеек”.

Отложившись в памяти подростка, все это легло в основу - и повести, и устных воспоминаний. Начинающий писатель должен использовать реальные сцены из жизни Нестора Махно, иначе бы читатели ему не поверили. Очевидно также, что встречи с махновцами, если и имели место, происходили не при трагических для Шолохова обстоятельствах.

Иван Петрович Громославский (брат жены писателя) незадолго до смерти сказал своему внуку Владимиру Громославскому: “Написал Шолохов в биографии, что банды за ним гонялись, да не подумал, что “обрастать” начнут эти слова”. Но делалось это явно с молчаливого согласия писателя. В книге “Шолохов в жизни: Дневниковые записи секретаря” А. Зимовнов не зря написал следующее: “Предлагал я М.А., чтобы он диктовал, а я записывал его биографию. Однажды за столом он сказал об этом жене. Мария Петровна отказалась от такой мысли. С таким же предложением обращался к нему как-то и П.Е. Чукарин - редактор Вешенской газеты, а затем его секретарь. М.А. посмотрел рукопись и сказал мне: “Верни ему, не знает моей биографии - пусть не берет”. Приносил свою рукопись и М. Мезенцев, через меня передавал ее писателю. М.А. посмотрел ее и сказал то же самое, что и Чукарину”.

Не знаем и мы деталей его жизни 20-х годов. Так и не напечатана официальная его биография. В книгах о Шолохове разнятся даты, варьируются события, относящиеся к одному и тому же периоду.

Потому и был выбран к статье эпиграф из народного фольклора о Несторе Ивановиче Махно, чье имя пытаются увязать с Мишей Шолоховым для придания последнему геройского статуса. Легенды о встрече Писателя с Атаманом столь разнообразны, что можно их тоже смело отнести - именно к народному творчеству, а не к данным биографии! Да и Шолохов, похоже, сам к ним так относился...

А. Ж.

Коллекционирование оловянных солдатиков - с давних времен одно из популярнейших мужских увлечений. Г.-Х.Андерсен, Г.Уэллс, Наполеон, Р.Л.Стивенсон, Суворов, И.Гёте - всех коллекционеров военной миниатюры просто не перечислить! Технология изготовления фигурок теперь, конечно же, изменилась. Как и отношение к “вражеской” прежде униформе. Хотя еще недавно, на нашей памяти, простое хранение подобного “оловянного солдатика” могло принести много горя и самому собирателю, и его родным... Давайте же не путать увлечение с политикой!

Итальянские казаки - настоящие и игрушечные

На Восточном фронте в рядах итальянской Армии, как Вермахта, сражались казаки-добровольцы. В 1942 году они входили в состав итальянской группы “Савоя”. Форма на казаках была итальянской армии образца 1940 года, но носили, естественно, и казачью. Головной убор - барашковая шапка темного меха, с красным донышком. На правом рукаве, углом вниз - бело-сине-красный шеврон (точнее, нашивка) по типу Добровольческой армии. Вооружение было скуднее, чем у казаков Вермахта: первоначально - пистолет и винтовка “Каркано” производства 1910 года.

По примеру немцев, итальянская 8-я Армия имела свою казачью часть, которую называли просто - “Сотня”. В ней числился один полковник, 4 младших офицера и 360 казаков. Позднее, в 1943 году, эта “сотня” была причислена к итальянским уланам “Новария”. Когда итальянцы ушли с советского фронта, “Сотня”, стремившаяся дальше воевать против Красной Армии, присоединилась к казачьим частям, действовавшим в составе Вермахта, затем оказалась в северной Италии, а потом в Австрии. Прodelав крестный путь с Казачьим Станом, “Сотня” разделила участь домановских казаков в долине Дравы.

Известная испанская фирма “Дель Прадо”, специализирующаяся, помимо прочего, на выпуске пластиковых игрушечных моделей для коллекционирования, недавно выпустила фигурки “казаков”. “Солдатики” - казаки высотой 6,5 сантиметров и шириной (на уровне пояса) 1,5 см. Работа выполнена со всей тщательностью, изяществом и дотошной реконструкцией униформы.

Фирма распространяет солдатиков по всей Европе, имеет многочисленные филиалы. Разве что только, по нашему представлению об “игрушках”, в цене дороговато...

Среди уже выпущенных - миниатюры казаков серии “Man at Arms (1914-1945)”: генерала П.Н.Краснова и 15-го Казачьего Кавалерийского Корпуса, с нашивками “Дон”, “Кубань”, “Терек”. Все, как положено: по полкам и подразделениям, в своей форме... Выполнены фигурки по рисункам уважаемого западного издательства “Osprey”, специализирующегося на истории военного костюма, раскрашены вручную. В коробочки вложены также красочные брошюры с фотографиями казаков военных лет и подробным описанием их истории - отчего воевать против режима Сталина - и вплоть до выдачи органам НКВД.

Выпущена также отдельная серия казаков итальянской Армии и власовцев. Кроме того, фирма “Дель Прадо” посвятила серию солдатиков “Белым Гражданской войны в России”. В ней - добровольцы Севера, Северо-Запада, знаменитые “цветные полки” - самурцы (!), алексеевцы, корниловцы... Подробно представлены различные казачьи части, в том числе “Волчья сотня” генерала Шкуро! И даже почему-то махновцы...

По всей Европе продается, а в Российской Федерации - не имеется. Отчего и на солдатиков ярлык “пособников” да “предателей” наклеивают вместо ценника? Хотя, кстати говоря, солдатиков-эсэсовцев можно купить в любом нашем большом магазине игрушек (“антифашистские” комитеты - ау-уу!..)

Командный состав терских казачьих частей в Первой мировой войне

Воюют не полки и дивизии, а, в первую очередь - люди! И успех боя при этом нередко зависит от действий командиров конкретных воинских частей и соединений.

Так кто же вел в атаки терских казаков в 1-й мировой войне?.. Материал нашего давнего автора **Феликса Киреева** в этом номере "Станицы" во многом восстанавливает элементарную историческую справедливость - возвращая нам из забвения и небытия имена героев и обыкновенных тружеников полузабытой войны. Войны, называемой тогда - "*Великой*"!..

Сегодня, впрочем, не только имена офицеров Терского Казачьего Войска неизвестны - забываются постепенно и сами названия многих станиц, в которых они жили, за которые сражались. А если и сохранилось какое из них - так живут в этих "станциях", милостью советской власти, сегодня совсем-совсем другие люди. Которым до казаков, в лучшем случае, и дела-то вовсе нет...

Рисунки к статье выполнены по сохранившимся фотографиям **В.А. Егоршиным** (Самара).

Полковник Александр Ефимович Зимин, командир 1-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ (в 1919 г.), казак станицы Червленной

Полковник Дмитрий Михайлович Сехин, командир 2-го Кизляро-Гребенского полка, казак станицы Старо-Гладковской

Полковник Алексей Денисович Данильченко, командир 2-го Кизляро-Гребенского полка, казак станицы Ардонской

Полковник Гавриил Викентьевич Вербицкий, командир 2-го Терского паластунского батальона, казак станицы Червленной

Историческая картина мира Кубанского казачества

Издательством "Кубанькино" выпущена книга историка, доцента Кубанского госуниверситета **О.В. Матвеева** "**Историческая картина мира Кубанского казачества (конец XVIII - начало XX века): категории воинской ментальности**". Монография редактора "Кубанского сборника" посвящена реконструкции мира казаков Кубани, становлению исторических представлений кубанцев и модели "народной истории", исследованию их системы взглядов, поведенческих стереотипов, воинских атрибутов и символов, представлений о военной службе, об Императорах и военачальниках, полковом самосознании, соседях, врагах и союзниках.

Более 400 страниц достаточно убогистого шрифта содержат огромное количество разного рода сведений о жизни и военной службе кубанских казаков - и архивных данных, и семейных преданий, и литературных источников. Выстраиваемая автором картина кубанского казачьего менталитета, столь отличного от общероссийского, показывает причины характерного отторжения казаками навязываемых ему идеологических и исторических моделей жизни и поведения. Рассказ заканчивается, по понятным причинам, рубежом 1917 года. Но и без того понятно, что уже за этой гранью разница эта в восприятии мира привела - и государство, и всех нас - ко многим бедам и ошибкам. Вот и теперь: прежде чем что-то "возродить", надо иметь четкое представление, с чем ты имеешь дело!.. Это и властей нынешних касается, и всяких господ-товарищей атаманов...

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 117335,
до востребования Стрелянову П.Н.

тел. 8-916-911 4935.

E-mail: stanitsa@rambler.ru;
архив - www.kubankazak.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Редколлегия:

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Виктор Карпов

Олег Мраморнов, Андрей Серба

Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько